

Том 12, № 6, 2022

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 6, 2022

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: В ПОИСКАХ ДНК РОССИИ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЦЕННОСТИ

<i>Шатилов А.Б.</i> Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России) 6	
<i>Джанджгава Л.Т., Ореховская Н.А.</i> Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе.	12
<i>Каримов Ш.И., Оборский А.Ю.</i> Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями.	19
<i>Абрадова Е.С.</i> Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов	25
<i>Сперкач А.И.</i> Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения?	33
<i>Попова Е.А.</i> «Культура отмены» как проявление западной русофобии	40

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Махаматов Т.М., Пулатова Д.А.</i> Основания образования экзистенции и способы ее преодоления	46
<i>Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С.</i> Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях.	53
<i>Мельничук М.В., Стародубцева Е.А.</i> Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран)	63
<i>Крупченко А.К., Кузнецов А.Н.</i> Лингводидактические основы лингвистического обеспечения информационной безопасности организации.	72
<i>Субцельная Т.А., Негрий В.А.</i> Влияние внутриличностного конфликта на потребительское поведение у женщин	81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Пляйс Я.А.</i> Афганистан: талибы снова у власти	88
<i>Крылов Д.С.</i> Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США	97
<i>Лебедев С.В.</i> Устойчивость монархий Большого Ближнего Востока: эффект громоотвода, подавление протеста и патримониальные связи	103
<i>Ачыкгёз М.</i> Деятельность консульства Турции в г. Казани в области гуманитарной помощи в период распространения COVID-19	109
<i>Ковригина А.И., Горячева И.Н.</i> Перспективы использования методики предметно-языкового интегрированного обучения в программах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика»	113
<i>Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е.</i> Развитие творческой активности студентов в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе	122
<i>Артюнян В.С.</i> Экосистема «Дистант» сквозь призму диады преподаватель-студент.	134

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Кашин Е.А.</i> Внедрение новой структурной модели в анализ внешней политики государств.	140
Содержание журнала за 2022 год	145

COVER STORY: IN SEARCH OF RUSSIA'S DNA: WORLDVIEW AND VALUES

- Shatilov A.B.** Statics and Dynamics of Russia's Political Culture in the XX–XXI Centuries (to the Question of the DNA of Russia) 6
- Dzhandzhgava L.T., Orehovskaya N.A.** Historical Continuity of the Spiritual Experience of Generations in Modern Russian Society 12
- Karimov Sh.I., Oborsky A. Yu.** Changing the Way of Transfer of Spiritual Experience Among Generations 19
- Abradova E.S.** National-State Identity Impact on the Socio-Political Stability of Russian Society: The Actual Review of Russian Researchers 25
- Sperkach A.I.** Soviet Experience: Ressentiment, Pattern or Actual Course of Scientific Research 33
- Popova E.A.** "Cancellation culture" as a manifestation of Western Russophobia 40

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Makhamatov T.M., Pulatova D.A.** Backgrounds for the Existence Formation and its Overcoming Ways 46
- Komissarov A.G., Stepashkina E.A., Soboleva O.B., Guzhelya D. Yu., Seleznev P.S.** Assessing Method for Meta-Professional Competencies in Russian Educational Institutions 53
- Melnichuk M.V., Starodubtseva E.A.** Language as a Tool for Society Manipulating (the Experience of Foreign Countries) 63
- Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N.** Linguodidactic Foundations of Linguistic Provision of Information Security of an Organization 72
- Subtsel'naya T.A., Negriy V.A.** Influence of Intrapersonal Conflict on Women's Consumer Behavior 81

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Plyajs Ya.A.** Afghanistan: The Taliban are Back to Control. 88
- Krylov D.S.** Inclusive Security Architecture in the Middle East to Counter the US Expansionist Policy. 97
- Lebedev S.V.** The Resilience of Monarchies in the Greater Middle East: The Lightning Rod Effect, Crackdown on Protest, and Patrimonial Links. 103
- Açıköz M.** Humanitarian Activities of the Turkish Consulate in Kazan During the COVID-19 Growing 109
- Kovrigina A.I., Goryacheva I.N.** Content and Language Integrated Learning in Bachelor Programs in Linguistics: Prospects and Potentials 113
- Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E.** Progression of Students' Creative Activity in Studying Foreign Languages in a Non-Linguistic University. 122
- Arutyunian V.S.** Ecosystem "Distant": Teacher – Student Dyad 134

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kashin E.A.** New Structure Implementation for Foreign Policy Analysis of States 140
- Contents of the Journal for 2022. 145

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 12, № 6 (60), 2022

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анохина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 29.12.2022

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 17,44 усл.п. л.

Заказ № 1263

Отпечатано в отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 29.12.2022

Format 60 x 84 1/8.

Size 17,44 printer sheets.

Order № 1263

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11
УДК 32(045)

Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России)*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия; ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается весьма сложный вопрос о культурном коде, лежащем в основе российской цивилизации. Автор анализирует структуру политической культуры, вычленяет ее «онтологическую» составляющую, предлагает свою версию набора констант, определяющих базисные основы национальной ДНК. При этом в результате компаративного анализа имперского, советского и постсоветского опыта прослеживается их укорененность и преемственность в отечественной политической культуре.

Ключевые слова: Россия; ДНК; генетический код; политическая культура; политическое сознание; политическое поведение; константа; ценности; онтология

Для цитирования: Шатилов А.Б. Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11

ORIGINAL PAPER

Statics and Dynamics of Russia's Political Culture in the XX–XXI Centuries (to the Question of the DNA of Russia)**

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia; INION RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article raises a very difficult question about the cultural code underlying the Russian civilization. The author analyzes the structure of political culture, singles out its “ontological” component, offers his own version of a set of constants that determine the basic foundations of national DNA. At the same time, as a result of a comparative analysis of the imperial, Soviet and post-Soviet experience, their rootedness and continuity in the domestic political culture can be traced.

Keywords: Russia; DNA; genetic code; political culture; political consciousness; political behavior; constant; values; ontology

For citation: Shatilov A. B. Statics and dynamics of Russia's political culture in the XX–XXI centuries (to the question of the DNA of Russia). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11

* Проект «Генетический код Российской государственности. Политическая система периода СССР» № 122101100042-2 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

** The project “The genetic code of Russian statehood. The Political System of the USSR Period” No. 122101100042-2 was implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Теория политической культуры крайне сложна и дискуссионна. Данное направление в политологии является достаточно молодым, первые работы по этой тематике стали появляться на Западе лишь после Второй мировой войны, да и то были весьма конъюнктурны. Их задача состояла, с одной стороны, в том, чтобы объяснить, почему в «просвещенной» и либеральной Европе неожиданно возник «нацистский всплеск», с другой — чтобы провести более чем ангажированные параллели между режимами А. Гитлера, Б. Муссолини и сталинским СССР (что было вполне понятно с учетом начавшейся холодной войны). В дальнейшем стали появляться более «научнообразные» исследования, но опять же сильно идеологизированные и находившиеся в русле «антитоталитарного» направления. В СССР политикокультурные статьи и монографии вообще появились на завершающем этапе перестройки и представляли собой попытку объяснить характер советского варианта «демократического транзита». Впоследствии в российской историографии сформировались два базовых подхода к исследованиям в области политической культуры: одни ученые (не отрицая в целом приоритетов либерально-демократической модернизации) пытались понять спонтанный или «отраженный» характер переходного периода, другие же задавались вопросом о преемственности основ политической культуры в царский, советский и постсоветский периоды. Тем не менее к началу 2000-х гг. исследования политической культуры становятся достаточно редким явлением как в российской, так и зарубежной политической науке. Это происходит, во-первых, в силу виртуальности темы и слабой верифицируемости результатов исследований (попытки представить доказательную базу в виде статистических данных и соцопросов были не слишком убедительны, а зачастую прямо политически ангажированы). Во-вторых, в силу «моды» на исследование «верхов» современной политики (власти, элит, лидерства и пр.). Политическая культура с ее народными глубинными архетипами массового сознания сюда не вписывалась и была оттеснена на периферию политического знания. В-третьих, в условиях относительной политической и социально-экономической стабильности народные массы не рассматривались в качестве влиятельного и самостоятельного политического актора. Определенный интерес к «охлосу» возник в свете цветных революций 2000–2011 гг., но с учетом достаточно быстро выяснившейся их по-

литтехнологической и манипулятивной сущности этот интерес быстро исчез.

Для России после 2014 г. вопрос о политической культуре, национальном культурном коде и ДНК является не технологическим, а онтологическим. От того, насколько мы сумеем понять существо нашего генетического кода и использовать наши лучшие национальные черты, зависят свобода и суверенитет России в развернувшемся глобальном противостоянии с Западом [1].

Если говорить о структуре политической культуры, то обычно выделяют два ее компонента — политическое сознание и политическое поведение. Нас будет, прежде всего, интересовать именно политическое сознание, поскольку именно в него вписаны глубинные основы нашего мировоззрения и национального характера. В свою очередь, политическая теория разделяет политическое сознание на базовую социально-политическую онтологию и ценностные ориентации. При этом онтологическая часть политического сознания представляет собой комплекс политических, этических, социально-экономических констант, которые сформировались за сотни лет российской истории и гарантированно откладываются в массовом сознании россиян, зачастую даже на бессознательном уровне. Более того, данный компонент политического сознания является максимално статичным, практически неререформируемым, его трудно изменить в одночасье, он придает устойчивость и консолидирует нацию как культурную целостность. Кроме того, в ходе социализации константы политического сознания передаются из поколения в поколение, регулярно воспроизводясь на новом этапе жизни социума. При этом второй компонент политического сознания — ценностные ориентации — вполне подвижен и динамичен, политические предпочтения являются весьма конъюнктурными, легко меняются под влиянием конкретных обстоятельств и даже политической моды. При этом глубинные основы, невзирая на всю свою подспудность, являются доминирующими в политическом сознании [2].

С точки зрения исследования ДНК России чрезвычайно важно проанализировать и сопоставить базовые основы массового сознания имперского, советского и постсоветского общества, прежде всего, для того чтобы выявить их политикокультурную преемственность и «укорененность».

Рассмотрим сперва царский (имперский) период российской истории. В это время складывается весьма **устойчивая государственническая константа в сознании населения. Запрос на сильную,**

авторитетную и народную власть становится частью политической культуры жителей Российской империи (прежде всего, великороссов). При этом поддержка «снизу» касалась не столько властных институтов (тем более, коллегиального плана), сколько правящих персон. «Персонализация» власти влекла за собой оценку ее эффективности и продуктивности через призму личности монарха, и лишь самые сильные из них становились в народе культовыми: Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, отчасти — Александр III. При этом слабые властители вызывали скепсис даже у лоялистов, придерживавшихся принципа: «любая власть от Бога». Более того, в политическом сознании нашего населения «этатизм» парадоксальным образом соседствует с бунтарским началом, которое проявляется в том случае, если руководство страны, с точки зрения населения, является «ненастоящим», т.е. не соответствующим народным идеалам. В этом случае разочарование может проявляться в диапазоне от «народ безмолвствует» до «долой самодержавие». Как видно из отечественной истории, наиболее проблемными монархами, с точки зрения восприятия населением, были безвольные «лукавый щеголь» Александр I, «великий реформатор» Александр II, «профнепригодный» Николай II. При этом не стоит искать какой-то объективности в народной оценке эффективности деятельности монархов. Так, Александр I, невзирая на то, что одержал победу в Отечественной войне 1812 г., пользовался весьма неоднозначной репутацией у элиты и населения. И если элита ставила Александру Павловичу в вину отцеубийство, то общественное мнение — оторванность от народа (в то время как фельдмаршал М.И. Кутузов воспринимался почти как свой). Кстати, достаточно популярный в «низах» миф о старце Федоре Кузьмиче, который якобы на самом деле был ушедшим из мира Александром I, несколько реабилитировал царя в глазах подданных. Что же касается Николая II, то ему народное мнение не простило слабости, нерешительности и влияния супруги, поскольку в период его царствования требовалась совершенно иная, жесткая и последовательная политика. В итоге такой «слабости» он снискал себе нелюбовь у населения и прозвище «Кровавый», хотя пролил крови гораздо меньше, чем тот же Петр, известный в народе как «Великий». Ну а добровольное отречение Николая II от власти лишь усугубило негативный имидж царя и династии, поскольку воспринималось населением как капитуляция «помазанника Божия».

Имперский период формально завершился с падением царского режима в 1917 г., причем, невзирая

на ошибочные стереотипы как либерального, так и марксистского характера, он был ликвидирован не столько «несистемными» большевиками-«скифами», сколько «прекраснодушными реформаторами-западниками» типа А. Керенского, П. Милюкова, А. Гучкова и пр. Однако после прихода к власти коммунистов, как это ни парадоксально, целый ряд мировоззренческих констант пусть в несколько модифицированном виде, остались в политическом сознании народа и стали влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства. Это касалось и «этатистского» начала, которое проявилось уже в годы гражданской войны в виде поддержки Советской власти (многие интеллектуалы и народные массы того времени воспринимали большевиков как носителей новой российской государственности), затем в годы формирования СССР и выбора стратегического пути «построения социализма в отдельно взятой стране». И, опять же, нельзя все сводить исключительно к репрессивной составляющей политики советского руководства. Да, оно весьма жестоко карало как прямых идеологических противников («красный террор»), так и «уклонистов» в своих рядах (репрессии 1937–1939 гг.), но поддержка «снизу» команды И.В. Сталина была вполне искренней. Населению импонировал аскетичный быт вождя, его нацеленность на решение государственных задач, сила воли и наведение порядка «железной рукой». Поэтому существовавший «культ личности» воспринимался народными массами как само собой разумеющийся и фанатизм советских граждан был вполне мотивированным.

В то же время главный антагонист Сталина, его преемник на посту руководителя партии Н.С. Хрущев, воспринимался населением достаточно скептически. Во-первых, ему в вину ставили «несолидный» волюнтаристский стиль поведения; во-вторых, непоследовательную и неэффективную внешнюю и внутреннюю политику (чего стоила только амнистия всем без исключения немецким пособникам и сепаратистам, объявленная в 1955 г.); в-третьих, при Хрущеве расцвело местничество, кумовство и землячество, что также противоречило народным идеалам равенства и справедливости. Кстати, последнее обстоятельство скомпрометировало в глазах населения и Л.И. Брежнева, который в остальном оценивался (по крайней мере, до утраты дееспособности) достаточно позитивно и «по-царски».

После смерти Брежнева у населения СССР ощущался запрос на сильную и волевою личность у рычагов управления страной. При этом надежды возлагались сперва на Ю.В. Андропова с его борьбой

против коррупции, затем на М. С. Горбачева с его «перестройкой, ускорением и гласностью», потом на «народного демократического лидера» Б.Н. Ельцина. Но каждый раз надежды разбивались о реальность. Так, Андропов достаточно быстро ушел из жизни, Горбачев не оправдал первоначальных народных «авансов», продемонстрировал слабость и «развалил» СССР, Ельцин провел «шоковую терапию» и окружил себя олигархами. И лишь приход к власти В.В. Путина и его политика были восприняты гражданами России как возрождение реальной власти. Причем в актив Путину заносились не только его курс стабилизации (позже — инновационного развития), восстановление территориальной целостности России, попытки создания «социального государства», но и такие «субъективные» и «персональные» моменты, как солидность поведения, сдержанность, дозированный популизм, независимый курс во внутренней и внешней политике, «равноудаленность» от различных элитных групп и центров влияния, подчеркнутый патриотизм. При этом такое доверие оказалось весьма пролонгированным — высокие рейтинги В.В. Путина не смогли поколебать ни внутренние (теракты, гибель «Курска», пенсионная реформа), ни внешние (санкции, Крым, СВО) проблемы¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идеальная власть в политической культуре нашего народа должна быть:

- персонифицированной;
- сильной и ответственной;
- в пределах разумного «народной», по крайней мере, соответствовать народным запросам;
- патриотичной и ориентированной на отстаивание национальных интересов;
- справедливой.

При соблюдении указанных выше «параметров» население готово простить власти практически любые трудности и испытания — войну, ограничение потребления, «закручивание гаек», непопулярные реформы и пр.

Еще одной константой национального ДНК является общественный коллективизм, ориентированность на «общее дело» и «соборность». Как писал в своей статье А.З. Стризов, «ценности и традиции российской политической культуры отражают не только исторический и политический опыт общества, но и социокультурный опыт самосохранения, управления и развития. Достижение

этих целей предполагает интеграцию и консолидацию дифференцированного во многих отношениях сообщества» [3]. Индивидуализм и эгоизм никогда не поощрялись народом, но это не означало, что в российском обществе господствовали усредненность, «уравниловка», дюжинность, как об этом принято писать в западной научной литературе и работах отечественных либералов. Россия дала миру слишком много выдающихся людей, с ярко выраженной индивидуальностью и талантами, чтобы эти утверждения были правдой. Однако избретательность, сметка и деловые способности признавались и одобрялись лишь в том случае, если они были вписаны в этический кодекс российской политической культуры и не приводили к обособлению индивида от общества и государства. Причем эти этические требования формулировались на уровне как городской, «просвещенной» публики, так и крестьянской общины. После 1917 г. коллективизм стал одной из основ коммунистической идеологии в СССР, при этом личность не растворялась в коллективе, но была его частью, выполняя определенные значимые функции, т.е. являлась так называемой «симфонической личностью», как об этом писали идеологи евразийства. Примечательно, что при смене политического строя на рубеже 1980–1990-х гг. идеологами «перестройки» и рыночных реформ была предпринята мощная атака на коллективистские устои российского социума. В этот период российские реформаторские элиты активно заимствовали западный политический и экономический опыт, преподнося как непреложный факт, что индивидуалистическая демократия, «атомизированное» общество и «протестантская этика капитализма» являются универсальным залогом процветания и благополучия. Тем не менее «рыночный угар», овладевший массами в начале 1990-х гг., достаточно быстро пошел на спад. Это было связано не только с социально-экономическим кризисом, разгулом бандитизма, властью «семибанкирщины» и «парадом суверенитетов». Основная причина — в несоответствии реалий тех лет идеалам коллективизма и соборности. Уже в середине 1990-х гг. данная константа начала на подсознательном уровне «оппонировать» западническим и рыночным приоритетам постсоветских реформаторов. Это выразилось, с одной стороны, в массовой ностальгии по «старым добрым временам» СССР, с другой — в росте протестных настроений. Однако избрание президентом России В.В. Путина, сделавшего ставку на принципы «соборности» и «общего дела», достаточно быстро

¹ URL: <https://ourcountryindata.ru/rejting-doveriya-putinu-s-1999-goda-vcziom-levada-i-fom/>

примирили общество с властью и обеспечили их синхронное взаимодействие.

Немаловажной составляющей российского ДНК является стремление к правде и справедливости. Оно также является «укорененным», уходящим корнями в допетровское прошлое, когда многие вопросы решались «не по закону, а по совести». Да и позже, в XVIII–XIX вв., субъективная и нередко произвольно понимаемая правда явно противопоставлялась мертвому юрицизму западного толка. Во многом на этой идее «справедливого и светлого коммунистического общества» эффективно сыграли большевики, придя к власти и обеспечив себе народную поддержку на длительную перспективу (вплоть до 1960–1970-х гг., когда стало очевидно, что коммунизм является недостижимой фикцией). В постсоветский период данные идеалы также сохраняли свою актуальность. Примечательно, что свою избирательную кампанию 1991 г. Б.Н. Ельцин построил именно на критике несправедливости власти «партократов», ее оторванности от народа². Более того, в противовес своим оппонентам первый президент России всячески демонстрировал свою «созвучность» с широкими слоями населения, «народность» и «демократизм». Именно поэтому впоследствии, когда такого рода народные ожидания не оправдались, рейтинги Б.Н. Ельцина обвалились и их пришлось реанимировать к кампании 1996 г. за счет массированных финансовых и информационных «вливаний». При этом в вину Ельцину общественное мнение ставило не только «антинародный экономический курс», но в большей степени — выстраивание в России «олигархической» политической системы. В период правления В.В. Путина такого рода противоречия власти и общества в целом удалось сгладить, хотя и сейчас у населения при полной поддержке главы государства нередко встречается недовольство его окружением³.

Одной из важных традиционных ценностей России является **приоритет семьи и преемственности поколений**. Это во многом обеспечивает устойчивость нашего общества и относительно гармоничную передачу опыта и знаний от старших поколений к младшим. Конечно, в истории нашей страны не обошлось и без достаточно серьезных конфликтов «отцов и детей», — это было и в 1917, и в 1991 гг. Однако это были, скорее, «тактические» и «идеологические» межпоколенческие столкно-

вения, поскольку они не затрагивали глубинных социокультурных основ. Ценности Семьи, Дома, Родины все равно оставались доминирующими. Определенную тревогу вызывают современные межпоколенческие отношения, в рамках которых мы наблюдаем определенное обособление поколенческих групп, взаимные обвинения в «Эйджизме», нежелание молодежи признавать опыт старших [4]. Однако с началом СВО на этом направлении наблюдаются определенные позитивные подвижки — атмосфера «осажденного лагеря» вольно или невольно сплачивает поколения, к тому же в России была ограничена деятельность деструктивных общественных и политических организаций, а многие ЛОУМы-иноагенты, разжигавшие межпоколенческую рознь, покинули территорию страны.

Важной отечественной скрепой является «национальный» характер государства. Российская империя, СССР, а затем Российская Федерация отличались крайне низким уровнем ксенофобии и расизма. Даже в тех случаях, когда наша страна проводила расширение границ или восстанавливала территориальную целостность (Кавказская война XIX в., первая и вторая Ичкерийские войны, СВО), она никоим образом не дискриминировала побежденные народы, а на равноправной основе интегрировала их в общегосударственную жизнь. Более того, хотя царскую Россию и Советский Союз (последний с известным допуском) и можно отнести к империям, но они были империями асимметричного и неклассического типа: окраины не эксплуатировались, а развивались; Москва выделяла дотации союзным республикам, где оказывалась широкая поддержка национальным меньшинствам в развитии культуры, литературы и языка. Такой подход сохранился и в Российской Федерации, где уже в середине 2000-х гг. удалось преодолеть межнациональные противоречия и конфликты, создать «полифоническую» единую нацию, объединить народы на почве строительства новой «большой государственности». Примечательно, что даже из радикальной политической риторики практически исчезли популистские агитки, типа «хватит кормить Кавказ», а Рамзан Кадыров воспринимается нашим обществом как русский патриот.

Тесно связана с предыдущей еще одна константа отечественной политической культуры — **патриотизм и высокий боевой дух при защите общего Отечества**. Так было в Российской империи и Советском Союзе, так происходит и сейчас в ходе глобального противостояния, когда «на кону» находятся суверенитет и само существо-

² URL: <https://sovtime.ru/blog/predvybornaya-programma-eltsina-1991>

³ URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>

вание нашей нации. Фактически в настоящее время идет третья по счету Отечественная война — Россия воюет не с Украиной, а с современной западной цивилизацией, которая ранее уже дважды (в 1812 г. и 1941–1945 гг.) пыталась «подмять» под себя нашу страну. Крайне интересным является факт переформатирования в условиях СВО российского гражданского общества. Осознавая ответственность момента, оно отказалось от традиционного оппонирования власти и активно подключилось к обеспечению национальной

безопасности, иногда даже страхуя государство на «проблемных» направлениях (ЧВК, военное волонтерство, добровольчество, военкоры и пр.) [5].

Все обозначенные выше константы нашей политической культуры прошли испытание временем, имеют ярко выраженный традиционный характер, способствуют сохранению и преумножению национального потенциала. Они не подвержены политической конъюнктуре, серьезно не трансформируются под воздействием внешних факторов и являются основой российского ДНК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):9–19.
2. Шатилов А.Б. Постсоветские подходы к изучению политической культуры. *Pro et Contra*. 2002;(3):183–194.
3. Стризое А.З. Пути политической модернизации России и традиции политической культуры. *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021;26(3):95–107.
4. Шатилов А.Б. «Поколенческие разрывы» как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):29–30.
5. Яковлева Е. «Мы победим общим мужеством»: Корреспондент «РГ» — о единении народа в порыве помочь участникам СВО и новым жителям России. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/kasaetsia-menia.html>

REFERENCES

1. Kharichev A.D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research materials and approbation). *Zhurnal politicheskikh issledovanij = Journal of Political Studies*. 2022;6(3):9–19.
2. Shatilov A.B. Post-Soviet approaches to the study of political culture. *Pro et Contra = Pro et Contra*. 2002;(3):183–194.
3. Strizoe A.Z. Ways of political modernization of Russia and traditions of political culture. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of VolSU. Series 4. History. Regional studies. International relations*. 2021;26(3):95–107.
4. Shatilov A.B. “Generational gaps” as a factor of conflict growth in modern Russian society. *Vlast’ = Power*. 2019;(4):29–30.
5. Yakovleva E. “We will win with common courage”: The correspondent of “RG” — about the unity of the people in a rush to help the participants of the SVO and new residents of Russia. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/kasaetsia-menia.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sc. (Political), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Chief Researcher, INION RAS, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18
УДК 316.7(045)

Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе*

Л.Т. Джанджгава, Н.А. Ореховская
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования выступает историческая преемственность поколений и влияющие на нее факторы. Современное российское общество постоянно изменяется, что оказывает влияние на все сферы жизни людей. В связи с этим возрастает актуальность проблемы преемственности поколений, которая не просто отвечает за связь прошлого и настоящего, но и определяет вектор будущего развития страны в целом. Статья посвящена исследованию механизмов трансформации и трансляции исторической преемственности поколений в современном российском обществе. Авторами был проведен вторичный анализ социологических исследований, посвященных данной проблеме, а также представлена собственная интерпретация полученных данных. Материал затрагивает ключевые вопросы сферы исторической преемственности поколений.

Ключевые слова: историческая преемственность поколений; культурная трансмиссия; система ценностей; духовный опыт; мировоззренческие установки

Для цитирования: Джанджгава Л.Т., Ореховская Н.А. Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18

ORIGINAL PAPER

Historical Continuity of the Spiritual Experience of Generations in Modern Russian Society**

L.T. Dzhandzhgava, N.A. Orehovskaya
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The object of the study is the historical continuity of generations and influencing factors. Modern Russian society is constantly changing, which affects all spheres of people's lives. The relevance of the continuity problem of generations is growing, which handles the link between the past and the present, as well as determines the vector of the future development of the entire country. The paper studies the mechanisms of transformation and translation of the historical continuity of generations in modern Russian society. The authors conducted a secondary analysis of sociological studies addressing this problem and also presented his own interpretation of the data obtained. The material touches on the key issues of the sphere of historical continuity of generations.

Keywords: historical continuity of generations; cultural transmission; value system; spiritual experience; worldview

For citation: Dzhandzhgava L.T., Orehovskaya N.A. Historical continuity of the spiritual experience of generations in modern Russian society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

Актуальность исследования заключается в том, что среди представителей современной российской молодежи особое распространение приобретает тенденция к изменению идеологических и нравственных характеристик их мировоззрения, а присущие предкам ценности и нормы устаревают, уступая место новым. При этом важно отметить, что в Российской Федерации конституционно закреплена важность народного единства страны, подразумевающая под собой сохранение памяти предков, их опыта, идеалов, истории, веры и прочего¹. Процесс исторической преемственности поколений оказывает влияние на становление гармоничного общества.

Изменения в данной сфере не могут оставаться незамеченными: так, вопросы механизмов трансляции исторического опыта постоянно освещаются в новостных информационных каналах. Политика страны нацелена на сохранение и поддержание уважения к традициям, в силу чего распространение получают государственные мероприятия разных уровней (муниципального, регионального, национального), направленные на поддержание исторической памяти страны.

Прежде всего, дадим определение понятию «поколение», так как оно является ключевым в вопросе культурной трансмиссии общества. В большом толковом социологическом словаре представлено два основных толкования понятия [1]:

1. «Совокупность людей, рожденных в один определенный период времени».

2. «Период времени между рождением определенной группы и рождением детей представителей этой группы, который в демографическом контексте зачастую определяется сроком в 30 лет».

Можно заметить, что данные определения плотно коррелируют с науками, сквозь призму которых они рассматриваются. Так, социологи, объясняя данный термин, акцентируют внимание на взаимодействии, особенностях общения и ценностных ориентациях представителей того или иного поколения, в то время как демографы в большей степени заинтересованы в четком возрастном разграничении.

Таким образом, на основе изученных подходов к определению понятия «поколение» авторы предлагают собственную вариацию дефиниции, заключающую, что поколение — это ограниченная возрастными рамками группа людей, объединен-

ных особыми мировоззренческими установками. При этом мировоззренческие установки включают в себя способы поведения в различных ситуациях, а также систему ценностей, механизмы адаптации в обществе, стремление сохранить или же отказаться от традиций прародителей и т.д.

Основы изучения преемственности поколений были заложены в работах множества именитых ученых. Теоретической основой исследования является классификация Карла Маннгейма, описанная им в работе «Проблема поколений» [2], которую принято считать первой социологической теорией поколений. Автор определяет теорию поколений через два основополагающих подхода:

- позитивистский, где поколение рассматривается как номинальная группа, границы которой четко очерчены демографией;

- романтически-исторический, согласно которому поколение есть некая духовная общность.

Смена поколений, согласно теории К. Маннгейма, представляет собой процесс, который базируется на биологическом ритме жизни общества и включает в себя ряд этапов:

1. Внедрение в культурную жизнь общества новых участников.

2. Постепенный уход старых участников.

3. Участие представителей разных поколений в определенном хронологическом периоде исторического процесса.

4. Последовательный переход от одного поколения к следующему.

Таким образом, социальная трансмиссия, согласно К. Маннгейму, — это плавный эволюционный процесс, происходящий ввиду смены поколений. Он включает в себя передачу накопленного опыта и культуры от старших поколений младшим, обеспечивая преемственность. Таким образом, новое поколение сохраняет схожесть со своими прародителями, привнося при этом собственные нововведения в идеологическую и нравственную структуру миропонимания.

Далее был проведен вторичный анализ данных, необходимый для понимания реконструкции процесса преемственности поколений.

В исследованиях, посвященных данной теме, авторы формировали собственный перечень параметров, отражающих процесс преемственности. Так, в мониторинге населения, проведенного ВЦИОМ², основополагающими факторами куль-

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/

² Портрет современной молодежи и особенности межпоколенческой коммуникации. URL: <https://wciom.ru/>

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: как вы считаете, какое из следующих высказываний наиболее точно описывает нынешние отношения «отцов» и «детей»? / Assignment of respondents' replies to the question: Which of the following statements do most precisely depict the current link between fathers and children?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

турной трансмиссии были определены взаимоотношения между поколениями. Для выявления роли данного параметра в общей картине процесса преемственности респондентам был задан вопрос: какими они видят нынешние взаимоотношения между представителями разных поколений?

Исходя из анализа полученных данных (рис. 1), можно заключить, что более трети россиян считают, что дети и родители не могут понять друг друга ввиду разного жизненного опыта. Примечательно, что из этой доли опрошенных почти половина (49%) находятся в самой молодой группе респондентов (18–24 года).

Среди опрошенных, считающих, что оснований для противоречий между поколениями нет, наиболее часто встречаются представители молодежи (21% — от 18 до 24-х лет; 21% — от 25 до 34-х лет). В то

же время людей старше 60 лет, придерживающихся подобного мнения, относительно мало (всего 14%).

Примечательно, что среди респондентов, считающих, что «отцы» и «дети» хорошо понимают друг друга, так как живут в одной стране, наиболее часто встречаются представители старших возрастных групп (27% — 60+ лет; 31% — от 45 до 59 лет), а наиболее редко — самой младшей возрастной группы (всего 18%).

Вместе с вопросом о взаимоотношениях родителей и детей респондентов спросили о стремлении сохранить образ жизни родителей. Ответы показали, что среди молодежи наблюдается тенденция отказываться от образа жизни предков, так как они предпочитают искать собственный жизненный путь, выстраивать собственное мироощущение (так отметили 83% респондентов).

Для определения того, как это мироощущение выглядит у каждого следующего поколения, следует обратиться к хронологическому анализу происходящих в обществе процессов и явлений, а также

presentation/prezentacii/portret-sovremennoi-molodezhi-i-osobnosti-mezhpokolencheskoi-kommunikacii?ysclid=158mgtre1d12873742 (дата обращения: 30.10.2022).

определить их влияние на становление личности в тот или иной период времени. Более подробно это описано У. Штраусом и Н. Хоу³ в их теории поколений. Авторы убеждены, что каждое поколение несет отпечаток событий того временного цикла, в котором проходила их социализация. Это могут быть, например, экономические кризисы и подъемы, застои, дефолты, войны и пр. Во время этих событий общество совместно вырабатывает механизмы приспособления к произошедшим изменениям, которые в дальнейшем закрепляются в подсознании индивидов и остаются с ними на всю жизнь, передаваясь в видоизмененном виде следующим поколениям.

Ученые также считают, что подобные системы ценностей воспроизводятся и укрепляются каждые 20–25 лет, обозначая границы определенного поколения, которому присущи свои ключевые позиции, не подлежащие изменению. В связи с этим авторы создали собственную классификацию поколений с наиболее характерными, по их мнению, названиями:

- Величайшее поколение (рожденные в 1901–1925 гг.).
- Молчаливое поколение (рожденные в 1925–1944 гг.).

Последнее название указывает на то, что представителям данного поколения свойственно отстраняться в отношении любых вопросов. Они стремятся не высказывать собственное мнение по поводу происходящих событий, особенно в сфере экономики и политики. Ученые считают подобное молчание результатом неблагоприятного опыта формирования активной гражданской позиции. При этом к особенностям данного поколения можно отнести высокий уровень доверия медицине и медицинским работникам, а также навык грамотного финансового поведения, которому свойственно сохранение сбережений на «черный день».

- Поколение бэби-бумеров (рожденные в 1944–1967 гг.).

Эти люди, в отличие от предшественников, отличается желанием формировать и активно высказывать собственную позицию по вопросам, вызывающим у них интерес. Они стремятся свободно оценивать ситуацию в стране и мире, касаясь экономических и политических проблем государства. Бэби-бумеры искренне верят в то, что их страну ждет светлое будущее, для построения которого следует

отдать много сил, времени и других ресурсов. Поэтому они не чуждаются тяжелого и долгого труда, считая его механизмом достижения лучшей жизни. Вместе с тем такая заикленность на труде ведет к ослабеванию семейных связей, где проблемными становятся взаимоотношения как с партнером, так и с собственными детьми. Демографическая статистика также отображает подобные тенденции, что подтверждается высоким уровнем разводов, а также низкой заинтересованностью родителей в воспитании своих детей.

- Поколение X (люди, родившиеся в 1967–1984 гг.).

Данное поколение в буквальном смысле училось на ошибках своих отцов, адаптируя лишь те ценности, что казались им верными. Так, они сохраняли работоспособность предшественников, однако делали это не из желания помочь государству процветать, а для обеспечения собственного и семейного благосостояния. У представителей поколения X особо сильно проявляется стремление окружить своих детей тем, чего им самим в детстве не хватало. К этому относятся: качественная одежда, технологические нововведения, возможность получить высшее образование, комфортное жилье и т.п. Эти люди проявляют недоверие государству и государственной власти и надеются только на свои собственные силы. Они формируют строгие правила поведения как на работе, так и в личной жизни, особо ценя пунктуальность и строгость.

- Поколение Y — миллениалы (рожденные в 1984–2000 гг.).

Их принято считать самыми эгоистичными и избалованными. Они с детства имели материальный достаток, являясь ядром жизни своих родителей. В связи с этим отличительной чертой миллениалов стало их стремление к размеренной жизни — они предпочитают не торопиться с трудоустройством, а также с созданием семьи, потому что знают, что родители могут максимально удовлетворять их потребности. Еще одной особенностью поколения является их умение работать с современными технологиями. При устройстве на работу наиболее важными критериями для миллениалов являются высокая заработная плата, идеология индивидуализма в компании, дистанционные формы работы, свободный график и многое другое. Неторопливость в семейных отношениях объясняется желанием миллениалов первоначально «встать на ноги», так как только после этого они смогут взять на себя ответственность за семью.

- Поколение Z (рожденные в 2000–2011 гг.).

³ URL: <https://prostudio.ru/journal/generation-x-y-z/?ysclid=l5ap2wyogb440178228> (дата обращения: 29.10.2022).

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: какие ценности имеют для вас наибольшее значение? / Assignment of respondents' replies to the question: What values are the most important to you?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

У представителей данного поколения нет такой ярко выраженной потребности в богатстве, как у предыдущих. Им свойственен, скорее всего, аскетизм в том, что касается материального обеспечения. Иными словами, они стремятся отказаться от финансовых ценностей, предпочитая духовное и культурное развитие личности. Представители поколения с большей вероятностью откажутся от покупки какого-либо жилья, машин и прочей недвижимости, отдавая предпочтение съемным апартаментам, а также такси и каршерингу. Самый большой интерес для представителей поколения Z представляют яркие моменты, вечеринки, где они могут получить много новых эмоций и ощущений. В ценностной системе данного поколения особое место отведено празднованиям и путешествиям.

- Поколение альфа (рожденные после 2011 г.).

Ценностные ориентации и культурные нормы данного поколения еще не сформировались в полной мере, так как самым старшим его представителям в настоящее время около 11 лет. Тем не менее некоторые характерные черты все же были замечены рядом ученых. Так, исследователями отмечается стремление представителей поколения альфа к самообразованию. Их отличительными чертами является ранний интерес к учебе, раннее развитие и нестандартность мышления.

Интересно обратиться к результатам исследования [3], в ходе которого авторами была про-

анализирована преемственность поколений X и Z. В первую очередь рассматривались ценностные установки и поведенческие модели представителей этих поколений.

Авторы определили собственные составляющие ценностной системы, предлагая респондентам ответить, что является для них наиболее важным (рис. 2). Так, первое место в ценностях поколения X занимает семейное счастье, в то время как у поколения Z оно не входит даже в тройку самых популярных ответов. Для представителей поколения Z наибольшую важность представляет материальное благополучие, а также развлечения и получение удовольствий от жизни. Таким образом, разница в системе ценностных ориентаций изучаемых поколений очень велика.

Примечательно также изменение отношения нового поколения к однополым бракам.

Так, если представители поколения X в подавляющем большинстве негативно относятся к заключению однополых браков, то среди представителей поколения Z наиболее распространено нейтральное отношение (рис. 3).

В другом исследовании преемственности духовного опыта предков в основу процесса трансмиссии также легли жизненные ценности. Однако фокус был направлен на родителей и детей поколений Y и Z соответственно (см. таблицу).

В данном случае между представителями нет разницы в целом поколение, тем не менее, измене-

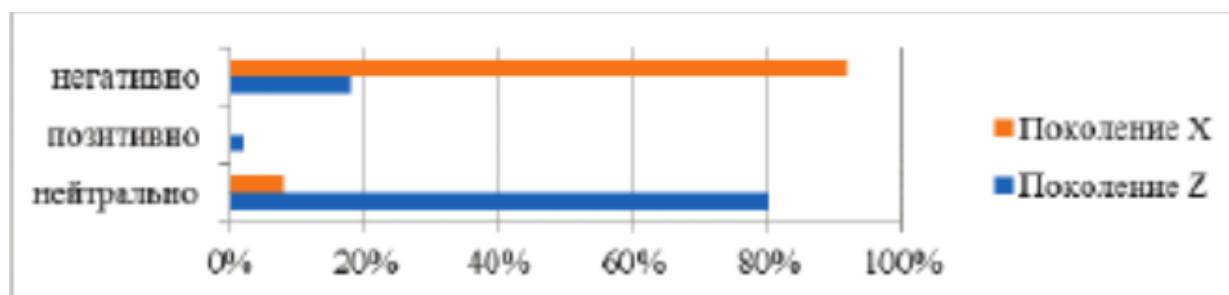

Рис. 3. / Fig. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: как вы относитесь к однополым бракам? / Assignment of respondents' answers to the question: How do you feel about same-sex marriages?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица / Table

Важность жизненных ценностей для представителей поколения Z и Y (%) / The importance of life values for representatives of generation Z and Y (%)

№	Жизненные ценности / Life values	Студенты (2000–2001 г.р.) / Students (born 2000–2001)	Родители (1985–1995 г.р.) / Parents (born 1985–1995)
1	Хорошее здоровье	86,7	91,6
2	Чувство безопасности от насилия	30,0	35,0
3	Материальное благополучие, экономическая независимость	80,0	83,3
4	Хорошие жилищные условия	63,3	32,9
5	Любимая работа, успешная деловая карьера	83,3	90,0
6	Хорошая семья, дети	70,0	96,7
7	Интересный, содержательный досуг	35,0	26,7
8	Верные и надежные друзья	56,7	43,3
9	Доброе имя, совесть, порядочность	36,1	66,7
10	Сознание того, что приносишь людям пользу	45,0	25,0

Источник / Source: [4].

ния в ценностных ориентациях остаются такими же существенными. К примеру, семья и дети также занимают в ценностной картине мира старшего поколения первое по важности место, а для молодых — лишь четвертое. Их основными ценностями являются здоровье, материальное благополучие и построение карьеры. Вместе с тем «осознание того, что приносишь людям пользу», хоть и не ходит в топ ценностей поколения Z, но почти в два раза популярнее, чем у поколения Y.

Подводя итоги, следует заметить, что процесс преемственности поколений претерпевает серьезные изменения. Все чаще новые поколения уходят от ценностных ориентаций и норм предшественников, видоизменяя их традиции и опыт.

Одна из наиболее важных причин происходящего, по мнению авторов, — разрыв между поколениями «отцов» и «детей», который имеет тенденцию к увеличению. Уважение к опыту предшественников остается важной ценностью новых поколений, однако ослабевает ввиду меняющейся окружающей среды, а также исторических процессов, к которым молодое поколение причастно. Оно стремится самостоятельно выработать механизмы приспособления и адаптации к новым условиям, так как традиционные больше не могут оставаться актуальными.

Вместе с тем определить изменения исторической преемственности духовного опыта поколений (в частности — выделить их ключевые факторы) достаточно сложно. В различных исследованиях

представлены разные системы показателей. Авторы данной работы за основополагающую характеристику берут изменения, которым подвергается ценностная система поколений. На основании того, какие ценности находятся в приоритете у представителей различных поколений, можно говорить об изменении или сохранении процесса преемственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече; 1999. 544 с.
2. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — Состязательность — Экономические амбиции. Пер. с англ. М.: ИНИОН РАН; 2000. 164 с.
3. Белова А.Д., Герасименко К.О., Ермолаев В.В. К вопросу преемственности поколений z и x: особенности смысловых ориентаций и жизнестойкости. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-preemstvennosti-pokoleniy-z-i-x-osobennosti-smyslozhiznennyh-orientatsiy-i-zhiznestoykosti> (дата обращения: 30.10.2022).
4. Спасенников В.В. Социодизайн преемственности поколений: теоретико-экспериментальный подход. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiodizayn-preemstvennosti-pokoleniy-teoretiko-eksperimentalnyy-podhod> (дата обращения: 01.11.2022).

REFERENCES

1. Jerry D., Jerry J. Big explanatory sociological dictionary. Moscow: Veche; 1999. 544 p. (In Russ.).
2. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations — Competitiveness — Economic ambitions. Transl. from Eng. Moscow: INION RAN; 2000. 164 p. (In Russ.).
3. Belova A.D., Gerasimenko K.O., Ermolaev V.V. To the issue of the continuity of generations Z and X: Features of meaningful life orientations and resilience. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-preemstvennosti-pokoleniy-z-i-x-osobennosti-smyslozhiznennyh-orientatsiy-i-zhiznestoykosti> (accessed on 30.10.2022). (In Russ.).
4. Spasennikov V.V. Sociodesign of the succession of generations: Theoretical and experimental approach. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiodizayn-preemstvennosti-pokoleniy-teoretiko-eksperimentalnyy-podhod> (accessed on 01.11.2022). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лолита Торникеевна Джанджгава — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Lolita T. Dzhandzhgava — 4th year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7718-8115>

LTDzhandzhgava@fa.ru

Наталья Анатольевна Ореховская — доктор философских наук, профессор, руководитель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

NAOrehovskaya@fa.ru

Natalya A. Orehovskaya — Dr. Sci. (Phil.), Professor, Head of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8390-5275>

NAOrehovskaya@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 30.10.2022; принята к публикации 20.11.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.10.2022; accepted for publication on 20.11.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24
УДК 304.2(045)

Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями

Ш.И. Каримов, А.Ю. Оборский

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе рассматривается комплекс проблем, возникающих в рамках изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями. Авторы доказывают, что на это влияет технологизация общества, стремительное научно-техническое развитие, а также появление и все более глубокое внедрение новых средств коммуникации (в первую очередь, глобальной сети Интернет). Таким образом, стремительность развития различных общественных систем требует для духовной сферы жизни общества разработки новых подходов, которые будут больше соответствовать «новому миру». При проведении данного исследования использовались системный, институциональный и статистический методы.

Ключевые слова: духовный опыт; духовность; кофигуративная культура; постфигуративная культура; технологизация; интернет; новая культура

Для цитирования: Каримов Ш.И., Оборский А.Ю. Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):19-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24

ORIGINAL PAPER

Changing the Way of Transfer of Spiritual Experience Among Generations

Sh.I. Karimov, A. Yu. Oborsky

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers a complex of problems that arise in the framework of changing the mechanism for transferring spiritual experience among generations. The authors claim that the major factor of the influence are technological processes of society, rapid scientific and technological development, as well as the emergence and ever deeper introduction of new means of communication (primarily the global network Internet). Thus, the sweeping growth of various social systems requires the working out alternative approaches for the spiritual sphere of society, which can be more consistent with the new world. The authors conducted this study had been using systemic, institutional, and statistical methods.

Keywords: spiritual experience; spirituality; configurative culture; post-figurative culture; technologization; internet; new culture

For citation: Karimov Sh.I., Oborsky A. Yu. Changing the way of transfer of spiritual experience among generations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):19-24. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24

С течением времени общественное развитие происходит все стремительнее. На данный момент динамически развиваются все сферы жизни общества: социальная, правовая, экономическая и духовная. Причем понятия «развитие» или «прогресс» не всегда имеют позитивную коннотацию. Определение критериев сути развития и, как следствие, ответ на вопрос: «Развивается ли та или иная общественная сфера

или отдельно взятая деятельность?», зависит от мировоззренческих парадигм, взятых за основу. В этой связи в рамках рассмотрения заявленной темы в данной статье под «развитием» мы будем понимать именно «изменение» как исчезновение предыдущих (или их иерархическое снижение до менее весомых позиций) и появление, внедрение новых (или поднятие по иерархии в системе уже имеющих) объектов.

Как видим, определение изменений как позитивных или негативных является относительным. Со временем они ускоряют свою динамику, внося в некоторые системы хаос или, по крайней мере, усложняя процесс адаптации к новым объектам, формам взаимоотношений между ними и пр.

Рассуждения о передаче духовного опыта неразрывно связаны с духовностью. Как справедливо считается, «духовная личность — результат долгого, упорного и целенаправленного процесса самоорганизации, семейного и общественного воспитания и просвещения, итог усилий родителей и учителей, собственных усилий — по самосовершенствованию и влиянию ближайшего окружения, своих кумиров и идеалов» [1].

Передача духовного опыта играет важную роль для человечества. Может показаться, что рост технологий, дальнейшее развитие секуляризации сознания, других гуманистических концепций приводит к снижению важности духовного опыта и его передачи из поколения в поколение. Этот неверный вывод делается на том основании, что, якобы, духовность уходит в прошлое вместе с религией и другими элементами традиционного миропонимания, воспринимаемыми многими как атавизм в эпоху порой чрезмерного сциентизма.

Очевидно, это происходит от неверного толкования понятия «духовный опыт», возникающего из-за бытовых ассоциаций, влияющих на интуитивное понимание настоящего термина. В этой связи представляется целесообразным определить, что такое «духовный опыт».

Под духовный опытом следует понимать комплекс переживаний отдельного взятого человека, его логических умозаключений, а также знаний и умений, накопленных в процессе жизни. Духовное развитие и самосовершенствование могут проходить как путем приложения человеком сознательных усилий, так и бессознательно. Однако сказать, что существуют люди, не имеющие духовного опыта, нельзя (кроме случаев, когда это связано с поражением головного мозга). Любой человек — носитель своего индивидуального духовного опыта.

Важность передачи духовного опыта через поколения объясняется тем, что общность основных ценностей и моральных принципов человечества является базисом, без которого невозможно нормальное функционирование его различных механизмов. Несмотря на то что у каждого индивида есть собственное мировоззрение, все же человечеству необходимо иметь некоторую общую

«базу», на основе которой можно выстраивать личные концепции, при этом не допуская нарушения прав других членов общества.

Проблема все большего затруднения передачи духовного опыта была объяснена еще давно в том смысле, что «прерывается связь времен» [2]. Российский философ, научный исследователь и педагог С.И. Гессен утверждал: «Наступает вдруг решительный перелом во внешней культуре: появляются новые взгляды, новые мысли и чувства, усложняется борьба общественных интересов... Наступает эпоха кризиса, разложения личности, ее свободы от того, что называют моралью. Личность как бы разрывается на части, разламывается» [3].

Отметим, что высказанные С.И. Гессеном положения актуальны для России, как и для всего мира, и по сей день. Более того, этот процесс «освобождения от морали» набирает обороты. Однако в данном контексте целесообразно внести некоторые уточнения. Данный процесс является естественным для развития общества, любая живая система изменяется (в нашем случае «изменение» и «развитие» — аналогичные понятия). Отсутствие изменений говорит о том, что система мертва. В этой связи указанную выше позицию исследователя не стоит воспринимать как страх перед изменениями. Вопрос состоит лишь в том, чтобы подобрать необходимые инструменты для контроля над такими изменениями, своевременного и адекватного реагирования на них, подстраивания под них общественных отношений (где это необходимо).

Следует отметить, что прогресс в одной сфере общественных отношений нередко ведет к регрессу в другой. Глубокие причины этой обратной связи считаем целесообразным оставить за рамками исследования.

Технологическое развитие предоставляет человеку возможность более стремительно, эффективно и комфортно для себя разрешать различные вопросы в повседневной жизни. Возможно, именно это дает людям ощущение личного могущества. Как следствие, появляются разные формы девиантного поведения, которые, в свою очередь, не всегда свидетельствуют о неких негативных трендах в развитии общества. Однако расширение девиации размывает общность духовного опыта, что усложняет его рецепцию новыми поколениями.

Как справедливо отмечается в научной литературе, изменяющаяся общественная повестка приводит к повышению необходимости сохране-

ния духовности, без чего невозможно дальнейшее устойчивое развитие общества. Надо понимать, что стремительность развития сама по себе не является положительной тенденцией. Она приводит к повышению уровня жизни людей, двигает вперед науку и философию, другие сферы деятельности человека лишь в том случае, если общественные институты эффективно выполняют задачу по адаптации под эти изменения [1]. Именно в данной связи рассмотрение этой темы столь важно.

Под механизмом передачи духовного опыта следует понимать систему инструментов и методов по трансферу духовного опыта (знаний, идей, ценностей, мировоззрения, полученных в ходе разрешения тех или иных жизненных кризисов и проблем) от одного поколения к другому. Как правило, имеется в виду его передача от старшего поколения к младшему, однако на данный момент это не всегда соответствует реальности.

В наше время наблюдается практически беспрецедентная ситуация, при которой стремительное технологическое развитие общества приводит к отставанию старших поколений от реалий современной жизни. И, как следствие, младшие поколения зачастую становятся более необходимыми для старших в части передачи такого духовного опыта. Связь между технологизацией и духовным опытом не случайна и связана с тем, что стремительное научно-техническое развитие приводит к изменениям во всех сферах жизни общества, в том числе и духовной. Представления о духовном опыте и должной его передаче подстраиваются под динамически развивающийся мир, но старшие поколения не могут успеть за этими изменениями в силу ряда как объективных, так и субъективных факторов.

При исследовании такого явления, как «духовный опыт» представляется целесообразным учитывать следующее:

1. Как правило, такие категории, как «духовный опыт» и «духовность», понимаются как некое противопоставление моральному злу. Выбор, заключающийся в получении духовного опыта и встраивании духовности в свою жизнь, представляется как осознанный путь к добру и стремление искоренить в себе зло. Избрание данного пути неминуемо ведет к необходимости ограничивать себя в различных искушениях и соблазнах, которыми полон наш мир.

2. Через общность духовного опыта и понимание духовности осуществляется социальное

единение (social cohesion) индивидов, без чего невозможно существование ни одного общества. Сходство представлений индивидов о морали делает возможным их конструктивное взаимодействие. Мораль позволяет ограничить в человеке его «животные» проявления, которые остались и во многом руководят им, несмотря на миллионы лет эволюционного развития. В ограничении животного лежит путь к развитию тех качеств, которые имеет только человек: сознание, совесть, долг и пр.

3. Несмотря на то что стремление общества к духовности спланирует его, духовное все же должно стоять выше социального. Из этого следует, что, если в обществе в определенное время царят представления, далекие от духовности и морали, индивид не обязан подчиняться правилам такого общества. Более того, ему необходимо предпринимать все усилия для того, чтобы искоренить «аморальность» властвующих понятий и представлений.

4. Процесс получения духовного опыта не должен заключаться лишь в мыслительных поисках, не приводящих ни к каким активным действиям. Стремление к духовности всегда предполагает влечение к добру, сердечности и любви, противление злу с помощью всех имеющихся ресурсов.

Итак, определим факторы, влияющие на трансформацию механизма передачи духовного опыта:

Изменение иерархии. По мнению исследователя Маргарет Мид, современность ознаменована стремительным переходом от постфигуративной культуры, под которой понимаются пути передачи культурных кодов от старших поколений к младшим, к кофигуративной культуре, которая заключается в равенстве между поколениями [4]. Представляется интересным, что такой вывод был сделан исследователем еще во второй половине XX в., когда технологии были не столь развиты, как сейчас.

Разумеется, столь явный разрыв между поколениями продиктован появлением глобальной сети Интернет. Данное виртуальное пространство постепенно становится полноценным агентом социализации, что влияет на общность взглядов новых поколений и их принципиальное различие с мировоззрением старших.

В исследованиях присутствуют и другие концепции. В.А. Луков склонен считать, что современность ознаменована неким сочетанием кофигуративной и префигуративной моделей развития

культуры. Фактически это означает, что младшим поколениям больше не нужен опыт старших, а последним, наоборот, необходимо перенимать новейшие поведенческие модели от молодых [5].

Так или иначе, налицо изменение иерархии между молодыми и старшими поколениями. Первые уже не столь сильно связаны необходимостью перенимать опыт отцов, поскольку он все быстрее теряет релевантность в современном мире. Данный тренд является сложным, системным, связан со многими другими тенденциями. Например, снижение значимости роли семьи и школы как агентов социализации непосредственно влияет на изменение механизма передачи духовного опыта.

Снижение значения самого духовного опыта в общественном сознании. Данная проблема заключается в том, что современность диктует новые условия, связанные со стремительным развитием каждого человека в какой-то узкой сфере деятельности. Зачастую это является необходимым для достижения тех или иных высот или, по крайней мере, создания благоприятных условий в жизни. Для получения духовного опыта, его анализа и дальнейшей рефлексии в условиях ускоряющихся общественных процессов современному человеку не остается времени и сил.

Разумеется, получение и освоение духовного опыта, встраивание его в систему собственного мировоззрения и дальнейшая передача своим детям напрямую не связаны с увеличением объемов потребления. Но в так называемом обществе потребления духовность и духовный опыт теряют свое значение, и данную тенденцию довольно трудно исправить.

Создание новой культуры, основанной на новых духовных ценностях, в рамках глобальной сети Интернет. Появление и развитие интернета изменило многие общественные тренды — сейчас там молодые люди создают собственную культуру, что означает появление новых подходов к духовности. Есть основания полагать, что духовность молодыми людьми понимается несколько иначе, чем раньше.

Кроме того, с появлением интернета исчезла острая необходимость в коммуникации между старшими и младшими, что лишает последних возможности получения того или иного духовного опыта.

Причем «старые» нормы коммуникативной культуры входят в противоречие с «новыми». Возникает ситуация, когда технологическое отставание старшего поколения становится зало-

гом сохранения «мира культуры», а «новый мир культуры» являет собой пример разрушения культурности как таковой (как ее видят представители старших поколений). Такое противоречие является следствием как быстроты технологических изменений, за которыми не успевает культура, выдавая «сниженные образцы» за новую культурность, так и переходности переживаемого этапа становления «новой культуры» [6].

Потеря объективности и трудность в определении истинных духовных ценностей. Как справедливо отмечают исследователи, субъекту мышления следует воспринимать значение духовных ценностей и их суть не абстрактно, а с учетом конкретных особенностей, состоящих в следующем:

- Современное общество диктует новые нормы морали, подстраивая их под себя из соображений эффективности коммуникаций. Рассматриваемая ситуация приводит к потере объективности и невозможности определить истинные ценности.

- Эффективное и объективное освоение и внедрение в свое мировоззрение духовных ценностей невозможно без критического отношения к информации, поступающей из различных источников [7].

Данная проблема непосредственно связана с тем, что на данный момент ни возраст, ни социальный статус или какие-то достижения человека не делают его авторитетным в глазах общества в плане духовного опыта. Именно это обстоятельство затрудняет предметное обсуждение тех или иных вопросов, позволяющих хотя бы минимально очертить контуры общих для всех духовных ценностей.

Изменение отношения к труду. В современной культуре существенно снижается понимание обществом ценности труда как такового. Под трудом в данном контексте понимается прикладывание физических, умственных и духовных усилий для создания овеществленного или неовеществленного результата, потребность в котором испытывает общество. Распространяется культ потребления, который заключается в стремлении неограниченно использовать имеющиеся в обществе результаты труда других людей. При этом ценность создания, самостоятельного творчества и приобретения индивидуального духовного опыта существенно снижается. Данный тренд не может быть признан позитивным, поскольку непосредственно затрудняет передачу духовного опыта, так как люди теряют заинтересованность в его получении.

Общество потребления предлагает более упрощенно смотреть на многие вопросы, которыми задавалось человечество на протяжении всей своей истории. Исчезает ценность поиска собственных ответов, поскольку провозглашается мнение, в соответствии с которым получение ответов на такие вопросы невозможно. Как следствие, предлагается перестать задаваться этими вопросами, сконцентрировавшись на потреблении материальных благ, а также огромных объемов контента из интернета.

Нарастающий конфликт между пониманием духовности «старшими» и «младшими» поколениями. Стремительное ускорение технологического прогресса привело к тому, что различные возрастные группы вкладывают свой смысл в такие понятия, как «духовный опыт» и «духовность». Причем «духовность» понимается различными поколениями диаметрально противоположно. Разумеется, в таких условиях крайне затруднительно осуществлять передачу духовного опыта: новые поколения все больше отвергают предыдущий духовный опыт, формируя собственные подходы.

Конечно, проблема отцов и детей имела место на протяжении всей истории человеческого общества. В. А. Луков справедливо отметил, что на переходных этапах развития общества (от одной системы устройства к другой) зачастую наблюдается так называемая социальная аномия — существенное расширение границ дозволенного. В итоге, после фактической ликвидации старой периферии ценностного мира возникает новая [5].

Дополнительно надо отметить, что представление о духовном опыте, релевантных путях его передачи напрямую зависит от общей картины мира, принятой в том или ином обществе. К сожалению, поляризация «картин мира» на данный момент наблюдается не только среди старших и младших поколений, но также и между странами разных военно-политических блоков. Современная геополитическая конъюнктура вынуждает прибегнуть к условному разделению мира на два блока: западный и антизападный (последний на данный момент проходит стадию активного формирования).

В подтверждение вышесказанного можно указать на ситуацию, складывающуюся на сегодняшний день вокруг Украины. Страны Запада, с одной стороны, и Россия со своими союзниками, с другой, имеют диаметрально противоположные картины происходящего.

Действительно, у России и Запада множество культурных различий, в том числе — представления о духовности и духовном опыте. В своих многочисленных выступлениях Президент РФ В.В. Путин неоднократно высказывался о России как об оплоте духовности, традиций и уважения к истории. Европа и США, в свою очередь, в этом плане, как принято считать у нас, значительно отстают от России.

Итак, отбросив в сторону политику, можно сказать, что поляризация мира приводит к поляризации культур, поскольку приостанавливается процесс их взаимообогащения. В складывающихся условиях достаточно трудно говорить о передаче духовного опыта и развитии представлений о духовности.

Подводя итоги, можно заметить, что влияние факторов — изменение иерархии; снижение значения самого духовного опыта в общественном сознании; создание новой культуры, основанной на новых духовных ценностях, в рамках Глобальной сети Интернет; потеря объективности и трудность в определении истинных духовных ценностей; изменение отношения к труду; нарастающий конфликт между пониманием духовности «старшими» поколениями и «младшими» — на передачу духовного опыта невозможно нивелировать полностью, и в этой связи не стоит относиться к ним как к абсолютному злу. Отметим, что зачастую многие представители интеллигенции не готовы принимать новые веяния в обществе, называя их неприемлемыми и нежелательными. При этом в их исследованиях внимание концентрируется на негативных факторах, вытекающих из тех или иных актуальных общественных тенденций. По нашему мнению, необходимо искать пути продолжения передачи духовного опыта в той или иной форме, приспосабливаясь к актуальным социальным трендам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рахматуллина З.Я. Учить жить достойно. *Ватандаш*. 2009;(1):12–27.
2. Шамсутдинова А.З. Разрушение связи поколений в современном российском обществе как духовная проблема и пути ее преодоления. *Вестник Башкирского университета*. 2011;16(4):1361–1364.
3. Гессен С.И. Педагогические сочинения. Саранск: Крас. окт.; 2001. 564 с.
4. Мид М. Культура и мир детства. URL: <http://base.dnsgb.com.ua/files/book/kultura-i-mir-detstva.pdf>

5. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. *Социологические исследования*. 2012;(1):5–16.
6. Бритвина И.Б. Трансформация культурных практик: коммуникации между поколениями. *Известия Уральского федерального университета*. 2014;126(2):111–117.
7. Дорожкин А.М. Особенности трансляции духовных ценностей. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014;2(34):169–174.

REFERENCES

1. Rakhmatullina Z. Ya. Learn to live with dignity. *Watandash*. 2009;(1):12–27. (In Russ.).
2. Shamsutdinova A.Z. The destruction of the connection between generations in modern Russian society as a spiritual problem and ways to overcome it. *Bulletin of the Bashkir University*. 2011;16(4):1361–1364. (In Russ.).
3. Gessen S.I. Pedagogical essays. Saransk: Kras. Oct.; 2001. 564 p. (In Russ.).
4. Mid M. Culture and the world of childhood. URL: <http://base.dnsgb.com.ua/files/book/kultura-i-mir-detstva.pdf>. (In Russ.).
5. Lukov V.A. Conceptualization of youth in the 21st century: New ideas and approaches. *Sociological research*. 2012;(1):5–16. (In Russ.).
6. Britvina I.B. Transformation of cultural practices: Communication between generations. *News of the Ural Federal University*. 2014;126(2):111–117. (In Russ.).
7. Dorozhkin A. M. Features of the transmission of spiritual values. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky*. 2014;2(34):169–174. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Шовгин Ильхам оглы Каримов — главный специалист отдела сопровождения деятельности иностранных обучающихся и преподавателей Управления по работе с иностранными обучающимися и преподавателями, Финансовый университет, Москва, Россия

Shovgin I. Karimov — Chief specialist of the International Students and Faculty Support Division of the International Students and Faculty Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8770-0944>

SIKarimov@fa.ru

Алексей Юрьевич Оборский — кандидат философских наук, доцент, заместитель проректора по стратегии и работе с органами власти, доцент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksey Yu. Oborsky — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Deputy Vice-Rector for Strategy and Work with Authorities, Associate Professor of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4514-641X>

ayoborskiy@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.08.2022; принята к публикации 30.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.08.2022; accepted for publication on 30.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-25-32
УДК 30(045)

Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов*

Е.С. Абрадова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проведен обзор основных исследований современных российских авторов, касающихся проблем формирования национально-государственной идентичности российских граждан, политики идентичности и влияния идентичности на социально-политическую стабильность российского общества. В условиях динамично меняющейся политической реальности эти проблемы требуют нового уровня осмысления на теоретическом и эмпирическом уровне. В данном историографическом обзоре представлены современные политические, социологические, исторические и философские исследования. Отечественные авторы отмечают особую роль государства в процессе формирования национально-государственной идентичности, а также подробно анализируют цели, задачи, составные компоненты и результаты такой политики.

Ключевые слова: идентичность; национально-государственная идентичность; политическая стабильность; национальная безопасность

Для цитирования: Абрадова Е.С. Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):25-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-25-32

ORIGINAL PAPER

National-State Identity Impact on the Socio-Political Stability of Russian Society: The Actual Review of Russian Researchers**

E.S. Abradova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper summarizes the major studies of contemporary Russian authors concerning the problems of the formation of the national-state identity of Russian citizens, identity politics and the identity impact on the socio-political stability of Russian society. In a dynamically changing political reality, these problems require a new level of understanding of the theoretical and empirical aspect. This historiographic review presents contemporary political, sociological, historical, and philosophical research. Domestic authors note the special role of the state in forming a national-state identity, as well as analyze the goals in details, objectives, components and results of such a policy.

Keywords: identity; national-state identity; political stability; National security

For citation: Abradova E.S. National-state identity impact on the socio-political stability of Russian society: The actual review of Russian researchers. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):25-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-25-32

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета № ВТК-ГЗ-ПИ-40-22.

** The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University (No. ВТК-ГЗ-ПИ-40-22).

Идентичность в целом и национально-государственная идентичность в частности — феномен сложный, многосоставный, подверженный изменениям, манипулированию, кризисам. В современном мире, для которого характерны сложность и многосоставность любого социального образования, идентичность играет все большую роль в сохранении или изменении устоявшегося порядка. Вектор развития любого общества на любом этапе его становления определяется коллективной идентичностью его членов — общими согласованными установками, мотивами индивидуального и группового поведения. Это делает идентичность важнейшим фактором развития любого общества, ресурсом объединения усилий его членов во имя решения существующих проблем. В том случае, когда коллективная идентичность начинает деградировать, возникает кризис любого социального образования: семьи, профессиональной или политической организации, государства. В случае размывания гражданской составляющей идентичности наблюдается кризис политического самоопределения индивида, его политической идентичности. В связи с этим у любого государства возникает необходимость проводить политику идентичности, которая направлена на интеграцию населения, формирование определенного представления о нации, ее истории и культуре или же их интерпретацию — в зависимости от целей, которые ставит перед собой государство. Смысл этой деятельности состоит в том, чтобы убедить граждан в том, что они представляют единую политическую и национальную общность и имеют по отношению друг к другу и к государству определенные обязательства.

Власть организует и поддерживает порядок в том или ином сообществе. Поэтому существующая в данном государстве система ценностей и маркеров, которые конструируют идентичность, всегда является существенной составляющей системы власти. Несомненно, процессы конструирования национально-гражданской идентичности напрямую связаны со степенью модернизированности политической системы данного конкретного государства, которая должна отвечать интересам всех социальных и этнических групп и быть устойчиво легитимной.

Воспроизводство и сохранение национальной общности, отстаивание национальных интересов страны и народа составляют то, что и называют

политикой идентичности. Зачастую эти процессы настолько сложны и противоречивы, что формирование национальной идентичности становится предметом борьбы политических сил. Поэтому для многих современных государств данные проблемы являются не менее важными, чем экономические или военные.

Вопрос влияния национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества привлекает особое внимание отечественных исследователей в силу своей актуальности. Внешнеполитические события последнего десятилетия (ввод санкций западными странами против России, жесткая антироссийская пропаганда западных СМИ) требуют от российского экспертно-академического сообщества реакции.

Так, в работе Э.А. Паина и С.Ю. Федюнина проведен анализ влияния гражданской идентичности на становление и успешное функционирование современных демократических режимов [1]. В ходе анализа опыта стран ЕС и США авторы приходят к выводу о том, что причиной современного политического кризиса в данных странах стало ослабление национального единства и популярность идеологии глобализма среди представителей политической элиты. Развитие демократических институтов, функционирование гражданского общества и достижение целей национального согласия невозможно, по мнению авторов, без национальной идентичности.

Ю.В. Попков подчеркивает социальную значимость этнической идентичности, в отношении которой должна реализовываться четкая государственная позиция в рамках единой политики идентичности [3]. В.Ш. Сургуладзе исследует реализацию политики идентичности в контексте обеспечения национальной безопасности и роль государства в этом процессе [4]. Данная работа представляет особый интерес из-за наличия междисциплинарного анализа факторов, оказывающих серьезное влияние на национальную безопасность страны.

Проблемы теории государственной политики идентичности в отечественной политологии рассматривает в своей работе О.В. Попова [5]. Автор указывает на сильные и слабые стороны «исследовательского ландшафта», а также причины, ограничивающие возможности исследования данной проблематики. Различные теоретические подходы и политические практики, формирующиеся вокруг понятия «политика идентичности»,

изучены М.И. Мчедловой и Д.Б. Казариновой [6]. Анализ официального дискурса российской власти, основных положений современной политики идентичности представлен в труде О.Ю. Яхшияна и Н.А. Омельченко [7].

Роль исторической политики как важнейшей составляющей политики идентичности на примере стран Евросоюза анализируется И.С. Семеновым [8]. В исследовании А.Ю. Бубновой историческая политика предстает как сфера конкуренции за интерпретацию событий прошлого [9]. Л.Б. Гапоненко подчеркивает особую роль политической и интеллектуальной элиты в процессе конструирования политики памяти [10]. О.В. Головашина [11] и В.В. Титова [12] считают политику памяти способом консолидации различных сегментов российского общества. Фундаментальное исследование В.В. Титова посвящено анализу теоретических и практических аспектов политики памяти и ее влиянию на формирование российской национально-государственной идентичности [13]. Ю.Г. Волков рассматривает формирование образа будущего в сознании российских граждан [14]. В исследовании С.Ю. Белоконева, В.В. Титова и З.Р. Усмановой отмечается аморфность образа будущего в сознании российских граждан, что является серьезным вызовом национально-государственной идентичности [15].

Религия как важный фактор формирования национально-государственной идентичности помещается в фокус внимания научных работ М.М. Мчедловой и Е.Н. Кофанова, которые приходят к выводу о том, что не существует глубинных противоречий, препятствующих формированию и поддержанию общих ценностей и интересов на современном этапе в российском обществе [16].

Модели взаимодействия религиозной и национально-государственной идентичности и причины кризиса последней анализируют С.Ю. Белоконев и В.В. Титов [17]. Роль православной идентичности в формировании общероссийской идентичности, а также стремление российских мусульман определить общероссийскую идентичность другими параметрами рассматривает в своей работе С.В. Рыжова [18].

Важным фактором формирования национально-государственной идентичности является культурная политика. Популяризация культурно-исторического наследия, по мнению Г.Д. Гриценко [19], — один из необходимых и наиболее важных инструментов формирования национальной идентичности и обеспечения национальной

безопасности. Концептуальные и нормативные основания культурной политики России, а также роль культурной политики в процессе национально-государственного строительства — тема работы А.В. Федякина [20].

Вопрос формирования идентичности молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности актуализируется С.В. Ивановой и Л.С. Пастуховой [21]. Отмечается, что в современных условиях глобализации, стирания границ, расширения информационного пространства это становится все более проблематичным. Авторы провели анализ нормативной базы, отражающей цели формирования политической идентичности подрастающего поколения. Национальное и гражданское самоопределение молодежи являются факторами обеспечения национальной безопасности страны. Патриотическое воспитание и образование молодых людей как институт социализации закладывает основы идентичности, прививает новому поколению традиционные ценности и уважение к истории и культуре своей страны. В статье Самсоновой Т.Н. подчеркивается роль государственной молодежной политики в политической социализации молодежи, в адаптации ее к стремительно меняющейся политической реальности и, как следствие, формировании национально-государственной идентичности. Автор отмечает особую роль цифровой среды как современного инструмента социализации молодежи, ее положительные стороны и риски [22]. Эти же факторы, а также феномен сетевой политической идентичности рассматривает С.Н. Федорченко [23, 24]. Причины кризиса российской национально-государственной идентичности в цифровую эпоху, ее ценностную девальвацию исследует В.В. Титов [25]. Автор делает вывод о том, что современная цифровая эпоха требует новых способов политической идентификации и социализации, так как традиционные механизмы, обеспечивающие эти процессы, претерпевают кризис. П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе рассматривают цифровизацию как угрозу формированию идентичности, способствующую процессам социальной и политической дезинтеграции [26]. В статье делается акцент на особой роли политики идентичности как основного инструмента консолидации общества в эпоху информационной борьбы.

В связи с последними событиями на Украине и их влиянием на российское общество, в силу общей истории, этнической, культурной и языковой близости, считаем необходимым отметить ряд ра-

бот, предметом которых является формирование новой украинской идентичности и ее воздействие на граждан России. Обзорная работа И. В. Жирун содержит описание различных подходов и этапов формирования украинской идентичности [27]. Ее антироссийская направленность, противопоставленная советскому периоду как важному элементу российской идентичности, рассматривается Д. Б. Казариновой и Н. А. Дунамалян [28]. В своей работе Е. В. Килимник указывает на прямую угрозу национальной безопасности России от проведения Украиной политики идентичности, основные направления которой уже подорвали некогда единую культурную общность [29].

Изменение идентичности как ответ на вызовы и угрозы современного мира, а также ее формирование в условиях необходимости выбора «свои-чужие» (особенности восприятия зарубежных государств гражданами России, «образ врага» как инструмент формирования идентичности) анализируется И. В. Цифановой, Т. В. Евгеньевой, З. Р. Усмановой [30, 31]. Основные внутренние противоречия и внешние вызовы, стоящие перед российской идентичностью, — тема исследования В. А. Тишкова [32]. А. В. Рудаков и С. В. Устинкин [33] отмечают, что ослабление основ национальной идентичности представляет собой прямую угрозу национальной безопасности России. Отдельное внимание в работе Г. И. Атекова и Н. А. Багровой уделяется влиянию глобализации на формирование национально-государственной идентичности, которая в широком смысле понимается как «бренд» страны, ее уникальная особенность [34]. В. И. Чуешов отмечает, что современный проект экономической глобализации не должен противоречить способности национальных государств сохранять и приумножать национально-государственную идентичность своих граждан [35]. Отметим, что кризис и распад национально-государственной идентичности рассматривается современными исследователями как одна из причин успеха «цветных революций». Это происходит не только потому, что в обществе больше не существует общих ценностей, но и в силу активного конструирования новой «протестной» идентич-

ности, объединяющей сторонников «цветных революций» [36].

Анализ общественного мнения и ответы на вопрос: «Какой российские граждане видят собственную идентичность?», содержатся в работах выдающихся отечественных ученых. Л. М. Дробижева отмечает, что социологические опросы 1990-х и 2000-х гг. дают понять, что процесс формирования идентичности шел не только «сверху», но и спонтанно «снизу» [37]. Кроме того, она приходит к выводу о том, что на современном этапе российскому обществу не хватает общих, интегрирующих исторических представлений, и государство должно прикладывать больше усилий к поиску объединяющей идеи и смыслов [38]. Е. Б. Шестопал и Н. В. Смутькина указывают, что данный процесс пока не завершен, а существующие негативные тенденции не преодолены [39]. В работе А. И. Соловьева изучаются механизмы влияния массового сознания на разработку и принятие политических решений, восприятие элитами массовых настроений [40]. Медиагеография как метод отслеживания общественно-политических настроений и индикатор проблем формирования российской идентичности представлена в работе И. А. Николайчука, Т. С. Яковой и М. М. Янглеевой [41].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национально-государственная идентичность и политика идентичности играют существенную роль в процессе формирования сознания и поведения индивида, делаая его субъектом политических отношений и процессов. Для современных государств политика идентичности является чрезвычайно важным инструментом, использование которого позволяет преодолеть разнообразные вызовы, обусловленные социально-экономическими, этнополитическими, конфессиональными противоречиями. Однако если методы и приемы, которые использует политическая элита в рамках проводимой политики идентичности, направлены на искажение, мифологизацию существующей реальности, последствия этого могут быть деструктивными для общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2018;(1):171–191.
2. Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в условиях кризиса либеральной демократии и идеологии мультикультурализма. *Проблемы национальной стратегии*. 2021;(1):216–228.

3. Попков Ю. В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019;15(3):23–44.
4. Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. М.: Аналитическая группа «СТК»; 2019.
5. Попова О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*. 2020;(4):86–110.
6. Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий. *Политическая наука*. 2020;(4):13–35.
7. Яхшиян О. Ю., Омельченко Н. А. Политика идентичности в официальном дискурсе Российской Федерации. *PolitBook*. 2020;(4):59–77.
8. Семененко И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018;62(11):65–76.
9. Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2017;(4):3–12.
10. Гапоненко Л. Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти. *Дискурс-Пи*. 2020;3(40):40–53.
11. Головашина О. В. и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет; 2019.
12. Титов В. В. Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019;(10):20–25.
13. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат»; 2017. 184 с.
14. Волков Ю. Г. Образы будущего в формировании российской идентичности. *Социально-гуманитарные знания*. 2019;(1):81–98.
15. Белоконев С. Ю., Титов В. В., Усманова З. Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019;21(1):90–98.
16. Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020;22(1):7–21.
17. Белоконев С. Ю., Титов В. В. Национально-государственная и религиозная идентичность: паттерны взаимодействия в современном мире. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019;14(2):144–155.
18. Рыжова С. В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье. *Социологические исследования*. 2020;(8):51–61.
19. Гриценко Г. Д. Российская идентичность и политика идентичности как факторы сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей по итогам международного научного форума, с. Кабардинка, г. Геленджик, 12–14 октября 2018 г. М.: Институт наследия; 2019.
20. Федякин А. В. Приоритеты государственной культурной политики РФ и императивы укрепления общероссийской национальной идентичности. *Вестник Российской нации*. 2021;4(80):9–45.
21. Иванова С. В. О понятии «гражданская идентичность» и путях ее формирования у молодежи. *Философия образования*. 2018;3(76):3–18.
22. Самсонова Т. Н. Государственная молодежная политика как механизм социальной интеграции и политической социализации современной Российской молодежи. *Историко-педагогические чтения*. 2018;(22):61–67.
23. Федорченко С. Н. Политические идентичности в социальных сетях Интернета. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2017;(2):29–46.
24. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром. *Журнал политических исследований*. 2021;5(3):3–15.
25. Титов В. В. Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи. *Социально-гуманитарные знания*. 2019;(5):187–193.

26. Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества. *Век глобализации*. 2021;4(40):131–144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09
27. Жирун И. В. Формирование украинской идентичности: Гражданская, этническая или постколониальная? *Россия и современный мир*. 2021;3(112):145–164.
28. Казаринова Д. Б., Дунамалян Н. А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции. *Политическая наука*. 2022;(1):52–79.
29. Килимник Е. В. Формирование украинского этноса и его противопоставление России как угроза национальной безопасности и Русскому миру. *Теория и практика мировой науки*. 2021;(11):43–53.
30. Цифанова И. В. Обретение идентичности в условиях дихотомии «свои-чужие». *Манускрипт*. 2019;12(1):111–115.
31. Евгеньева Т. В., Усманова З. Р. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2018;(2):57–75.
32. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(4):408–412.
33. Рудаков А. В., Устинкин С. В. О перспективах политики формирования и укрепления Российской идентичности. *Власть*. 2018;26(6):104–110. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5897
34. Атеков Б. И., Багрова Н. А. Национальная идентичность России в эпоху глобализации как фактор национальной безопасности. Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности. Материалы V Всероссийской национальной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 10–11 июня 2021 г. Ростовский государственный университет путей сообщения. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения; 2021.
35. Чуешов В. И. О диалектике национально-государственной идентичности и глобализации. *Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации*. Сборник тезисов докладов по материалам Международной научно-практической конференции. Минск, 15 декабря 2020 г. Минск: БГЭУ; 2020.
36. Серхе Б. У. А., Пономарев Н. А., Майлис А. А. «Цветные революции» и национально-государственная идентичность. *PolitBook*. 2019;(1):116–132.
37. Дробижина Л. М. Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2018;4(43):324–336.
38. Дробижина Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;4(158):480–498.
39. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2018;2(89):51–68.
40. Соловьев А. И. Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия. *Политическая наука*. 2017;(1):186–203.
41. Николайчук И. А., Якова Т. С., Янглева М. М. Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020;9(4):642–659.

REFERENCES

1. Pain E. A., Fedyunin S. Yu. Problems of the Civil Nation in Russia and the West: General and Special. *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2018;(1):171–191. (In Russ.).
2. Surguladze V. Sh. Identity politics in the context of the crisis of liberal democracy and the ideology of multiculturalism. *Problems of national strategy*. 2021;(1):216–228. (In Russ.).
3. Popkov Yu. V. State national policy of Russia: Problems and conceptual gaps. *Political expertise: POLITEKS*. 2019;15(3):23–44. (In Russ.).
4. Surguladze V. Sh. Identity politics in the realities of ensuring national security: Strategy, theory, practice. Moscow: Analytical group “STK”; 2019. (In Russ.).
5. Popova O. V. On the unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science. *Political science*. 2020;(4):86–110. (In Russ.).
6. Mchedlova M. M., Kazarinova D. B. Identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science*. 2020;(4):13–35. (In Russ.).
7. Yakhshiyani O. Yu., Omelchenko N. A. Identity politics in the official discourse of the Russian Federation. *PolitBook*. 2020;(4):59–77. (In Russ.).

8. Semenenko I. S. The past is at the forefront of identity politics. *World economy and international relations*. 2018;62(11):65–76. (In Russ.).
9. Bubnov A. Yu. Historical politics and the struggle of interpretations of the collective past in the public sphere. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*. 2017;(4):3–12. (In Russ.).
10. Gaponenko L. B. Construction of national identity in the context of politics of memory. *Discourse-Pi*. 2020;3(40):40–53. (In Russ.).
11. Golovashina O.V. Conceptual Foundations of the Politics of Memory and Perspectives of Post-National Identity. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2019. (In Russ.).
12. Titov V.V. State policy of memory in the Russian Federation: Vectors of transformation. *State power and local self-government*. 2019;(10):20–25.
13. Titov V.V. Politics of Memory and the Formation of National-State Identity: Russian Experience and New Trends. Moscow: Typography “Your Format”; 2017. 184 p. (In Russ.).
14. Volkov Yu. G. Images of the future in the formation of Russian identity. *Social and humanitarian knowledge*. 2019;(1):81–98. (In Russ.).
15. Belokonev S. Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R. Russian National-State Identity in the Challenges Face of the Early 21st Century. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political science*. 2019;21(1):90–98. (In Russ.).
16. Mchedlova M.M., Kofanova E.N. Russia in anticipation of change: Religious factor and socio-political preferences. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political science*. 2020;22(1):7–21. (In Russ.).
17. Belokonev S. Yu., Titov V.V. National-State and Religious Identity: Patterns of Interaction in the Modern World. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019;14(2):144–155. (In Russ.).
18. Ryzhova S.V. Russian identity on the Orthodox-Islamic frontier. *Sociological research*. 2020;(8):51–61. (In Russ.).
19. Gritsenko G.D. Russian Identity and Identity Politics as Factors in Preserving Cultural Heritage and Ensuring National Security. Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic harmony. Collection of scientific articles on the results of the international scientific forum, village Kabardinka, Gelendzhik, October 12–14, 2018. Moscow: Heritage Institute; 2019. (In Russ.).
20. Fedyakin A.V. Priorities of the state cultural policy of the Russian Federation and the imperatives of strengthening the all-Russian national identity. *Bulletin of the Russian nation*. 2021;4(80):9–45. (In Russ.).
21. Ivanova S.V. On the concept of civil identity and the ways of its formation among young people. *Philosophy of education*. 2018;3(76):3–18. (In Russ.).
22. Samsonova T.N. State youth policy as a mechanism of social integration and political socialization of modern Russian youth. *Historical and pedagogical readings*. 2018;(22):61–67. (In Russ.).
23. Fedorchenko S.N. Political identities in social networks of the Internet. *Bulletin of the Perm University. Series: Political science*. 2017;(2):29–46. (In Russ.).
24. Fedorchenko S.N. Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and digital world. *Journal of Political Studies*. 2021;5(3):3–15. (In Russ.).
25. Titov V.V. Russian National Identity: Challenges of the Digital Age. *Social and humanitarian knowledge*. 2019;(5):187–193. (In Russ.).
26. Seleznev P.S., Surguladze V. Sh. Digital challenges of socio-political consolidation and collective identity of society. *Globalization Age*. 2021;4(40):131–144. (In Russ.). DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09
27. Zhirun I.V. Formation of Ukrainian Identity: Civil, Ethnic or Postcolonial? *Russia and the modern world*. 2021;3(112):145–164. (In Russ.).
28. Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A. Development Trajectories of Post-Soviet Identities: Approaches, Models, Trends. *Political science*. 2022;(1):52–79. (In Russ.).
29. Kilimnik E.V. The formation of the Ukrainian ethnos and its opposition to Russia as a threat to national security and the Russian world. *Theory and practice of world science*. 2021;(11):43–53. (In Russ.).
30. Tsifanova I.V. Acquisition of identity in the conditions of the dichotomy “Us — Them”. *Manuscript*. 2019;12(1):111–115. (In Russ.).
31. Evgen’eva T.V., Usmanova Z.R. “Friends” and “Foreigners”: Images of Foreign States in the Context of the Perception of Russia by Its Citizens. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*. 2018;(2):57–75. (In Russ.).

32. Tishkov V.A. Russian Identity: Internal and External Challenges. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(4):408–412. (In Russ.).
33. Rudakov A.V., Ustinkin S.V. On the prospects for the policy of formation and strengthening of Russian identity. *Power*. 2018;26(6):104–110. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5897
34. Atekov B. I., Bagrova N.A. Russia's national identity in the era of globalization as a factor of national security. Economic and legal mechanisms for ensuring national security: materials of the V All-Russian National Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 10–11, 2021. Rostov State University of Communications. Rostov-on-Don: Rostov State Transport University; 2021. (In Russ.).
35. Chueshov V.I. On the dialectic of national-state identity and globalization. Philosophy and economics in the era of digital transformation: a collection of abstracts based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, December 15, 2020. Minsk: BSEU; 2020. (In Russ.).
36. Serkhe B. U.A., Ponomarev N.A., Mailis A. A. Color revolutions and national-state identity. *PolitBook*. 2019;(1):116–132. (In Russ.).
37. Drobizheva L.M. Russian Civil Identity in Scientific and Political Discussions and Public Opinion. *Issues of national and federal relations*. 2018;4(43):324–336. (In Russ.).
38. Drobizheva L.M. The Meanings of All-Russian Civil Identity in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;4(158):480–498. (In Russ.).
39. Shestopal E.B., Smulkina N.V. How do Russian citizens see their country today? *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politics. Analysis. Chronicle. Forecast"*. 2018;2(89):51–68. (In Russ.).
40. Soloviev A.I. Mass consciousness and state policy: Points of intersection and problems of interaction. *Political science*. 2017;(1):186–203. (In Russ.).
41. Nikolaichuk I.A., Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. The Search for a New Russian Identity: Media Geographical Studies of the Mental Landscape. *Questions of theory and practice of journalism*. 2020;9(4):642–659. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Сергеевна Абрадова — аспирантка, ассистент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Ekaterina S. Abradova — Postgraduate student, Assistant of the Department of political science, Faculty of social sciences and mass communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2222-2697>

abradova@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.09.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39
УДК 32(045)

Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения?*

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике научного изучения так называемых «сильных сторон» СССР. Автор констатирует наличие объективных сложностей при обращении к данной теме, демонстрирует ее фактическое присутствие не только в сфере публичного пространства, но и в современных зарубежных аналитических работах, даже не имеющих прямого отношения к истории Советского Союза. Отмечается диалектика формальной хронологической ограниченности данной проблематики и ее смыслового выхода за рамки советского периода. Автор постулирует относительность определения «сильных сторон» СССР и зачастую их непосредственную связь с теми сторонами действительности, которые можно определить как «слабые». «Сильные» стороны СССР рассматриваются через общий посыл об их общности, во всяком случае, частичной, в рамках российской цивилизационной модели и частичной же преемственности по отношению к России современной. Автор намечает целый ряд характеристик, релевантных определению «сильные стороны» СССР: фактическая преемственность советского государственного образования (его «историзм»); размеры территории; численность населения; устойчивые идеологические и пропагандистские паттерны, обеспечивающие поддержку Советского Союза за рубежом; идеократичность, интернациональный состав и высокая степень политической консолидации элит, их нацеленность на модернизацию, повышение общего образовательного уровня широких слоев населения.

Ключевые слова: СССР; Запад; геополитика; ресентимент; российская цивилизация; идеология; идеократия; элиты; политическая консолидация

Для цитирования: Сперкач А.И. Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):33-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39

ORIGINAL PAPER

Soviet Experience: Ressentiment, Pattern or Actual Course of Scientific Research**

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers of scientific research issues of the so-called strengths of the USSR. The author states aim difficulties when addressing this topic, demonstrates its actual presence not only in the sphere of public space but also in modern foreign analytical works, even those that are not directly related to the history of the Soviet Union. The research noted the dialectic of the formal chronological limitation of this problem and its semantic going beyond the Soviet period. The author postulates the relativity of the definition of the strengths of the USSR and often their direct connection with those aspects of reality that can be defined as weak. The strengths of the USSR are considered through a general message about their commonality, at least partially, within the framework of the Russian civilizational model and partial continuity in relation to modern Russia. The author outlines several characteristics relevant to the definition of the strengths of the USSR: the actual continuity of the Soviet state education (its historicism); the size of the territory; population; stable ideological and propaganda patterns that provide support for the Soviet Union abroad; ideocracy, international composition and a high degree of elites' political consolidation, their focus on modernization, raising the general educational level of the population.

Keywords: USSR; West; geopolitics; resentment; Russian civilization; ideology; ideocracy; elites; political consolidation

For citation: Sperkach A.I. Soviet experience: Ressentiment, pattern or actual course of scientific research. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):33-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39

* Название проекта – «Исторические основы российской государственности в советский период: принципы и ценности отношений власти и общества». Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код научной темы FZRS-2022-0003) в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва».

** The title of the project is “The Historical Foundations of Russian Statehood in the Soviet Period: Principles and Values of Relations between Power and Society”. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (scientific code FZRS-2022-0003) within the framework of the state task of the Moscow State University. N.P. Ogarevov”.

За последние десятилетия в сфере публичных обсуждений разной направленности и разного уровня противопоставление достижений («сильных сторон»), характерных для СССР, и «слабости», «деградации» России постсоветского периода является устоявшимся стандартом, практически трюизмом. При этом вполне естественно формируется волна противоположного оценочного контента, отрицающая или дезавуирующая наличие чего-либо «сильного», «достойного подражанию» или «эффективного» в советской истории.

Для обоих направлений характерен своеобразный глубоко укорененный ресентимент, который вполне можно определить как двусторонний или зеркальный: апологетически настроенные по отношению к советскому периоду участники очных или заочных дискуссий соотносят негативные переживания и соответствующую аргументацию с периодом крушения советского проекта после 1985(1991) г.; их оппоненты отличаются зеркальным восприятием действительности, отыскивая корни современных проблем и кризисов в неизжитом наследии СССР.

Доля научного в данном двустороннем процессе невелика, однако устойчивый в течение долгого времени феномен служит одним из индикаторов высокой степени актуальности подобной проблематики.

Однако опыт СССР сегодня востребован не только в России, и не только в публичных дискуссиях. Он находится в фокусе внимания в актуальных политических исследованиях, даже прямо не затрагивающих советскую или российскую историю. В качестве примера можно сослаться на доклад RAND Corporation (исследовательской организации, работающей по заказам руководящих государственных структур США), касающийся современных американо-китайских отношений, в котором канувший в историю уже более 30 лет назад Советский Союз упомянут более 70 раз [1]. Динамика противостояния между Россией и Западом в последние годы также повышает градус интереса к опыту СССР, что вполне естественно в нынешней кризисной ситуации.

Под «сильными сторонами» СССР следует понимать практики и факторы, которые обуславливали возможность успешной, достаточно длительной разнонаправленной конкуренции между СССР и Западом в условиях несопоставимого стартового проигрыша советского режима по многим ключевым социально-экономическим позициям.

Более того, Советский Союз даже в период расцвета заметно уступал своим западным политическим противникам по многим показателям. Если рассматривать в данном контексте не только Запад сам по себе, но и колониальные империи, затем — страны (используя устаревшую дефиницию) Третьего мира, которые в основном обслуживали экономику Запада, разрыв окажется еще более впечатляющим. Между тем десятилетиями Советский Союз удерживал статус одной из двух мировых сверхдержав. Несомненно, для этого необходимо было наличие объективно существующих «сильных сторон».

Период существования СССР делится на несколько периодов, характеризующихся общей идеологической связностью и политической преемственностью, но не во всем совместимых между собой, в том числе с точки зрения наличия «сильных сторон». Тут следует обозначить следующие: а) 1922–1929 гг., б) 1930–1953 гг., в) 1953–1984 гг., д) 1985–1991 гг., которые при более детальном разборе необходимо «дробить» на подпериоды, имеющие свои важные особенности. В контексте заявленной темы обращение к периодизации важно потому, что «сильные стороны» СССР по преимуществу отыскивают во втором и третьем из указанных периодов. Это верно только отчасти, так как многие базовые принципы, раскрывшиеся в практической сфере впоследствии, были присущи Советскому государству уже к началу 20-х гг. XX в.

Для научных, даже самых общих подходов к заявленной теме, серьезным препятствием является детерминированно высокая степень личных мировоззренческих предпочтений исследователей, влияющая на их оценки и выводы. Разумеется, в общественных науках невозможно полностью избавиться от субъективного фактора, однако в данном случае он проявляется особенно остро.

Политическая эффективность (если делать акцент именно на ней) всегда является относительной и никогда не бывает изолированной от экономического, социального и других направлений общественного бытия. Очевидна их взаимосвязанность и взаимообусловленность. Если говорить о сфере национальной, следует диалектически учитывать и национальную политику, проводимую в СССР, и исторически сложившиеся национальные особенности в рамках единого конгломерата наций СССР.

«Сила» и «слабость» в указанном контексте являются относительными и в том смысле, что

они требуют понимания взаимодействия с иными акторами международных отношений и компаративного анализа «сильных» и «слабых» сторон этих акторов.

Необходимо учитывать и то, что «сильные стороны» во многих случаях детерминировали или активизировали стороны «слабые», и наоборот. Именно поэтому эти определения следует воспринимать не только относительно, но и с большой долей условности, что делает уместным заключение их в кавычки.

При развернутом масштабе осмысления проблемы следует выходить за хронологические рамки существования Советского государства. Необходимо учитывать динамику развития СССР, когда стороны одного исторического периода, которые можно было бы охарактеризовать как «сильные», зачастую преобразовывались в очевидно «слабые» в иных обстоятельствах.

Так, например, высокая вертикальная управляемость разных сторон жизни, характерная для большей части истории советского общества, позволяла добиваться концентрации ресурсов на заданных направлениях, но могла приносить результат только при стратегическом единстве политической элиты.

В условиях, когда политические элиты осуществляли ошибочные или заведомо деструктивные шаги, в системе власти не оказывалось адекватных сил, которые могли бы служить реальным противовесом «утвержденным сверху» директивам, какими бы они ни были. Более того, по принципиальным позициям оказывались невозможными или затруднительными содержательные дискуссии между различными кластерами самой элиты, которые в лучшем случае подменялись персональными договоренностями отдельных акторов. Верховная власть в советской политической реальности превращала статус лидера государства в пожизненный, который можно было поколебать только посредством переворота, как это и происходило в реальности. Итогом такого положения стало то, что советский правящий класс, номенклатура, по определению Милована Джиласа, оказалась «верхушечной структурой без корней», которая отгородилась от общества [2]. Поэтому ее свержение на рубеже 80-х — 90-х гг. XX в. произошло исключительно просто, не вызвав, по сути, никакого значимого общественного противодействия. По тем же основаниям несколько ранее необыкновенно легко и просто происходил демонтаж внешне монолитного и казалось бы

исключительно прочного тоталитарного сталинского режима.

Все вышеизложенное в совокупности подразумевает настоятельную необходимость многоуровневого анализа и комплексности исследований, обращенных к заявленной теме.

Учитывая сделанные оговорки, «сильными сторонами» СССР на протяжении большей части его истории можно признать целый ряд объективных характеристик.

1. Следует отметить такое качество, которое можно определить как **историчность** советского политического образования. Хронологически и по характеру решаемых задач «архетипически» СССР оказался вписан в гораздо более обширный цивилизационный контекст. Во всяком случае, начиная с 30-х гг. XX в. фактор исторической преемственности объективно действовал в качестве центростремительной силы (скорее, в таком качестве он начал проявляться ранее — со времени советско-польской войны 1919–1921 гг.). Вопреки настойчивому желанию противопоставить себя исторической России, СССР по факту оказался ее правопреемником, что имело целый ряд практических последствий. Советская элита получила в свое распоряжение исторически сложившуюся территорию. Данное обстоятельство являлось важнейшим фактором легитимизации режима, гораздо более значимым, чем формальная юридическая легитимность. Кроме того, наличие исторической традиции государственности является значимым ресурсом, осознанным или неосознанным, способствующим политическому сплочению как элит, так и широких масс населения. Примеры практического целенаправленного конструктивного использования образов и стигматов «проклятого прошлого» советским режимом накануне и в ходе Великой Отечественной войны слишком хорошо известны, чтобы на них отдельно останавливаться даже с чисто иллюстративными целями.

При этом политический историзм (в том смысле, в каком он используется в настоящей статье), выигрышный для общества со многих точек зрения, имел и негативные стороны. Историческая аргументация, исторические образы и архетипы способны поддерживать не только центростремительные, но и центробежные тенденции, питать традиции сепаратизма и местного национализма, провоцировать межэлитные и межэтнические трения. Исторические архетипы часто инерционны и создают некие шоры в восприятии меняющегося мира, когда качественно иные ситуации

и конфликты тракуются с точки зрения давно неактуальных реалий.

2. Огромная территория — важнейшая геополитическая, по своей сути, характеристика, позволившая СССР развиваться и в некоторые периоды своей истории просто выжить. Размеры страны определили разнообразие ресурсов и, безусловно, явились преимуществом, «сильной стороной». В критический период Великой Отечественной войны именно размеры были одним из критически необходимых для победы факторов.

Если говорить, например, о выпуске легендарного Т-34, только наличие в глубине огромной страны промышленных центров позволило СССР последовательно пережить потерю единственного предприятия, которое производило танк изначально, в 1940 г. (Харьковский завод № 183); затем — потерю другого важнейшего предприятия — СТЗ (Сталинградский тракторный), второго, освоившего выпуск машины до войны и крупнейшего производителя «тридцатьчетверок» во второй половине 1941 — начале 1942 г. [3].

Среди негативных последствий огромных территориальных масштабов СССР: малая связность регионов страны, затруднения с сосредоточением различных видов ресурсов, в том числе военных, транспортные издержки, чисто управленческие сложности, особенно с учетом высокой степени концентрации всех видов власти, характерной для Советского Союза (как и в целом для исторической России). Усугублял ситуацию континентальный характер СССР, незначительное количество и удаленность от центра незамерзающих портов.

На современном этапе, с одной стороны, территориальный фактор стал играть гораздо меньшую роль, с другой — она все еще очень существенна. Не случайно ключевыми игроками современной глобальной и региональной политики являются страны, выделяющиеся размерами: США, КНР, РФ, Индия, Бразилия. Данное обстоятельство ни в коем случае не является случайным.

3. Численность населения — еще одна «сильная сторона» СССР. Информация, приводимая в монографии Е.В. Хохлова, свидетельствует о том, что в 1939 г. численные ресурсы Советского Союза почти в четыре раза превосходили ресурсы Германии и в полтора раза — США. Разумеется, данные цифры не полностью отражают ситуацию, которую нельзя трактовать упрощенно («арифметически»), так как требуется учитывать связность ресурсов, коэффициент мобилизации, производительность труда, наличие и соотношение

различных хозяйственных укладов и т.д. Однако факт остается фактом: данный критерий в той или иной степени весь период существования СССР играл в его пользу [4].

4. Идеология Советского Союза имела сразу несколько практически выгодных сторон, которые следует определить как «сильные». СССР весь период существования декларировал, а часто и фактически проводил в жизнь идеи, которые были созвучны чаяниям значительных групп населения за его пределами. Тут можно упоминать набор антиколониальных постулатов, все сказанное и реально сделанное для разрушения колониальных империй и поддержки национально-освободительных движений по всему миру. Процесс этот имел много нюансов и требует множества оговорок. Например, не создавал ли СССР параллельно некую другую империю, вводя в фарватер своей политики те или иные страны и народы? (В данном случае подразумевается негативная коннотация слова «империя», что отнюдь не является детерминированным). Насколько соответствовала провозглашенным идеологическим и пропагандистским идеалам «равенства народов» фактически созданная в СССР система политической иерархичности, неравноправности представителей различных этносов? Или практики позитивной дискриминации в отношении к прежней титульной нации? Однако факт остается фактом: антиколониальный пафос советской идеологии и во многом вытекающей из нее практической политики обеспечивал СССР мощную поддержку как среди элит, так и в массовом сегменте по всему миру. Насколько мощное «оружие» находилось в руках советской элиты, красноречиво свидетельствуют данные о численном соотношении населения метрополии и всей Британской империи по состоянию на 1939 г.: 47,5 млн чел. против 386,5 млн чел. [4].

В более общем смысле сами по себе крайне популярные теории социализма и коммунизма, коренного переустройства мира были значимой «сильной стороной» Советского Союза. Притягательность таких идей, связанных с СССР или ассоциировавшихся с нашей страной, побуждала многих представителей западной элиты порой даже с риском для жизни работать на Советский Союз. Тут достаточно вспомнить хрестоматийную историю «Кембриджской пятерки» — идейные и мировоззренческие основания ее действий в пользу СССР разобрал, например, английский исследователь Роджер Скрутон, отметивший абсолютное преобладание в ней представителей социальных верхов, «сливок» британского общества [5].

Можно констатировать, что сегодня история отчасти повторяется. Россия оказалась в буквальном смысле на передовой борьбы за многополярный мир, категорически отвергаемый западными элитами. Между тем данная идея объективно отражает интересы подавляющей части населения Земли, да и большинства граждан наиболее богатых и экономически развитых стран Европы и США. Нельзя не согласиться с Ф.А. Лукьяновым, отметившим высокую степень раздражения на планете Западом в целом [6]. Раздражение это не позволило нынешнему мировому гегемону (или главному претенденту на эту роль) оперативно собрать в антироссийскую коалицию кого-то еще, помимо группы официальных союзников и единомышленников. При этом рычаги воздействия и лоббирования Запада — исключительно мощные и эффективные, но даже они в данной ситуации, по большому счету, пока не сработали. И дело тут не в симпатиях к Российской Федерации как таковой. Россия в настоящий момент не располагает многим из того, что было в Советском Союзе, в том числе в области идей и возможности глобального идеологического проникновения. Однако у российских элит уже есть потенциально сильная позиция, позволяющая иметь по всему миру искренних сторонников.

5. СССР, изначально создаваемый как некая («строго научная») утопия, был обречен на высокую степень **идеократичности** — как в своих внешних проявлениях, так и в действиях, направленных на само советское общество. Говоря об идеократичности СССР, следует подчеркнуть, что это качество не являлось уникальным. Вероятно, оно является необходимым для любых устойчивых политических систем — данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Однако эсхатологический (по крайней мере, по отношению к «старому миру») связанный набор идей периода образования и становления СССР как тоталитарного государства детерминировал ярко выраженную идеократичность данного политического образования. Это обстоятельство со своей стороны способствовало формированию такого качества СССР, как идеологически обоснованная и административно обеспеченная способность к сверхмобилизации. Обратной стороной в данном случае явилось относительное безразличие к цене и потерям, которые требовались для решения принципиальных политических задач.

В более общем смысле классический подход приоритета целого над частным оказался в рамках

российской цивилизации эффективным и в советский период, даже если многие ипостаси целого оказывались утопичными и ложными.

Мессианская политическая идеология достаточно долго позволяла Советскому Союзу сохранять относительную самостоятельность на идейном поле и иметь свою суверенную картину мира и модель развития, причем исключительно привлекательные в глобальном масштабе. Полагаю, нельзя не согласиться с исследователем, который утрату СССР способности конкурировать с Западом, в том числе в экономической и технологической сферах, посчитал результатом «деградации идеологических основ социалистического общества» [7, 8].

6. Традиционный для российской цивилизации **интернациональный состав элит** был характерен и для СССР. Внутрицивилизационная связь здесь слишком очевидна: нет смысла приводить хорошо известные данные об этническом составе дворянского сословия России, или, в более узком смысле, правящей элиты Российской империи, или высших партийных органов, министерств и ведомств различных советских периодов. Отметим, что данная особенность характерна не только для СССР, но и для современной России. Слабостью в данном случае является крайняя сложность, иногда невозможность этнической мобилизации как элит в целом, так и значительной части титульного населения, во всяком случае, вне авторитарного или тоталитарного контекста целенаправленного политического администрирования.

С другой стороны, в том числе и по причине указанной особенности элит России и СССР, представители нетитульной нации часто в кризисные моменты оказываются «фронтами» в деле защиты российской цивилизационной идентичности и опорой российской государственности. Тут широкая историческая связь может идти от отсылки к значению тюркского и мусульманского служебного элемента периода Московского царства, благоприятного для России бурятского фактора на Дальнем Востоке в длительный период вхождения этого этноса в состав российской цивилизации к массовому героизму представителей различных народов в годы Великой Отечественной войны. Как продолжение данной исторической традиции следует отметить и роль на современном этапе чеченских формирований и лично Рамзана Кадырова — одного из наиболее радикальных лидеров общероссийского патриотического движения.

7. Следствием указанных выше особенностей, но и самостоятельным фактором, является **высокая степень политической консолидации** советских правящих элит на протяжении большей части истории СССР. В разные периоды эта консолидация имела различное содержание и различную степень интенсивности. Разумеется, понятие политической консолидации всегда является относительным, что верно и для СССР. Политическая борьба непременно существует в любых, самых сплоченных и монолитных элитах. Яркой иллюстрацией к данному тезису являются наблюдения Милована Джиласа за советскими лидерами сталинского периода, для которых была характерна междоусобная «ужасная, непрекращающаяся борьба на всех направлениях» [9].

Однако сочетание жестких идеологических рамок, жесткой бюрократической вертикали подчинения, репрессивных методов поддержания политического единства привело к тому, что стратегическое единство политической элиты было характерно для СССР большой период его существования.

8. Необходимо выделить изначальную и устойчивую **нацеленность на модернизацию** правящих элит Советского государства. В ее рамках огромное внимание уделялось науке и образованию. Здесь будет вполне уместна отсылка к хрестоматийному описанию Гербертом Уэллсом изначальных подходов Советской власти, когда в голодающей стране, положение которой «ужасно и бедственно», «сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы» [10].

Другой не менее яркой иллюстрацией к вышесказанному являются письма с Восточного фронта Готхарда Хейнрици. Генерал Вермахта с нескрываемым отвращением описывает все, что его окружает в России 1941 г. Тем более примечательна следующая его оценка: «Лишь одна вещь тут в России является высококачественной — школьные здания. Большие, светлые, просторные

и чистые без исключений. Даже в самой маленькой деревушке школа хорошо оснащена материалами для преподавания физики» [11].

Отдельного замечания заслуживает то, что в самые тяжелые периоды огромное значение в СССР придавалось развитию «непроизводительных» общественных наук и культуры. Понимание важности гуманитарных наук, культуры, настойчивые попытки сделать научные достижения достоянием масс, повысить их образовательный уровень — одна из характерных «сильных сторон» СССР. Тут уместно опять сослаться на Герберта Уэллса, отмечавшего полное безразличие власти имущих США и Англии к духовной деградации народных масс [9].

При всех оговорках социальная сфера, в том числе повышение уровня общественного потребления, социальные гарантии для населения, для советских элит являлись целью и средством конкуренции с Западом. Насколько позволяли материальные ресурсы, этой сфере уделялось значительное внимание, и социальные достижения СССР в целом можно охарактеризовать как грандиозные.

Прямое воспроизведение советского опыта, при всей его исторической и практической ценности и относительной хронологической близости к сегодняшнему дню, зачастую невозможно или нерационально. Только отчасти и опосредованно он может быть интегрирован в современность с пользой для страны и народов, ее населяющих. При этом советский опыт — тот учебник, который необходимо внимательно анализировать современным российским политикам и исследователям. В какой-то степени необходимость его, пусть и частичной, интеграции в современность детерминирована нынешним положением вещей. Таким образом, изучение «сильных сторон» СССР не является чисто историческим или теоретическим по содержанию. Именно научный подход к данной проблематике позволит определить границы практического воспроизводства тех или иных его сторон и сможет избавить как от безоглядного копирования, так и от безусловного отрицания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Heath T.R., Gunness K., Finazzo T. The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022.
2. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь»; 1991.
3. Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: ООО «Литера-С»; 2009.

4. Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2005.
5. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. Пер. с англ. М.: Издательский Дом ВШЭ: Политическая теория; 2021.
6. Лукьянов Ф. А. Неожиданный индикатор перемен. *Россия в глобальной политике*. 2022;20(4):5–8.
7. Zubok V.M. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale University Press; 2021. 576 p.
8. Истомин И. А., Неклюдов Н. Я., Сушенцов А. А. Вперёд в прошлое? Возвращение истории. *Россия в глобальной политике*. 2022;20(5):38–54.
9. Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне: Посев; 1970.
10. Уэллс Г. Россия во мгле. Пер. с англ. М.: ООО «ТД Алгоритм»; 2015.
11. Хюртер Й., ред. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. Пер. с нем. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

REFERENCES

1. Heath T.R., Guinness K., Finazzo T. The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022.
2. Voslensky M. Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. Moscow: “Soviet Russia” joint with MP “October”; 1991. (In Russ.).
3. Ermolov A. Yu. Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: ООО “Litera-S”; 2009. (In Russ.).
4. Khokhlov E. V. The military economy of the USSR on the eve and during the Second World War. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House; 2005. (In Russ.).
5. Scruton R. Fools, swindlers and arsonists: Thinkers of the new left. Transl. from English. Moscow: HSE Publishing House: Political Theory; 2021. (In Russ.).
6. Lukyanov F.A. An unexpected indicator of change. *Russia in global politics*. 2022;20(4):5–8. (In Russ.).
7. Zubok V.M. Collapse: The fall of the Soviet Union. New haven: Yale University Press; 2021. 576 p.
8. Istomin I. A., Neklyudov N. Ya., Sushentsov A. A. Forward to the past? The return of history. *Russia in global politics*. 2022;20(5):38–54. (In Russ.).
9. Djilas M. Conversations with Stalin. Frankfurt am Main: Sowing; 1970.
10. Wells G. Russia in the dark. Transl. from English. Moscow: LLC “TD Algorithm”; 2015. (In Russ.).
11. Hürter J., ed. Notes on the war of extermination. Eastern Front 1941–1942 in the notes of General Heinrici. Transl. from German. St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg, 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander I. Sperkach — Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

sperksperk@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.09.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45
УДК 328.82(045)

«Культура отмены» как проявление западной русофобии

Е.А. Попова

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются и анализируются причины возникновения и развития «культуры отмены» и русофобии как социально-политических и культурно-идеологических явлений. Кратко исследованы их исторические корни и предпосылки широкого распространения как на Западе, так и в России. Установлены ключевые элементы понятий «русофобия» и «культура отмены», а также соотношения по основным политическим, социальным, идеологическим и культурным параметрам. Определены предполагаемые перспективы развития русофобии как проявления «культуры отмены» в качестве политического инструментария «коллективного Запада».

Ключевые слова: русофобия; «культура отмены»; «культура исключения»; практика «отмены»; канселлинг; «коллективный Запад»; политическая психология; спецоперация; санкции

Для цитирования: Попова Е.А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):40-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45

ORIGINAL PAPER

“Cancellation culture” as a manifestation of Western Russophobia

E.A. Popova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines and analyzes the causes and course of development of the “culture of cancellation” and Russophobia as socio-political and cultural-ideological phenomena. Their historical roots and prerequisites for wide distribution both in the West and in Russia are briefly investigated. The key elements of the concepts of “Russophobia” and “cancellation culture”, as well as correlations for the main political, social, ideological and cultural parameters are established. The alleged prospects for the development of Russophobia as a manifestation of the “culture of cancellation” as a political tool of the “collective West” are determined.

Keywords: Russophobia; “culture of cancellation”; “culture of exclusion”; practice of “cancellation”; cancellation; “collective West”; political psychology; special operation; sanctions

For citation: Popova E.A. “Cancellation culture” as a manifestation of western russophobia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. (In Russ.). 2022;12(6):40-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45

В рамках настоящей статьи необходимо определить ключевые понятия, а также проследить истоки и развитие русофобии и «культуры отмены» как социально-политических и культурно-идеологических явлений. Затем надо ответить на вопросы: носят ли практики «отмены» системный характер или это частные решения, сопровождаемые моральной паникой? каковы последствия минимизации культурного сотрудничества

и яростного обсуждения данного факта? как соотносятся понятия «русофобия» и «культура отмены» и соответствуют ли им действия Запада против России?

Итак, с позиции политической психологии русофобия как форма ксенофобии (т.е. неприязни всего чуждого) является частью государственной идеологии большинства западных стран. В общем, это неприкрытая неприязнь, иногда доходящая до ненависти ко всему рус-

скому. Отрицательные чувства проявляются по отношению к государству, народу, его менталитету, культуре и т.д.

Русофобия подразделяется на два типа:

1. Низовая — ненависть к русским, господствующая среди населения. Обычно провоцируется событиями в мире, происходящими при участии или по инициативе России. Регулируется обычно соответствующей государственной информационной политикой.

2. Элитарная — это часть политики, которую проводят люди, имеющие силу и власть в стране. Имеет материальную основу и представляет большую опасность для общества, так как поддерживается на государственном уровне.

Русофобию, естественно, можно считать идеологией, которая в наше время активно насаждается в Европе и США. Н.Н. Хартман полагает, что предпосылки русофобии начали проявляться еще в XV–XVII вв., когда у иностранцев стало формироваться недружественное и пренебрежительное отношение к России и русским. Уже тогда русскому народу приписывались всякие человеческие пороки и слабости. В XVI в. развитие русофобии связано с проникновением польских войск на территорию России. Активную пропаганду против Российской империи вели польское и литовское правительства, писатели, историки и иезуиты [1].

На современном этапе исторического развития мирового сообщества США активно пропагандируют политическую русофобию. Для них русофобия — это не только непонимание русской души, но и продуманная стратегия по принижению значения России, которая представляет собой прямую угрозу однополярному мироустройству. «Элитные» русофобы используют любой информационный повод для разжигания ненависти к России. Основой усиления русофобии в США, Европе, Австралии, Японии (странах так называемого «коллективного Запада») является наличие исторически сложившихся и поддерживаемых их элитой мифов о России.

М. Неймарк справедливо отмечает, что в современном мире русофобия должна пониматься как системный феномен, вбирающий в себя ценностные, мировоззренческие, политические, экономические, социокультурные и иные аспекты — «исходно враждебное, априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к России» [2].

Корни русофобии как явления, транслируемого западными элитами как на собственное население, так и на территорию самой России, могут быть объяснены нетерпимостью к периодам, когда геополитическая значимость российского государства возрастает. Активная внешняя политика Москвы естественным образом вступает в противоречие с национальными интересами ряда европейских государств (исторически наибольшие трения здесь возникали с Великобританией и США), поэтому русофобия становится удобной почвой для конфронтационных действий, вплоть до экономических рестрикций и ограничений в социокультурной сфере.

Дж. Макдермотт трактует «культуру отмены» как современный социально-политический термин, ставший популярным сравнительно недавно, обозначающий длительно существующий остракизм, при котором человек или определенная группа лишаются поддержки и осуждаются в социальных или профессиональных сообществах — как в онлайн-среде, так и в реальном мире [3].

Термин «культура отмены» может означать культурный бойкот определенного человека или бренда. Этот термин, как правило, имеет негативный оттенок и часто используется в дебатах о свободе слова и цензуре. Социальный психолог Д. Хайдт отмечал, что «культура отмены» как явление возникло в результате формирования в американских университетах так называемого «культы безопасности», объявляющего нетерпимость в отношении любого мнения, которое может быть истолковано как расистское или трансфобное [4]. Дж. Веласко, доктор социологии Университета Де Ла Саль (Манила), назвал культурой отмены стремление контролировать свободу мнений, используя власть, которую дают социальные сети [5].

Идея отмены смертной казни, считает С. Бонд-Нельмс, зародилась как инструмент среди маргинализированных сообществ для отстаивания ими своих ценностей и была направлена против общественных деятелей, которые сохраняли власть и авторитет даже после правонарушений. «Культура отмены» появилась среди чернокожих, которые боролись за свои гражданские права (автор ссылается на бойкоты 1950-х и 1960-х гг.) [6]. Когда в обиход вошла фраза «вас отменили», ее стали использовать

как способ привлечь внимание к разного рода проблемам.

В последние несколько лет идея о том, что человека можно «отменить» (иными словами — культурно заблокировать доступ к известной социальной платформе или карьере) стала предметом противоречивых дебатов. Появление «культуры отмены» и идеи «отмены» кого-либо совпадает с известной закономерностью: публичный человек говорит или делает что-то оскорбительное, из-за чего возникает общественная реакция, часто подпитываемая политически прогрессивными социальными сетями.

На Западе все больше и больше проявлений русофобии. Так, МВД Германии фиксирует до 200 нападений на русскоязычных граждан в неделю. Были даже чаты, где призывали линчевать русских. Посольство России в Великобритании уже фиксирует факты травли соотечественников и угроз, которые поступают в адрес самих дипломатов. Польские власти фактически объявили войну всему русскому. Сегодня в Варшаве русофобия возведена в абсолют.

В. Шварцман, рассуждая об истоках рассматриваемого явления, ссылается на авторитетных западных специалистов в данной области. Так, профессор Дж. Хилл выделяет несколько причин возникновения самого явления. Одна из них — увлечение Запада самобичеванием и его капитуляция перед критикой своей цивилизации. По его мнению, Запад действительно совершил ряд вопиющих преступлений против человечества, отдельных лиц и определенных групп, но вместо того, чтобы признать это и сказать: «Послушайте, мы не были идеальными, мы делали некоторые вопиющие вещи», он преуменьшает собственное величие и критикует пути, которыми вел людей в будущее.

Аналогичного мнения придерживается и сотрудник Австралийского центра незави-

симых исследований П. Курти. По его словам, «культура отмены» особенно развита в англосаксонских странах и тесно переплетается с обвинениями этих государств в причастности к колониальному, империалистическому и рабовладельческому периодам истории. Люди стремятся порвать с болезненным прошлым, но при этом мало сосредотачиваются на том, что можно сделать в борьбе с таким же рабством в настоящем [7].

Благодаря «отменам» возможно говорить о многом открыто. Например, достоянием общечеловеческой ответственности стали проблемы расизма, сексизма, женоненавистничества и другие темы, говорить о которых раньше избегали или считали нормой. Социальные сети позволили тем, у кого нет свободного доступа к медийным ресурсам, выступать против влиятельных людей и целых государств. Так, одним из проявлений «культуры отмены» стала русофобия. Здесь, справедливости ради, следует отметить, что далеко не все, что транслируется и печатается в последнее время мировыми и отечественными традиционными СМИ и на интернет-площадках, является русофобией в строго научном смысле.

Раньше такой метод давления применялся в основном без участия государственных структур, которые могут предстать перед судом. Сейчас целый ряд западных государств в санкционной войне решил ударить не только по экономике и России как государству, но и по всем русским и русскоязычным гражданам.

Научный сотрудник РАНХиГС А. Кирзюк отмечает, что до недавнего времени под русофобией понималось враждебное, предвзятое отношение к России как политическому субъекту или отказ от признания ее исторических достоинств. Так, русофобией объяснили снос памятников советским солдатам в странах Балтии и Украине; навязывание СССР ответственности за Вторую мировую войну, а России — за грузино-абхазский и российско-грузинский конфликты; санкции, наложенные на российскую элиту в 2014–2015 гг., и допинговые скандалы во время Олимпийских игр. Однако после начала спецоперации на Украине содержание этого понятия расширилось: под русофобией стали понимать не только враждебное отношение к России как политическому образованию, но и ненависть к русским, носителям русского языка и русской культуры. На официальном уровне звучат сравнения сегодняшнего отно-

шения к русским на Западе с антисемитизмом в нацистской Германии¹.

Действительно, отмечает К. Бенедиктов, в конце февраля — начале марта 2022 г. впервые в истории была применена «культура исключения» в отношении целой страны — России. 1 марта бывший помощник министра финансов США М. Кроули сообщил в интервью *Fox News*, что Россия «отменяется» частично из-за финансовых санкций, а также из-за исключения российских спортивных команд из международных соревнований. «Политическое давление на Россию невероятно», — сказал Кроули, — «мир изменился, и мы не видим того, чего когда-либо ожидал президент Путин». А Дж. Уиллик, обозреватель *The Washington Post*, написал тогда в Твиттере: «Мы являемся свидетелями первого геополитического поворота XXI века».

К таким выводам западные наблюдатели пришли главным образом потому, что, помимо экономических и финансовых санкций, являющихся условной формой борьбы Запада против неугодных ему стран, в нынешнем конфликте вокруг Украины неожиданно открылся новый фронт, куда вмешалась геополитическая борьба. «Искусство, музыка и спорт уже давно являются сферами, в которых российский президент Владимир Путин стремился проецировать “мягкую силу”», — говорит обозреватель *Euronews* Т. Галлахер. Карательные меры Запада, продиктованные логикой «отмены» культуры, обрушились и на гуманитарную сферу [8].

Министр иностранных дел России С. Лавров на заседании Совета глав субъектов РФ при МИД России сказал: «Как мы только что отметили, Запад объявил нам тотальную войну, всему русскому. Развернул беспрецедентную кампанию по демонизации России. Сейчас этого никто не скрывает, это уже доходит до абсурда, до самой культуры упразднения России и всего, что связано с нашей страной» [9]. По его мнению, не стоит надеяться на быстрое прекращение русофобской истерии на Западе.

Для широкого западного обывателя сейчас русский человек не может быть ни ученым, ни музыкантом, ни поэтом, ни спортсменом, ни кем-либо еще, кроме как оккупантом и агрессором. Вот идея, которую в последние годы пыта-

ется реализовать «коллективный Запад». Однако воевать с российской экономикой просто, а вот победить русскую культуру — задача не из легких. Это не получалось даже во времена холодной войны, и совсем непонятно, что с этим делать в эпоху цифровизации. Но лидеры Европы и США нашли решение — запретить все, что хоть немного напоминает «русскость». Сейчас это наши деятели культуры и спортсмены, завтра будут все граждане России. Судя по всему, послезавтра европейцы начнут жечь книги русских классиков.

На Западе все больше и больше проявлений русофобии. Так, МВД Германии фиксирует до 200 нападений на русскоязычных граждан в неделю. Были даже чаты, где призывали линчевать русских. Посольство России в Великобритании уже фиксирует факты травли соотечественников и угроз, которые поступают в адрес самих дипломатов. Польские власти фактически объявили войну всему русскому. Сегодня в Варшаве русофобия возведена в абсолют. «Русский мир — это рак. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию», — заявил премьер-министр М. Моравецкий. В государствах Балтии власти действуют более решительно, чем в некоторых странах ЕС: Литва и Латвия поддерживают все антироссийские инициативы, список которых бесконечен. При этом некоторые европейцы уже откровенно дают понять, что им надоела проукраинская пропаганда. Акции в поддержку России прошли в Германии, Италии, Греции, Испании, на Кипре, в Аргентине и других странах. Русофобии и «культуре отмены» противостоят отдельные политики и деятели искусства.

Ученый Бернского университета Х.П. Бек задается вопросом: действительно ли Запад ненавидит русских? И отвечает читателю: точно — нет, и никогда такого не было. Запад, напротив, хочет иметь хороших партнеров для торгового, культурного и научного обмена, когда люди могут свободно выражать идеи, участвовать в дискуссиях и путешествовать. Запад поддерживает открытую и стабильную демократию, но когда свобода слова подавляется, реализация демократических ценностей в таких условиях невозможна, и это хорошо понимают за пределами России².

¹ URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F71%2F313&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>

² Лавров: Запад не скрывает, что объявил русскому миру войну. URL: <https://anews.com/136527926-lavrov-zapad->

США применяют односторонние санкции для давления на неудобные режимы и государства, часто — не как средство для достижения чего-либо, а как самоцель, призванную унижить, ослабить позиции конкурентов, лишить их союзников — в том числе, за счет создания ментального, идеологического фундамента в виде русофобских воззрений. Конструирование русофобии часто осуществляется в полном отрыве от реальности — с использованием стереотипов и фейковых новостей. Это вполне укладывается в логику американского мессианства, где глобальная лидерская роль США, их особая миссия по поддержанию миропорядка не должна оспариваться ни противниками, ни даже союзниками. Подобная политика, начатая В. Вильсоном, проводится уже больше века.

В целом следует признать, что сейчас определяется англо-саксонское, атлантическое ядро Запада. «Отказ» от России не только в финансово-техническом, но и культурно-гуманитарном плане видится Западу основным рычагом давления на Москву в российско-украинском конфликте. Для достижения цели приемлемыми признаются любые средства, даже те, которые выходят за рамки общепринятых норм морали. Если нынешнюю волну русофобии не остановить, полагает А. Хабаров, то она легко может

окончательно погрузиться в «культуру отмены», под которую попадет все, что связано с Россией или русскими вообще [10].

В целом, считает профессор Дипломатической академии МИД России А. Г. Володин, русофобия, как и любая фобия, иррациональна по определению, как и ненависть. Побороть русофобию, к сожалению, практически невозможно, однако следует постоянно отслеживать ее динамику, а также обсуждать ее влияние на взгляды и поведение носителей в соответствии с национальными интересами. Очевидно, что преодоление непонимания и неприязни к России возможно только путем налаживания межкультурных и межгосударственных связей. Для этого следует не закрываться от мирового сообщества, а вести просветительскую деятельность, донося до него истинную правду о сущности русского народа и его культуры [11].

Таким образом, понятный на первый взгляд термин «руссофобия» и явление, которое он описывает, при ближайшем рассмотрении оказываются очень глубокими и сложными и требуют дальнейшего изучения, в том числе в рамках той «культуры отмены», которая стремительно распространяется по всему современному миру. Это особенно важно в контексте кризиса отношений между Россией и коллективным Западом, обострившимся в результате специальной военной операции на Украине.

ne-skryvaet-cto-objavil-russskomu-miru-voynu.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гартман Н. Н. Русофобия. URL: <https://psihomed.com/rusofobija/>
2. Неймарк М. Как украинский кризис обнажил глубоко укоренившуюся на Западе русофобию. URL: <https://rg.ru/2022/03/22/kak-ukrainskij-krizis-obnazhil-gluboko-ukorenivshuiusia-na-zapade-rusofobiuu.html>
3. McDermott J. Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html>
4. Haidt J. *The Coddling of the American Mind*. New York City: Penguin Press; 2018.
5. Velasco J. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2020;12(5):1–7.
6. Bond-Nelms C. Boycotts, Movements and Marches. Events that initiated social change during the civil rights movement. URL: <https://www.aarp.org/politics-society/history/info-2018/civil-rights-events-fd.html#quest1>
7. Шварцман В. Как борьба за справедливость в западном обществе превратилась в войну со свободой слова. URL: https://lenta.ru/articles/2021/11/10/cancel_culture/
8. Кирзюк А. Не агрессоры, а жертвы: «руссофобия» как оправдание и побудительный мотив. *Социодиггер*. 2022;3–4(17):60–62.
9. Бенедиктов К. Черные жизни важны, а русские — нет. Как США отменяют Россию. URL: http://4pera.com/news/analytics/chernye_zhizni_vazhny_a_russkie_net_kak_ssha_otmenyayut_rossiyu/
10. Бек Х. П. Запад не ненавидит русских — однозначно нет! Пер. с англ. *Социодиггер*. 2022;3–4(17):54–59.

11. Хабаров А. Волна русофобии в Великобритании может привести к «культуре отмены». URL: <https://www.vesti.ru/article/2684148>

REFERENCES

1. Hartman N.N. Russophobia. URL: <https://psihomed.com/rusofobija/> (In Russ.).
2. Neimark M. How the Ukrainian crisis exposed Russophobia deeply rooted in the West. URL: <https://rg.ru/2022/03/22/kak-ukrainskij-krizis-obnazhil-gluboko-ukorenivshuiusia-na-zapade-rusofobiiu.html> (In Russ.).
3. McDermott J. Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html>
4. Haidt J. *The Coddling of the American Mind*. New York City: Penguin Press; 2018.
5. Velasco J. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2020;12(5):1–7.
6. Bond-Nelms C. Boycotts, Movements and Marches. Events that initiated social change during the civil rights movement. URL: <https://www.aarp.org/politics-society/history/info-2018/civil-rights-events-fd.html#quest1>
7. Shvartsman V. How the struggle for justice in Western society turned into a war on freedom of speech. URL: https://lenta.ru/articles/2021/11/10/cancel_culture/
8. Kirzyuk A. Not aggressors, but victims: “Russophobia” as an excuse and motive. *Sociodigger = Sociodigger*. 2022;3–4(17):60–62. (In Russ.).
9. Benediktov K. Black Lives Matter, Russians Don't. How the United States cancels Russia. URL: http://4pera.com/news/analytics/chernye_zhizni_vazhny_a_russkie_net_kak_ssha_otmenyayut_rossiyu/ (In Russ.).
10. Beck H. P. The West does not hate Russians — definitely not!: Translated from English. *Sociodigger = Sociodigger*. 2022;3–4(17):54–59. (In Russ.).
11. Khabarov A. A wave of Russophobia in the UK may lead to a “culture of cancellation”. URL: <https://www.vesti.ru/article/2684148> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Попова — аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Москва, Россия
Ekaterina A. Popova — Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8761-4755>
e9250340203@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 04.11.2022; accepted for publication on 20.11.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Основания образования экзистенции и способы ее преодоления

Т.М. Махаматов^а, Д.А. Пулатова^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия;

^б Ташкентский государственный университет Востоковедения, Ташкент, Республика Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В статье впервые исследуются социальные факторы, определяющие рождение и эволюцию экзистенции индивида. Экзистенция является негативным состоянием человеческой души, угнетающе влияющим на сознание и поведение человека. На основе анализа философских, психологических публикаций по экзистенциализму и художественной экзистенциальной литературы авторы выделили основные факторы, формирующие экзистенцию индивида. В статье впервые в философии экзистенциализма выявляются основные способы снятия экзистенциального напряжения индивида, что позволяет разработать методологию оказания социальной, медико-психологической и педагогической помощи людям при обостренной экзистенции.

Ключевые слова: экзистенция; самосознание; экзистенциальное напряжение; развитие личности; преодоление экзистенции

Для цитирования: Махаматов Т.М., Пулатова Д.А. Основания образования экзистенции и способы ее преодоления. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):46-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-46-52

Backgrounds for the Existence Formation and its Overcoming Ways

T.M. Makhamatov^a, D.A. Pulatova^b

^a Financial University; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^b Tashkent State University of Oriental Studies, Tashkent, Republic of Uzbekistan

ABSTRACT

For the first time, this work explores the social factors that determine the birth and evolution of an individual's being. Existence is a negative state of the human soul that depressingly affects the consciousness and behavior of a person. Based on the analysis of philosophical, psychological publications on existentialism and artistic existential literature, the authors identified the major factors that form an individual's being. For the first time, the paper as in the philosophy of existentialism revealed the principal ways of relieving the existential stress of the individual, which allows developing a methodology for providing social, medical, psychological and pedagogical assistance to people with aggravated life.

Keywords: existence; self-consciousness; existential tension; personality growth; overcoming existence

For citation: Makhamatov T.M., Pulatova D.A. Backgrounds for the existence formation and its overcoming ways. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):46-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-46-52

ВВЕДЕНИЕ. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Философия экзистенциализма в основном опирается на материалы психологических исследований [1–4] и экзистенциальных произведений искусства, отражающих основы формирования и эволюции экзистенциализма [5]. Умение скульптора, художника выразить в образах своих

произведений глубину экзистенциального мира в душе человека является главной ценностью произведений искусства. Именно гениальное отражение выражения в лице мадонны скорби и понимание величия поступка рожденного ею Сына Божьего в скульптурной композиции «Пьета» Микеланджело, страдания от одиночества в глазах демона в одноименной картине Врубеле-

ля, отчаяние человека в картине Мунка «Крик» пронизывают души зрителя. Но, как показали в своих исследованиях Дж. Малпас [6], Мариани [7], Н. Бонецкая [8], В. Варава [9], П. Зияк [10] и др., наиболее адекватными и полными формами раскрытия *динамики* экзистенции являются произведения художественной литературы.

Следует отметить, что экзистенциализм в произведениях искусства отражается в образах и поэтому нуждается в философско-понятийном анализе. Здесь философия на основе исследования образов экзистенциальных произведений методами герменевтики, феноменологии, а также психологии [11–13] выявляет объективную универсальную сущность экзистенции, ее внешние проявления, диалектику, генетические основания образования экзистенциального мира индивида и особенности преодоления его. Философские исследования экзистенции приводят к выводу, что ее следует рассматривать как *социально-психологический феномен*, ибо она, прежде всего, образуется системой непосредственных взаимоотношений индивида с другими людьми в своей социальной среде с ее не всегда понятными и часто неразрешимыми противоречиями и проблемами.

Экзистенция имеет различное динамичное содержание, структуру и направленность, определяемые как внешними социальными факторами, так и внутренними морально-этическими и ценностными факторами человеческой души. Одна из ее сущностных особенностей заключается в том, что она является осознаваемым внутренним миром *негативных переживаний* индивида, особой чувственно-психологической частью его сознания, находящегося на грани рационального и иррационального. Еще К. Ясперс отмечал, что экзистенция «становится доступной в понимаемости, ... она сама есть *процесс* самопонимания, ... только на границе понимаемого она вновь с изначальностью выходит навстречу себе самой» [14, с. 28].

Ж.-П. Сартр также считает, что в *самосознании* заключается исходный пункт человеческой экзистенции: «В исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме: «Я мыслю, следовательно, существую». Это абсолютная истина сознания, постигающего себя» [15, с. 335].

Как известно, человек — существо общественное, и его существование связано с его способностью мыслить и общаться с другими. Однако его сознание во многом остается в неизбежной

власти внутреннего мира одиночества. Индивид себя более четко осознает через свои постоянно воспроизводимые негативные эмоции и переживания, т.е. в своей экзистенции. «Из возможности экзистенции я живу, — писал К. Ясперс, — лишь в ее осуществлении я бываю самим собой» [14, с. 4]. Следовательно, не бывает человеческого индивида без экзистенции, ибо она основа обнаружения человеком своего бытия через страдания своей вечно одинокой души.

Как писал К.Г. Юнг, от одиночества «не избавит никакое успешное приспособление и никакое беспрепятственное прилаживание существующему окружению, а также ни семья, ни общество, ни положение» [1, с. 193]. Именно в минуты неудач, несчастья мысли человека направляются во внутрь, он более отчетливо обнаруживает свою экзистенцию, т.е. себя в своем одиночестве.

Экзистенция человека усиливается от ощущения бессмысленности и бесперспективности того, чем он занимается, абсурдности внешнего окружения; как результат возникших и не решенных проблем между индивидом и социальной средой. Как писал К.Г. Юнг, «человеческий же дух кругом увяз в диковинных противоречиях» [1, с. 192]. В таких ситуациях в душе индивида усиливается давление темных материй подсознательного, проявляющееся в иррациональных тревогах, депрессиях, отчаянии и страхе [16, р. 22]. Однако суть человеческой экзистенции — *не сама иррациональность* и не давление на человеческое «Я» массы бессознательного. Эти феномены человеческой психологии суть *лишь предпосылки* рождения человеческой экзистенции, что обусловлено *осознанием* человеком своих негативных психологических состояний, стремлением индивида *найти связь* иррационального с сознанием. Сартр пишет: «Именно в моем субъекте я беспокоюсь, и, однако, это беспокойство “для-меня” открывает мне бытие, которое есть *мое* бытие, не являясь-для меня» [17, с. 246].

Как указывает С. Ханскомб, «экзистенциальные проблемы могут всегда осмысленно восприниматься как факторы, влияющие на поведение, несмотря на наш возраст или опыт» [18, р. 171]. Действительно, экзистенция заключается в мыслях индивида об абсурдности своей жизни, в нигилистическом отношении к самому себе и внешнему миру [19], в мыслительном *поиске способов преодоления абсурда*, что проявляется и в поведении человека. Экзистенция, будучи социально-психологическим явлением, — не психи-

ческая болезнь, но может привести к нарушению психики экзистенциального человека [1, с. 21].

Из-за постоянного воспроизводства различных форм и интенсивности противоречий между индивидом и внешней социальной средой в душе индивида волнообразно возникают экзистенции, требующие своего *диалектического отрицания*. Психоаналитические исследования К.Г. Юнга, раскрывающие особенности переживаний человека [1, с. 193], позволяют заключить, что экзистенция как душевное противоречие и процесс поиска способов преодоления самое себя является специфическим фактором *эволюции мышления индивида*.

ОСНОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА И ДИНАМИКИ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Согласно К. Ясперсу, в основании генезиса экзистенции лежит совокупность коммуникаций индивида с близкими и неблизкими ему людьми. «Коммуникация, — писал К. Ясперс, — есть исток экзистенции; ...Я не могу стать собой, не вступая в коммуникацию, и не могу вступить в коммуникацию, не будучи одинок» [14, с. 64].

Но коммуникация бывает разного уровня, содержания, направленности, определяемых духовными и материальными интересами агентов взаимоотношений. Позитивный или негативный характер и уровень коммуникации индивида, направленность его активности от себя или внутрь себя определяют особенности формирования экзистенции, ее содержание, структуру и возможные способы ее преодоления. Этапы эволюции формирования и усложнения коммуникации, связанные с годами расширения жизненного пространства индивида, начиная с детства, определяют усложнение и углубление экзистенции человека.

Психологические феномены влияния характера системы взаимосвязей на начало формирования экзистенции у ребенка раскрыл К.Г. Юнг в своей работе «О конфликтах детской души», опубликованной в 1910 г. [1, с. 11], т.е. до появления экзистенциальной философии М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.

На первоначальном этапе формирования социальных отношений человек, будучи еще ребенком, но уже осознающий себя индивидом, начинает входить в «мир взрослых» и сталкивается со страхом быть покинутым своими родителями, с неведением и вопросами, на которые взрослые не дают «удовлетворительного» ответа. В нем рождается экзистенция неопределенности, не-

доверия, внутреннего протеста и сопротивления. Экзистенциальное в ребенке усугубляется при столкновении с неоднозначностью окружающего его мира, с пониманием им своей индивидуальности и обостряется в противопоставлении себя другому [1, с. 20].

Следующий этап эволюции коммуникации начинается с выходом ребенка за рамки привычного «родительского» пространства, когда независимо от его воли и желаний и по непонятной ему причине происходит расширение его социального пространства. Особенности динамики экзистенции данного этапа раскрыты в рассказе А. Платонова «Еще мама» [21, с. 22]. Данный рассказ показывает, что при выходе ребенка за рамки своей семьи происходит углубление и расширение экзистенции начального этапа. Для ребенка, оказавшегося вне поля зрения родителей, бытие в наступающем будущем вызывает страх перед «чужим» миром, *вынуждает* его самостоятельно принимать решения, рождает в нем неуверенность. Его страх и неуверенность соединяются с мыслью о своей *заброшенности*: ребенку кажется, что он никому не нужен, не имеет никакой поддержки и помощи.

Другой источник эволюции и усложнения экзистенции индивида — это противоречия, неприятие между ним и «другими», взаимное непонимание, постоянно возникающее в процессе всего периода расширения и усложнения его коммуникации. Как писал А. Камю, «судя по всему, другой человек всегда остается для нас непознанным, в нем всегда есть нечто не сводимое к нашему познанию, ускользающее от него» [23, р. 228].

Расширение коммуникации приводит не только к столкновению с «чужими», но и порождает перед человеком все новые и новые проблемы и противоречия. В таких ситуациях возникает необходимость самостоятельного выбора, принятия решения, независимо от внешних условий. Ж.-П. Сартр считал, что столкновение с противоречием свободного выбора поступка является *основанием* генерации экзистенции индивида [15, с. 334].

В памяти человека хранится много неприятных воспоминаний. По мнению Сартра, «сознание противопоставлено своему прошлому и будущему как находящееся перед собой, которое существует в способе небытия; это отсылает нас к ничтожащей структуре временности» [17, с. 71]. Чувство и мысль о невозможности остановить или замедлить время, избавиться от неприятных

воспоминаний также способствуют формированию экзистенции.

Психологическое давление времени на сознание индивида, его быстротечность по сравнению с механистичной неизменностью окружающего мира вещей как рождающий экзистенцию фактор получило четкое отражение в повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Главный герой повести Холден Колфилд размышляет, что музей и вещи в нем не меняются, но *человек каждый раз становится другим*. Его сознание не может избавиться от неприятных и угнетающих эпизодов прошлого. В наступившем настоящем происходит не то, что он ожидал, и на что надеялся [24, с. 123].

Немаловажным основанием формирования экзистенции является несоответствие внешней коммуникационной реальности ожиданиям и внутренним ценностям индивида. В этом случае экзистенция образуется как протест, ненависть к существующей реальности, нигилистическое отношение к окружению и проявляется как уход в себя, «падение в пропасть» при отсутствии желания и стремления изменить эту реальность. Такую экзистенцию в душе Холдена Дж. Сэлинджера очень точно раскрывает словами персонажа повести мистера Антолини: «Пропасть, в которую ты летишь, — ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего им не может дать их привычное окружение. Вернее, они думали, что в привычном окружении они ничего для себя найти не могут. И они перестали искать. Перестали искать, даже не делая попытки что-нибудь найти» [24, с. 176].

Экзистенция есть результат глубоких противоречий в человеческом сознании, вызывающих душевно-психологическое угнетение, дискомфорт. Естественно, что любой человек пытается преодолеть, перебороть свою экзистенцию.

ДИАЛЕКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ

В классическом экзистенциализме его представитель А. Камю выделил два альтернативных способа преодоления индивидом своей экзистенции — смерть или сизифов труд. Поиск смерти как спасение от экзистенции, объективной абсурдности жизни он считал результатом безразличия окружающих к судьбе индивида, что показано в его повести «Посторонний». Второй

путь — это активный поиск индивидом смысла в своем бессмысленном положении, что сравнимо с сизифовым трудом. «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека, — пишет Камю, — Сизифа следует представлять себе счастливым» [25, с. 308]. Согласно Камю, образы Сизифа, Эдипа и Иисуса доказывают, что индивид может преодолеть свою экзистенцию лишь тогда, когда он борется с бессмысленностью жизни, сам создает свою судьбу. Однако такое преодоление носит *индивидуалистический* характер, в котором отсутствует роль социума, да и не у всех индивидов есть сильный характер и внутренняя воля. Это может привести человека к психической болезни или толкнуть на путь поиска своей смерти, — мы обозначаем как *негативный аспект экзистенции*.

Другим *индивидуалистическим* путем преодоления экзистенциального напряжения является Вера. В религии верующий человек экзистенциальную боль связывает со своей греховностью перед Богом. В молитве, исповеди он признает свой грех и искренне верит, что Всевышний простит его, не оставит в одиночестве перед испытаниями судьбы, и его жизнь приобретет смысл в Боге [26, с. 12]. Для верующего экзистенциального человека подвиг Сына Божьего ради спасения всего человечества выступает примером преодоления страха перед неминуемой смертью.

Экзистенция индивида как *экзистенция одиночества* является *социально-психологическим* феноменом. Она образуется в душе человека под влиянием господства безразличия во взаимоотношениях индивидов друг с другом в социуме. Коммуникации такого характера создают экзистенциальное напряжение и в самосознании индивида, и в социуме. Следовательно, диалектическое «снятие» экзистенции является проблемой не только индивида, но и коллектива, для которого экзистенциальный индивид выступает центром напряжения, конфликтности. Здесь преодоление экзистенциальной напряженности человека достигается путем *гуманизации* социально-психологических отношений в данном социуме.

Проявление социумом любви, заботы и уважения восстанавливает духовную связь индивида с окружением, порождая в нем осознание востребованности семьей, близкими и коллективом. В пример можно привести Холдена Колфилда, героя повести Дж. Сэлинджера. Неподдельное проявление искренней привязанности и сестринской любви Фиби к Холдену оказывает на него

сильное психологическое воздействие. Он «вдруг стал такой счастливый, оттого что Фиби кружилась на карусели. Чуть не ревел от счастья, если уж говорить всю правду» [24, с. 196]. Благодаря психологическому воздействию поступка сестры у Холдена исчезает сознание своей никчемности, неприязнь к другим, т.е. происходит «снятие» экзистенциальной напряженности. Подобное встречается в рассказе А. Платонова «Еще мама», где из-за ласкового и внимательного отношения учительницы у ученика пропадает страх одиночества, боязнь новой и незнакомой ему среды.

Эти примеры свидетельствуют о том, что *человеколюбие*, проявленное по отношению к индивиду, помогает ему преодолеть одиночество, способствует поиску ответов на вопросы, которые он не смог найти в одиночку.

ВЫВОДЫ

Исследование основ рождения экзистенции и способов «снятия» экзистенциального напря-

жения имеет философское и практическое значение. Оно позволило выявить, что экзистенция, хотя и является фактором внутреннего духовного мира индивида, но в плане формирования носит социальный характер.

В современном обществе индивид имеет свою неповторимую ценность, согласно принципу: «Каждый человек незаменим» [27]. Так как экзистенция является душевной болью, психологическим напряжением индивида, получившими свое отражение в художественной литературе [28], выявление и анализ возможных факторов и способов «снятия», смягчения экзистенции имеет гуманистический характер. Результаты исследования еще раз подчеркивают неоспоримое значение конкретного, «приземленного» человеколюбия. Они могут послужить основанием выработки психологических и педагогических методов формирования позитивной экзистенции и преодоления экзистенциального напряжения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнг К.Г. О конфликтах детской души. Пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»; 2021.
2. DeRobertis E.M. *The Whole Child: Selected Papers on Existential Humanistic Child Psychology*. USA: Create Space Publishing; 2012.
3. Hanscomb S.R. Anxiety's ambiguity: an investigation into the meaning of anxiety in existentialist philosophy and literature. URL: <http://theses.dur.ac.uk/4992/>
4. Ratcliffe M. & Broome. M. Existential phenomenology, psychiatric illness, and the death of possibilities. In: *The Cambridge Companion to Existentialism* (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
5. Варава В.В., Махаматов Т.М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова. *Философия и общество*. 2021;100(3):143–155.
6. Malpas J. Existentialism as literature. In: *The Cambridge Companion to Existentialism* (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
7. Mariani A. New Existentialism: The literary inetto as a Reemerging Prototype in Twenty-First Century Cinema. *Journal of Literature and Art studies*. 2016;6(5):1–12.
8. Бонецкая Н.К. *Русский экзистенциализм*. СПб.: Алтейя; 2021.
9. Варава В.В. *Седьмой день Сизифа: Эссе о смысле человеческого существования*. М.: Родина; 2020.
10. Ziak P., Uzakbayeva S., Meroy Z., Tanzharikova A., Kulgildinova T. The image of the lifeworld in philosophy and fiction narratives. *XLinguae*. 2022;15(1):194–201.
11. Joseph F., Reynolds J. *Existentialism, phenomenology and philosophical method*. London: Continuum International Publishing Group; 2011.
12. Reynolds J., Stokes P. *Existentialist Methodology and Perspective: Writing the First Person*. Cambridge Companion to Philosophical Methodology. Cambridge: Publisher Cambridge University Press; 2017.
13. Manas R. Phenomenological Existentialism. *The Royal Institute of Philosophy. Think*. 2010;9(24):51–63.
14. Ясперс К. *Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции*. Пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»; 2021.
15. Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм — это гуманизм. Сумерки богов*. М.: Политиздат; 1989.
16. Gordon M. *The existentialist's survival guide: how to live truly in an inauthentic age*. New York: Harper Collins Publisher; 2018.

17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр. М.: Республика; 2004.
18. Hanscomb S. R. Contemporary Existentialist Tendencies in Psychology. Phenomenology and Psychological Science. New York: Springer; 2006.
19. Dura I., Ene, I., Hera, A., Pana, I., Stoica, M. Nothingness: A philosophical reconsideration to the meaning of negation and reality. *XLinguae*. 2022;15(1):23–29.
20. Arp K. Simone de Beauvoir's existentialism: freedom and ambiguity in the human world. In: The Cambridge Companion to Existentialism (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
21. Платонов А.П. Еще мама. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. М.: Сов. Россия; 1985.
22. Махаматов Т.М., Пулатова Д.А. Феноменология экзистенции и возможность ее регулирования. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серии «Педагогика. Психология. Философия»*. 2022;25(1):67–78.
23. Камю А. Сочинения. Пер. с франц. М.: Издательство политической литературы; 1990.
24. Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. Пер. с англ. М.: Радуга; 1983.
25. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. Сумерки богов. М.: Политиздат; 1989.
26. Zalec B. Contemporary societal division: resonance, alienation, and (politics of) fear. *XLinguae*. 2022;15(1):106–114.
27. Махаматов Т.М. Диалектика онтологических факторов политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(3):28–35.
28. Махаматов Т.М. Философия человека в поэзии Сеида Имадеддина Насими. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):99–103.

REFERENCES

1. Jung K. G. About the conflicts of the child's soul. Transl. from German. Moscow: "Kanon +" ROOI "Rehabilitation"; 2021. (In Russ.).
2. DeRobertis E.M. The Whole Child: Selected Papers on Existential Humanistic Child Psycholog. USA: Create Space Publishing; 2012.
3. Hanscomb S.R. Anxiety's ambiguity: An investigation into the meaning of anxiety in existentialist philosophy and literature. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/4992/>
4. Ratcliffe M. & Broome. M. Existential phenomenology, psychiatric illness, and the death of possibilities. In: The Cambridge Companion to Existentialism (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
5. Varava V.V., Makhmatov T.M. New forms of existence in the works of Ch. Aitmatov. *Philosophy and Society*. 2021;100(3):143–155. (In Russ.).
6. Malpas J. Existentialism as literature. In: The Cambridge Companion to Existentialism (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
7. Mariani A. New Existentialism: The literary inetto as a Reemerging Prototype in Twenty-First Century Cinema. *Journal of Literature and Art studies*. 2016;6(5):1–12.
8. Bonetskaya N.K. Russian existentialism. St. Petersburg: Alteyya; 2021. (In Russ.).
9. Varava V.V. The Seventh Day of Sisyphus: An Essay on the Meaning of Human Existence. Moscow: Motherland; 2020. (In Russ.).
10. Ziak P., Uzakbayeva S., Merey Z., Tanzharikova A., Kulgildinova T. The image of the lifeworld in philosophy and fiction narratives. The image of the lifeworld in philosophy and fiction narratives. *XLinguae*. 2022;15(1):194–201.
11. Joseph F., Reynolds J. Existentialism, phenomenology and philosophical method. London: Continuum International Publishing Group; 2011.
12. Reynolds J., Stokes P. Existentialist Methodology and Perspective: Writing the First Person. Cambridge Companion to Philosophical Methodology. Cambridge: Publisher Cambridge University Press; 2017.
13. Manas R. Phenomenological Existentialism. *The Royal Institute of Philosophy. Think*. 2010;9(24):51–63.
14. Jaspers K. Philosophy. Book two. Illumination of Existence. Transl. from German. Moscow: "Kanon +" ROOI "Rehabilitation"; 2021. (In Russ.).
15. Sartre J.-P. Existentialism is humanism. Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat; 1989. (In Russ.).

16. Gordon M. The existentialist's survival guide: How to truly live in an inauthentic age. New York: Harper Collins Publisher; 2018.
17. Sartre J.-P. Being and Nothing: An Experience of Phenomenological Ontology. Transl. from Fr. Moscow: Republic; 2004. (In Russ.).
18. Hanscomb S.R. Contemporary Existentialist Tendencies in Psychology. Phenomenology and Psychological Science. New York: Springer; 2006.
19. Dura I., Ene, I., Hera, A., Pana, I., Stoica, M. Nothingness: A philosophical reconsideration to the meaning of negation and reality. *XLinguae*. 2022;15(1):23–29.
20. Arp K. Simone de Beauvoir's existentialism: freedom and ambiguity in the human world. In: The Cambridge Companion to Existentialism (Cambridge Companions to Philosophy) by Steven Crowell (Editor) Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
21. Platonov A.P. Another mom. Collected works in 3 volumes. Vol. 3. Moscow: Sov. Russia; 1985. (In Russ.).
22. Makhamatov T.M., Pulatova D.A. Phenomenology of existence and the possibility of its regulation. *Bulletin of the Ammosov North-Eastern Federal University. Series "Pedagogy. Psychology. Philosophy"*. 2022; 25(1): 67–78. (In Russ.).
23. Camus A. Works. Per. from French. Moscow: Publishing house of political literature; 1990. (In Russ.).
24. Salinger J. Catcher in the Rye. Transl. from Eng. Moscow: Rainbow; 1983. (In Russ.).
25. Camus A. The myth of Sisyphus. Essay on the absurd. Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat; 1989. (In Russ.).
26. Zalec B. Contemporary societal division: Resonance, alienation, and (politics of) fear. *XLinguae*. 2022;15(1):106–114.
27. Makhamatov T.M. The Dialectic of the Ontological Factors of Politics. *Humanitarian and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018;8(3):28–35. (In Russ.).
28. Makhamatov T.M. The Philosophy of Man in the Poetry of Seid Nasimi Imadeddin. *Humanitarian and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):99–103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия

Tair M. Makhamatov — Dr. Sci. (Phil.), Professor of the Department of Humanities, Financial University; Professor, Department of Oriental Languages, Moscow, Russia; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Дилдор Акмаловна Пулатова — кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой восточной философии и культуры, Ташкентский государственный университет Востоковедения, Ташкент, Республика Узбекистан

Dildor A. Pulatova — Cand. Sci. (Phil.), Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Culture, Tashkent State University of Oriental Studies, Tashkent, Republic of Uzbekistan

<https://orcid.org/0000-0002-6551-1982>

falsafa2009@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2022; принята к публикации 25.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2022; accepted for publication on 25.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-53-62
УДК 378.14.015.62+159.9.072(045)

Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях

А.Г. Комиссаров^а, Е.А. Степашкина^б, О.Б. Соболева^с, Д.Ю. Гужеля^д, П.С. Селезнев^е
^аРАНХиГС, Москва, Россия;
^{а, б, с, д}АНО «Россия – страна возможностей», Москва, Россия;
^еФинансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Выпускникам часто сложно включиться в решение актуальных задач бизнеса. При этом их знания (hard skills) могут находиться на хорошем уровне, но часто не хватает развитых универсальных компетенций (soft skills). В статье рассмотрены методология оценки надпрофессиональных компетенций студентов вузов по итогам пилотного года проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях». В качестве инструментов оценивания были разработаны и применены психометрические методики: универсальный личностный опросник, опросник жизнестойкости, тесты на анализ числовой и вербальной информации. В работе приведены описания и обоснования валидности и надежности тестов, используемых для диагностики универсальных компетенций, а также процедуры создания композитного конструкта. Авторами предложена методология создания композитного балла для объединения результатов оценивания с помощью батареи тестов и опросников. Полученный композитный балл позволяет учесть связи между оцениваемыми конструктами и упростить интерпретацию результатов оценивания. **Ключевые слова:** надпрофессиональные компетенции; универсальные компетенции; мягкие навыки; студенты; психометрика; тестирование

Для цитирования: Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С. Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):53-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-53-62

ORIGINAL PAPER

Assessing Method for Meta-Professional Competencies in Russian Educational Institutions

A. G. Komissarov^a, E. A. Stepashkina^b, O. B. Soboleva^c, D. Yu. Guzhelya^d, P. S. Seleznev^e
^aRANEPa, Moscow, Russia;
^{a, b, c, d}ANO "Russia – Land of Opportunities", Moscow, Russia;
^eFinancial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

University graduates may face challenges when solving actual business problems because of their lack of soft skills, which are often inferior to their hard skills. Their knowledge (hard skills) may be at a good level, but they often lack developed universal competencies (soft skills). The paper discusses the methodology for assessing the meta-professional competencies of university students based on the results of the pilot year of the project "Assessment and development of managerial competencies in Russian educational institutions". The research developed psychometric methods and applied as assessment tools: a universal personality questionnaire, a vitality questionnaire, tests for the analysis of numerical and verbal information. The paper provides descriptions and justifications for the validity and tests reliability used to diagnose universal competencies, as well as the procedure for creating a composite construct. The authors propose a method for creating a composite score to combine the results of assessment using a battery of tests and questionnaires. The resulting composite score makes it possible to consider the links between the evaluated constructs and simplify the interpretation of the evaluation results.

Keywords: meta-professional competencies; universal competencies; soft skills; students; psychometrics; testing

For citation: Komissarov A.G., Stepashkina E.A., Soboleva O.B., Guzhelya D. Yu., Seleznev P.S. Assessing method for meta-professional competencies in Russian educational institutions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):53-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-53-62

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время работодатели все чаще заявляют о несоответствии запросов современного рынка труда тому, насколько выпускники учреждений высшего образования готовы встраиваться в его работу, например включаться в реализацию современных задач развития и работать в рамках существующих механизмов карьерного роста (особенно в компаниях крупного и среднего бизнеса). При этом профессиональные компетенции и знания выпускников находятся на высоком уровне, а проблема связана в первую очередь с невысоким развитием потенциала в сфере надпрофессиональных компетенций (soft skills), отвечающих за целеполагание, планирование, ориентацию на результат, партнерство и сотрудничество, возможности эффективных коммуникаций, что является важным для дальнейшего роста.

Президентская платформа АНО «Россия — страна возможностей» во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 30.04.2021 № Пр-716 «Перечень поручений по итогам заседания Наблюдательного совета АНО «Россия — страна возможностей» запустила реализацию проекта по оценке и развитию надпрофессиональных компетенций у студентов учебных заведений высшего образования¹, в рамках которого последовательно решалось несколько задач:

1. Анализ профиля надпрофессиональных компетенций выпускника вуза, максимально адаптированного к потребностям современного рынка труда. Для этого было проведено исследование, по результатам которого были отобраны базовые компетенции для первичной оценки и развития на базе высших образовательных учреждений [1].

2. Разработка и внедрение методик по оценке базовых компетенций студентов на базе образовательных учреждений высшего образования.

3. Проведение оценки уровня надпрофессиональных компетенций студентов образовательных учреждений для следующих целей:

- предоставления индивидуальных отчетов и формирования траекторий развития надпрофессиональных компетенций;

- формирование массива данных для исследования состояния системы высшего образования Российской Федерации в части развития надпрофессиональных компетенций в процессе подготовки студентов.

Актуальность проекта продиктована необходимостью сформировать у студентов, выпускников и молодых специалистов представление об уровне их универсальных надпрофессиональных компетенций, которые наиболее востребованы при приеме на работу и в дальнейшем карьерном развитии.

В статье описана методология оценки надпрофессиональных компетенций участников проекта в пилотном году. Прежде чем рассматривать методические аспекты и подходы к оценке, применяемые в проекте, следует отметить, что под определением «компетенция» авторы понимают «базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнению в работе или в других ситуациях» [2]. Иными словами, надпрофессиональные компетенции — это универсальные деловые и управленческие качества индивидуума, позволяющие эффективно и/или наилучшим образом выполнять поставленные задачи. Именно универсальные для всех студентов и молодых специалистов качества, имеющие широкую сферу применения без привязки к определенной профессиональной области, профессии или специальности стали объектом изучения и оценки в рамках проекта.

Реализация проекта потребовала разработки и внедрения современной методологии оценки по выявлению уровня проявленности у участников надпрофессиональных компетенций согласно базовому профилю молодого специалиста, максимально адаптированного к потребностям современного рынка труда.

ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ

Оценку надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях начали проводить осенью 2021 г. в пилотном режиме. Студенты российских образовательных организаций получили доступ к дистанционному тестированию через ссылки на диагностические инструменты, размещенные на платформе АНО «Россия — страна возможностей». По результатам прохождения тестов каждому участнику в личный кабинет на платфор-

¹ Перечень поручений по итогам заседания наблюдательного совета АНО «Россия — страна возможностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65481> (дата обращения: 09.09.2022).

ме присылались отчеты с описанием уровня проявленности компетенций, возможными рекомендациями по развитию и списком литературы по соответствующей тематике. На пилотном этапе студентам было предложено четыре психометрические методики:

1. **Тест на анализ числовой информации**, который измеряет умение работать с количественной информацией, представленной в текстовой, графической и табличной формах. Формат заданий — множественный выбор с одним верным ответом. Психометрические свойства проанализированы в двухпараметрической модели современной теории тестирования (2PL-IRT): задания согласуются с моделью, обладают достаточно высокой дискриминативностью, широким диапазоном трудности. Среди других свидетельств валидности можно выделить положительную связь с вербальной способностью, успеваемостью по математике, уровнем образования, а также отрицательную связь с трудностями при анализе количественной информации. Надежность (Expected-A-Posteriori) = 0,72.

2. **Тест на анализ вербальной информации**, который измеряет умение работать с текстовой информацией. Формат заданий — множественный выбор с одним верным ответом. Задания также проанализированы в 2PL-IRT: они согласуются с моделью, обладают достаточно высокой дискриминативностью, широким диапазоном трудности. В качестве других свидетельств валидности можно выделить положительную связь с числовым интеллектом, частотой чтения художественной литературы. Надежность (Expected-A-Posteriori) = 0,77.

3. **Опросник жизнестойкости**, в основу которого положена модель, предложенная в исследовании Stack-Cutler, Parrila, & Torppa и обладающая наиболее релевантными для организационной среды характеристиками [3]. В рамках модели выделяются четыре субкомпонента жизнестойкости, связанные с резильентным поведением человека, формирующие наиболее устойчивую и надежную рамку измерения резильентности:

1. Восприятие себя (perception of self).
2. Восприятие своего будущего (perception of future).
3. Структурированность (structured style).
4. Настойчивость (persistence).

Формат заданий — шкала Ликерта. Тест был проанализирован в RSM-IRT: задания согласуются с моделью, ответные категории функционируют корректно. Конфирматорный факторный анализ показал, что четыре заложенные размерности выделяются эмпирически. Также из свидетельств валидности можно назвать позитивную связь с краткой шкалой жизнестойкости, амбициозностью, коммуникацией, а также отрицательную связь с тревожностью [4, 5]. Надежность (альфа Кронбаха) = 0,86–0,91.

4. **Универсальный личностный опросник**, в основе которого лежит модель «Большой пятерки» («Big Five»), включающая пять универсальных факторов, полученных независимыми исследователями путем применения различных средств и методов анализа (включая факторный анализ) к разным наборам черт, описывающих индивидуальность. В ранних публикациях, основанных на данных анализа каталогов слов, обозначающих личностные черты, проведенного Р. Кеттеллом, устойчиво выделялись пять факторов: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и культура [6, 7]. Позже Голдберг в своей модели выделил фактор интеллекта вместо фактора культуры [8]. В наиболее законченном виде пятифакторная модель личности представлена в работах Коста и МакКрэй, проанализировавших труды Р. Кеттелла и выделивших факторы, на основе которых они разработали опросник NEO PI-R: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и сознательность. Коста и МакКрэй скоррелировали факторы своей модели с другими известными личностными опросниками и продемонстрировали, что по существу все шкалы в них связаны с пятью факторами в NEO PI-R [9].

Универсальный личностный опросник измеряет проявление семи личностных качеств:

1. Коммуникация (стремление к общению и возможность вступать в контакт с разными людьми).
2. Комплексное мышление (склонность к генерации новых идей и обсуждению концептуальных вопросов).
3. Работа в команде (склонность помогать другим людям в решении их проблем).
4. Организованность (склонность погружаться в детали работы и следовать заданным срокам).

Основные параметры инструментов оценки проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях» / Key parameters of the evaluation instruments of the project “Assessment and development of managerial competencies in Russian educational institutions”

Инструмент оценки / Assessment	Тип теста / Test type	Количество шкал / Scale number	Формат заданий / Test format	Надежность / Stability	Скоринг / Scoring
Анализ числовой информации	Тест способностей	1	1 верный ответ	0,72 Item Response Theory (IRT)	IRT
Анализ вербальной информации	Тест способностей	1	1 верный ответ	0,77 (IRT)	IRT
Опросник жизнестойкости	Опросник	4	Шкала Ликерта	0,86–0,91 (Альфа)	КТТ
Универсальный личностный опросник	Опросник	7	Ипсативная шкала	0,61–0,73 (Альфа)	КТТ

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

5. Тревожность (склонность к тревожным переживаниям и способность отключаться от имеющихся трудностей в работе).

6. Ориентация на достижения (стремление к амбициозным целям и достижению превосходства и первых позиций).

7. Следование правилам (склонность соблюдать правила, следовать инструкциям и процедурам).

8. Формат заданий — ипсативная шкала. Трудность и дискриминативность, проверенные в рамках классической теории тестирования, находятся в пределах конвенциональных значений. Также среди свидетельств валидности можно назвать обоснованные связи с ОРQ-32² (например, работа в команде связана с заботой, комплексное мышле-

ние — с концептуализмом и инновативностью и пр.). Надежность (альфа Кронбаха) от 0,61 до 0,73.

Основные параметры и характеристики используемых тестовых методик приведены в табл. 1.

При разработке методик эксперты департамента оценки и методологии ориентировались на российский стандарт тестирования персонала и на объединенные стандарты образовательного и психологического тестирования³ [10]. Методики были специально разработаны и адаптированы под потребности и задачи проекта и направлены на оценку следующих надпрофессиональных компетенций универсального конструктора компетенций АНО «Россия — страна возможностей»⁴:

² Профессиональный личностный опросник ОРQ32 (Occupational Personality Questionnaire) разработан для оценки типичного или предпочитаемого поведения личности в мире профессиональной деятельности. При заполнении опросника задача участника состоит в выборе из четырех утверждений двух, одно из которых характеризует поведение участника в наибольшей, а второе — в наименьшей степени. Профиль описывает 32 шкалы, группирующиеся в такие области, как «управление людьми», «управление задачами», «управление собственным поведением».

³ American Educational Research Association, American Psychological Association & National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing. Washington, D.C: American Educational Research Association; 2014. 230 p.

⁴ Универсальный конструктор компетенций АНО «Россия — страна возможностей» был сформирован в 2020 г. в результате обзора исследований моделей компетенций таких компаний, как Deloitte, McKinsey, The Clemmer Group, Project Management Institute. Также были использованы работы английских исследователей Курца и Бэртрама (SHL UK) и корпоративные модели компетенций работодателей.

1. Лидерство 2. Эмоциональный интеллект 3. Оказание влияния 4. Партнерство/Сотрудничество 5. Клиентоориентированность 6. Наставничество	УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ	ЭНЕРГИЯ	11. Ориентация на результат 12. Стрессоустойчивость 13. Инновационность 14. Адаптивность/гибкость 15. Саморазвитие
7. Анализ информации и выработка решений 8. Планирование и организация 9. Стратегическое мышление 10. Следование правилам и процедурам	УПРАВЛЕНИЕ ЗАДАЧАМИ	ОБЩИЕ ЗНАНИЯ	16. Цифровая грамотность 17. Финансовая грамотность 18. Правовая грамотность 19. Коммуникативная грамотность
ЦЕННОСТИ			
20. Честность и этичность	21. Служение Родине	22. Семейные ценности	

Рис. 1 / Fig 1. Универсальный конструктор компетенций / Universal competencies framework

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Анализ информации. Индикаторы: анализирует и корректно работает с различного рода информацией, устанавливает взаимосвязи между разрозненными данными.

Ориентация на результат. Индикаторы: ясно представляет необходимый результат, берет на себя ответственность за достижение поставленной цели. Ставит перед собой амбициозные задачи.

Партнерство. Индикаторы: корректен во взаимодействии с другими, выстраивает отношения сотрудничества, учитывает потребности и интересы других.

Планирование и организация. Индикаторы: составляет комплексный план действий для реализации задач. Расставляет приоритеты, оценивает ресурсы, определяет сроки и меры контроля.

Стрессоустойчивость. Индикаторы: сохраняет продуктивность в сложных ситуациях.

Следование правилам. Индикаторы: действует в соответствии с существующими нормами, регламентами, процедурами и политиками.

Универсальный конструктор компетенций АНО «Россия — страна возможностей» представлен на рис. 1.

Согласно упомянутому выше исследованию перечисленные надпрофессиональные компетенции входят в перечень наиболее востребованных ведущими работодателями при приеме

на работу. Схема соответствия инструментов диагностики и оцениваемых компетенций приведена в табл. 2.

Индивидуальные результаты респондентов по каждому инструменту рассчитываются по итогам сопоставления их с нормами выполнения тестов в соответствующей социально-демографической группе. Для каждой тестовой методики специально для проекта были сформированы релевантные студенческой аудитории нормативные группы. Для представления результатов используется стандартизованная шкала т-баллов, где минимальное значение — 200, а максимальное — 800. Т-балл показывает положение респондента относительно нормативной выборки и позволяет оценить его индивидуальный результат на фоне других. Для описания уровня проявленности компетенций и анализа результатов используются следующие диапазоны:

- 200–399 т-баллов: компетенция проявлена на начальном уровне;
- 400–599 т-баллов: компетенция проявлена на среднем уровне;
- 600–800 т-баллов: компетенция проявлена на высоком уровне.

Следует отметить, что оценка по части компетенций является композитной, т.е. формируется из результатов нескольких инструментов или содержащихся в них шкалах. Для более

Схема соответствия инструментов диагностики и оцениваемых надпрофессиональных компетенций / Correspondence of diagnostic instruments and meta-professional competencies

	Анализ числовой информации / Analysis of numerical information	Анализ вербальной информации / Analysis of verbal information	Опросник жизнестойкости / Resilience Questionnaire	Универсальный личностный опросник / Universal personality questionnaire
1. Анализ информации	X	X	-	-
2. Ориентация на результат	-	-	X	X
3. Партнерство	-	-	-	X
4. Планирование и организация	-	-	X	-
5. Следование правилам	-	-	-	X
6. Стрессоустойчивость	-	-	X	X

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

полного и точного определения положения конструкта компетенции в номологической сети шкалы нескольких инструментов комбинируются в композитный балл [11], создание которого происходит по схеме:

1. Путем содержательного и теоретического анализа имеющихся инструментов отбираются близкие к компетенции шкалы как потенциальные составляющие модели. Для них формируются гипотезы о направлении и силе связи.

2. Модель оценивается эмпирически. Метод оценки зависит от количества элементов (шкал). При любом количестве элементов оценивается наличие связи методом корреляционного анализа. Если гипотезы о связи подтверждаются (т.е. сила связи в теоретически ожидаемом направлении $> 0,3$ по модулю), то, в случае наличия двух шкал, их баллы суммируются или вычитаются (в зависимости от направления связи и содержательной интерпретации).

3. Если имеются три и более шкал, можно провести более глубокую оценку связи при помощи метода конфирматорного факторного анализа (КФА) [12]. Для этого строится однофакторная модель, где в роли индикаторов используются шкалы инструментов измерения. В первую очередь подбирается модель, показывающая удовлетворительные статистики согласия с данными (например,

CFI, RMSEA), что может потребовать исключения слабосвязанных шкал.

4. После получения модели, наилучшим образом согласующейся с данными, коэффициенты нагрузок шкал на латентный конструкт принимаются в качестве коэффициентов для суммирования баллов по шкалам в итоговый балл по компетенции.

5. Так как шкалы могут иметь различный разброс баллов, для оценки моделей и итоговых сумм по компетенциям применяются стандартизированные версии баллов (z-баллы). После получения взвешенной суммы баллы стандартизируются по новой выборке и переводятся в шкалу т-баллов.

Ограничением для такой процедуры является использование более одной шкалы из одного инструмента ипсативного типа при подсчете баллов простой суммой по шкале. Причиной этого являются искусственные связи шкал в такого рода инструментах, что не позволит достоверно проверить модель.

Композитный подход к формированию итогового балла также применяется для таких компетенций, как «анализ информации», «ориентация на результат» и «стрессоустойчивость», формирование итогового балла по которой рассмотрим в качестве примера.

Для оценки компетенции были отобраны две шкалы опросника жизнестойкости (Ликерт)

Таблица 3 / Table 3

Оценка связей компонентов композитного конструкта / Correlations assessment of the composite construct components

	Позитивное отношение к будущему / Positive attitude towards the future	Позитивное отношение к себе / Positive attitude towards oneself	Тревожность / Anxiety
Позитивное отношение к будущему	1,00	0,74	-0,37
Позитивное отношение к себе	0,74	1,00	-0,49
Тревожность	-0,37	-0,49	1,00

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

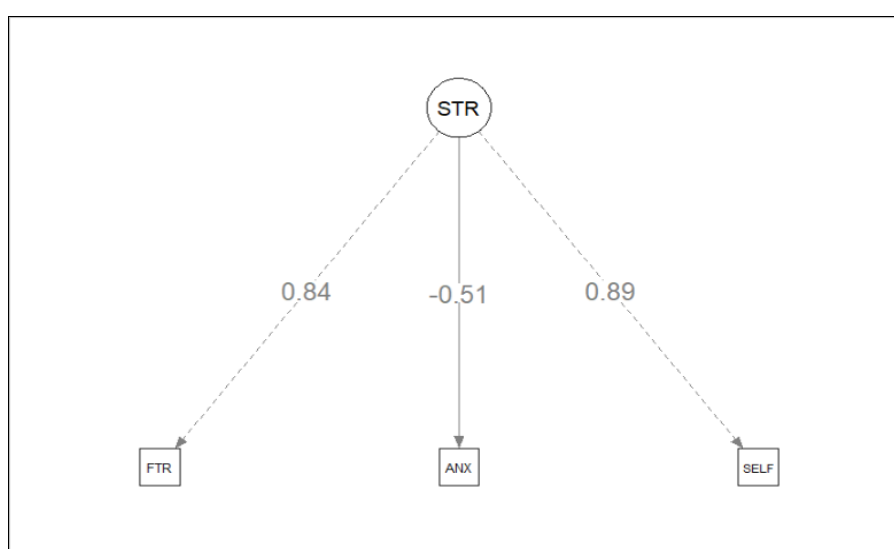

Рис. 2 / Fig. 2. Структурная модель композитного конструкта для оценки компетенции «Стрессоустойчивость» / The structural model of the composite construct for “Stress Resistance” competence assessment

Примечание / Note: FTR – Позитивное отношение к будущему; ANX – Тревожность; SELF – Позитивное отношение к себе / FTR – Positive attitude towards the future; ANX – Anxiety; SELF – Positive attitude towards oneself.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и одна шкала универсального личностного опросника (ипсативный формат): позитивное отношение к себе, позитивное отношение к будущему, тревожность. Содержательно шкалы опросника жизнестойкости и универсального личностного опросника описывают противоположные проявления конструкта компетенции «стрессоустойчивость». В табл. 3 представлена корреляционная матрица, подтверждающая гипотезу.

Так как гипотеза о связи подтвердилась, а элементов в модели более двух, переходим к оценке структуры методом КФА. Проведя несколько итераций, получаем удовлетворитель-

ную модель, структура которой представлена на рис. 2.

Полученные коэффициенты используем для формулы итогового балла по компетенции. Итоговую сумму стандартизируем по текущей выборке, которая в некоторых случаях применяется как нормативная группа.

Стрессоустойчивость = 0,84 * Позитивное восприятие будущего – 0,51 * Тревожность + 0,89 * Позитивное восприятие себя.

ВЫВОДЫ

Тестовые методики, применяемые АНО «Россия — страна возможностей», позволяют диаг-

ностировать шесть надпрофессиональных компетенций: анализ информации; партнерство; ориентация на результат; следование правилам; стрессоустойчивость; планирование. Для тестов способностей используются вопросы типа multiple choice с одним верным ответом; для психологических методик — либо шкала Ликерта, либо ипсативный формат, предполагающий ранжирование утверждений. Результаты респондентам выдаются на шкале Т-баллов. Минимальное значение на этой шкале — 200, максимальное — 800, среднее — 500 баллов.

Надежность и валидность применяемых тестовых методик подтверждены психометрическим анализом, который проводился в рамках современной (IRT) и классической (КТТ) теории тестирования. Также для уточнения размерно-

сти методик использовался подтверждающий факторный анализ. Кроме того, проводились анализ номологической сети и анализ взаимосвязи с внешними критериями.

Для создания балла по компетенции используется композитный балл, который получается при объединении результатов нескольких шкал. Процедура создания композитного балла из шкал отдельных методик является методологически обоснованной: учитываются как теоретические основания методик, лежащие в основе близости конструкторов, так и эмпирические показатели их сходства (корреляция, подтверждающий факторный анализ). Создание композитного балла позволяет упростить интерпретацию результатов и учесть взаимосвязи между шкалами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степашкина Е. А., Суходоев А. К., Гужеля Д. Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями, при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. *Современная аналитика образования*. 2022;2(62):1–32.
2. Спенсер-мл. Л. М., Спенсер, С. М. Компетенции на работе. Пер. с англ. М.: НИРО; 2005. 384 с.
3. Stack-Cutler H. L., Parrila R. K., Torppa M. Using a multidimensional measure of resilience to explain life satisfaction and academic achievement of adults with reading difficulties. *Journal of Learning Disabilities*. 2015;48(6):646–657. <https://doi.org/10.1177/0022219414522705>
4. Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2013;(2):147–165.
5. Осин Е. Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология*. 2013;3(3):42–60.
6. Tupes E. C., Christal R. E. Recurrent personality factors based on trait ratings. *Journal of personality*. 1992;60(2):225–251. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00973.x>
7. Norman W. T. Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963;(66):574–583. <https://doi.org/10.1037/h0040291>
8. Goldberg L. R. The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological Assessment*. 1992;(4):26–42. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.4.1.26>
9. Costa P. T., McCrae R. R. Revised NEO Personality Inventory (Neo-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual. Odessa: FL: Psychological Assessment Resources; 1992. 101 p.
10. Батулин Н. А., Вучетич Е. В., Костромина С. Н., Кукаркин Б. А., Куприянов Е. А., Лурье Е. В., Митина О. В., Науменко А. С., Орел Е. А., Полетаева Ю. С., Попов А. Ю., Потапкин А. А., Симоненко С. И., Сеницына Ю. Д., Шмелев А. Г. Российский стандарт тестирования персонала. *Организационная психология*. 2015;5(2):67–138.
11. Cronbach L. J., Meehl P. E. Construct validity in psychological tests. *Psychological Bulletin*. 1955;52(4):281–302. <https://doi.org/10.1037/h0040957>
12. Brown T. A. Confirmatory factor analysis for applied research. New York: Guilford; 2006. 475 p.

REFERENCES

1. Stepashkina E. A., Sukhodoev A. K., Guzhelya D. Yu. Study of the profile of cross-professional competencies demanded by leading employers when hiring students and university graduates and young professionals. *Modern analytics of education*. 2022;2(62):1–32. (In Russ.).

2. Spencer L. M. Jr., Spencer, S. M. Competencies at work. Transl. from Eng. Moscow: HIPPO; 2005. 384 p. (In Russ.).
3. Stack-Cutler H.L., Parrila R.K., Torppa M. Using a multidimensional measure of resilience to explain life satisfaction and academic achievement of adults with reading difficulties. *Journal of Learning Disabilities*. 2015;48(6):646–657. <https://doi.org/10.1177/0022219414522705>
4. Osin E. N., Rasskazova E. I. A short version of the hardiness test: Psychometric characteristics and application in an organizational context. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*. 2013;(2):147–165. (In Russ.).
5. Osin E. Factor structure of the short version of the Viability Test. *Organizational psychology*. 2013;3(3):42–60. (In Russ.).
6. Tupes E. C., Christal R. E. Recurrent personality factors based on trait ratings. *Journal of personality*. 1992;60(2):225–251. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00973.x>
7. Norman W. T. Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963;(66):574–583. <https://doi.org/10.1037/h0040291>
8. Goldberg L. R. The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological assessment*. 1992;(4):26–42. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.4.1.26>
9. Costa P. T., McCrae R. R. Revised NEO Personality Inventory (Neo-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual. Odessa: FL: Psychological Assessment Resources; 1992. 101 p.
10. Baturin N.A., Vuchetich E. V., Kostromina S. N., Kukarkin B. A., Kupriyanov E. A., Lurie E. V., Mitina O. V., Naumenko A. S., Orel E. A., Poletaeva Yu. S., Popov A. Yu., Potapkin A. A., Simonenko S. I., Sinitsyna Yu. D., Shmelev A. G. Russian standard for personnel testing. *Organizational psychology*. 2015;5(2):67–138. (In Russ.).
11. Cronbach L. J., Meehl P. E. Construct validity in psychological tests. *Psychological bulletin*. 1955;52(4):281–302. <https://doi.org/10.1037/h0040957>
12. Brown T. A. Confirmatory factor analysis for applied research. New York: Guilford; 2006. 475 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Геннадьевич Комиссаров — проректор Президентской академии РАНХиГС; директор Высшей школы государственного управления при РАНХиГС, генеральный директор АНО «Россия — страна возможностей», Москва, Россия

Alexey G. Komissarov — Vice-Rector of the Presidential Academy of the RANEPА; Director of the Higher School of Public Administration at the RANEPА, General Director of the ANO “Russia — Land of Opportunities”, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-1816-5949>

alexey.komissarov@rsv.ru

Екатерина Алексеевна Степашина — руководитель отдела аналитики и разработки диагностических инструментов департамента оценки и методологии АНО «Россия — страна возможностей», Санкт-Петербург, Россия

Ekaterina A. Stepashkina — Head of the Department of Analytics and Development of Diagnostic Instruments, Department of Assessment and Methodology, ANO “Russia — Land of Opportunities”, St. Petersburg, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-4340-3753>

e.stepashkina@rsv.ru

Ольга Борисовна Соболева — ведущий специалист направления методологии отдела аналитики и разработки диагностических инструментов АНО «Россия — страна возможностей», Новосибирск, Россия

Olga B. Soboleva — Leading Specialist in Methodology, Department of Analytics and Development of Diagnostic Instruments, ANO “Russia — Land of Opportunities”, Novosibirsk, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-2348-2925>

olga.soboleva@rsv.ru

Дмитрий Юрьевич Гужеля — кандидат педагогических наук, директор департамента оценки и методологии АНО «Россия — страна возможностей», Москва, Россия

Dmitry Yu. Guzhelya — Cand. Sci. (Ped.), Director of the Department of Evaluation and Methodology, ANO “Russia — Land of Opportunities”, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-7167-3972>

dmitriy.guzhelya@rsv.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Pol.), Associate Professor, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

pseleznev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Г. Комиссаров — формулировка и развитие ключевых целей и задач.

Е.А. Степашкина — проведение исследования по надпрофессиональному компетентностному профилю студентов, разработка и дизайн методологии оценки.

О.Б. Соболева — применение статистических и психометрических методов для анализа и синтеза данных, собранных в результате оценки компетенций.

Д.Ю. Гужеля — обеспечение целостности всех частей статьи и утверждение ее окончательного варианта.

П.С. Селезнев — разработка общей концепции статьи.

The declared contribution of the authors:

A. G. Komissarov — formulation and development of key goals and objectives.

E. A. Stepashkina — conducting a study on the meta-professional competence profile of students, developing and designing an assessment methodology.

O. B. Soboleva — applying statistical and psychometric methods for the analysis and synthesis of data collected as a result of competency assessment.

D. Yu. Guzhelya — ensuring the integrity of all parts of the paper and approval of its final version.

P. S. Seleznev — development of the general concept.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2022; accepted for publication on 10.10.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71
УДК 81-139(045)

Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран)

М.В. Мельничук, Е.А. Стародубцева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье затрагивается актуальный и не до конца изученный вопрос взаимовлияния дискурса и властных полномочий. Цель исследования – изучение дискурса и текста, которые рассматриваются как социальная практика, в процессе чего язык используется для создания и поддержания властных отношений и, как следствие, является средством контроля и управления обществом. Отдельным вопросом при определении теоретико-методологических вариантов изучения языка в процессе управления является выяснение изначальных свойств, природы его генезиса, особенностей функционирования, т.е. все, что и позволяет языку быть инструментом властных отношений. Процесс контроля и управления обществом и осуществление при этом обратной связи как важнейшая функция языка рассматривается с теоретико-методологических позиций и в приложении к законодательству ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: дискурс; критический анализ дискурса; социальный конструктивизм; языковая политика

Для цитирования: Мельничук М.В., Стародубцева Е.А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71

ORIGINAL PAPER

Language as a Tool for Society Manipulating (the Experience of Foreign Countries)

M.V. Melnichuk, E.A. Starodubtseva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper shows that the discourse is inherent, performing several related functions that are subject to discrimination and study. The research's aim is to study discourse and text, which are social practices, when language is used to create and maintain power relations and, as a result, is a means of controlling and handling society. A matter of determine the theoretical and methodological options for studying a language in the controlling process is to clarify the initial properties of its genesis, features of functioning, everything that makes the language as a tool of power relations. The authors consider the process of control and society manipulating and implementing feedback as the most important function of the language, from theoretical and methodological positions and the addendum to the legislation of several foreign countries.

Keywords: discourse; critical discourse analysis; social constructivism; language policy

For citation: Melnichuk M.V., Starodubtseva E.A. Language as a tool for society manipulating (the experience of foreign countries). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71

Определяющая роль языковых средств в осуществлении обществом социальных функций известна на протяжении всей истории существования социума с момента его возникновения, а степень их важности и аспекты функционирования издавна представляют интерес для ученых, работающих в различных областях знания. Выступая основным, центральным методом общест-

венного воздействия, язык всегда находился под пристальным общественным вниманием. Очевидно, что реализация этого интереса соответствовала конкретному состоянию общественного развития — существовали мистические и религиозные подходы, приведшие потом к научному, междисциплинарному изучению этого вопроса. И если первоначально научным исследованием языка как

инструмента социальной власти занимались философы и лингвисты, то в настоящее время данной темой заинтересовались социологи, политологи, психологи, биологи и даже специалисты в некоторых областях математического моделирования. Таким образом, язык больше не рассматривается как изолированный от общества феномен, — теперь учитывается контекст его функционирования, релевантные общественные отношения, для реализации которых он и предназначен.

Научные исследования показывают, что естественный отбор, помимо воздействия на биологические предпосылки возникновения речевого аппарата, способствовал развитию коры головного мозга человека и зарождению языка, прежде всего, для максимального усиления социального взаимодействия гоминид. Именно необходимость в способности определения ментального состояния другой особи явилась первоосновой и первопричиной перерождения первобытной коммуникативной системы в настоящий человеческий язык. При многостороннем анализе языкового взаимодействия становится очевидным, что само предназначение языка — это развитая коммуникативная составляющая, в которой, в свою очередь, центральное звено — возможность осуществления коммуникативной обратной связи. Несмотря на то что возникновение данного понятия связывают с именем Н. Винера и разработкой им основ кибернетики (в которой понятие «обратная связь» является краеугольным камнем построения теории управления системой), само явление контроля управляющего воздействия на результат при-суще основам мироздания, и им пронизаны практически все процессы, происходящие во вселенной. Соответственно, в ходе развития социума и усложнения видов и способов коммуникативных взаимодействий для индивида было принципиально важно оценить ментальное состояние другого индивида, предпринять меры для возможного изменения этого состояния в желательном направлении, а затем определить, произошло ли оно. С другой стороны, этот процесс формирования способности языка к контролю и управлению создает возможность для человека и человеческих сообществ управляться и контролироваться, т.е. подвергаться манипулированию. Система коммуникации, таким образом, представляет собой «специа-

лизированный механизм управления в системе популяции в целом» [1, с. 127].

Потенциал языковых средств для управления социальными группами многократно усилен и приобрел свойства тотального информационного воздействия, что особенно очевидно при рассмотрении в синхронном аспекте. Возникновение постиндустриального общества, характеризующегося, прежде всего, так называемым «информационным взрывом» — с одной стороны, и гипертрофированное развитие средств массовой информации — с другой стороны, привело к перманентному языковому принуждению к формированию в сознании людей определенной картины окружающего мира. Происходящая при этом блокировка нежелательного понимания поступающей информации позволяет контролировать ее поток языковыми инструментами. Такой подход гораздо ресурсо- и энергоэкономичнее информационной блокады, применяемой в тоталитарных обществах, и позволяет, кроме этого, менее жестко контролировать информационные потоки, что, в частности, используется многими странами в осуществлении государственной политики в области применения и функционирования государственного языка. Прежде чем провести обзор такого регулирования в ряде зарубежных стран, необходимо отметить, что существует ряд научных исследований, посвященных качественно новому влиянию языковых процессов на общественный менталитет. В частности, в процессе разностороннего изучения использования языка в целях общественного управления появилось новое научное направление — анализ политической коммуникации. Эта дисциплина, возникнув на базе слияния многочисленных разнородных исследований взаимодействия языка и социума, в свою очередь, разделилась на два основных направления, зависящих от масштаба рассматриваемых политико-коммуникационными исследованиями воздействий. Первое из них, условно называемое микроуровневым, используя многочисленные статистические данные и отчетность эмпирических исследований, направляет фокус своего внимания на изменение политических предпочтений, поведенческих установок, мнений и поведения на уровне отдельного индивида. Обобщая и упорядочивая эти данные в процессе научной обработки, ученые создают когнитивные конструкции, выступающие затем в качестве основы для изучения

побудительной коммуникации для повышения эффективности проведения избирательных кампаний. Эти работы были начаты в 40-е гг. XX в. П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Х. Годэ [2] и продолжают непрерывно по настоящее время. Параллельно этому анализу на микроуровне проводятся сопряженные с выборной проблематикой исследования феномена массовой пропаганды и его влияния на социализацию индивида и ее проявление в политическом аспекте.

Другое направление изучения влияния языка на процесс политической коммуникации предполагает создание моделей, отображающих тенденции и сущностное наполнение информационного воздействия на политических субъектов и отдельные социальные группы в совокупности, в общественном пространстве всей страны или даже государственные объединения. Этот макроуровень политико-информационных исследований отличается гораздо большим масштабом создания парадигм, концептуально отражающих глобальные направления и степень реального воздействия информационных потоков. Изыскания в этом направлении проводили, в частности, Э. Тоффлер [3] и Ф. Уэбстер [4].

С понятием политического дискурса современная наука тесно связывает проведение политической коммуникации и использование языка в качестве инструмента контроля и власти и в процессе управления обществом. Данное понятие обобщает основные теоретические концепции функционирования языка в социуме и в то же время задает методологические установки для синхронного анализа языкового влияния на общество. В зависимости от фокуса, на который приходится основное внимание ученого, появляются различные направления изучения: социальная семиотика, критическая лингвистика, социокогнитивный и социокультурный дискурс-анализ.

Определяя дискурс как проявление в языке определенной идеологической позиции, французский исследователь М. Пешо применяет методику дискурс-анализа для исследования языковых средств при реализации определенной политики или идеологии [5]. Контекст идеологических воззрений заложен при этом в самом языке, а процессы формирования и источники дискурса неочевидны и недоступны для прямого наблюдения общественности.

Представители направления критической лингвистики считают, что даже грамматический

строй текста может отражать идеологическую направленность и формирует восприятие речи как предзаданную подчиненность или, наоборот, доминирование, что позволяет неявным образом осуществлять управление обществом.

Тотальное распространение персональных устройств доступа к информации (причем в широчайшем спектре форматов мультимедиа) позволяет социальным семиотикам рассматривать визуальные образы наряду с традиционными текстами. Фотографии и видеоклипы, репродукции картин и цифровые изображения произведений скульптуры и архитектуры, фильмы и проекты виртуальной реальности — все это создает новые пространства смыслов и, наряду с текстом в традиционном понимании, определяет дискурсы доминирования той или иной точки зрения. При этом формы подачи материала претендуют на занятие позиций в идеологической борьбе.

Выиграть борьбу за власть в новом обществе, управлять им и использовать устаревший инструмент языка невозможно. И устаревание это происходит буквально на глазах. Насколько быстро меняется социокультурная реальность, настолько же стремительно трансформируется дискурс — их взаимовлияние находится в постоянном диалектическом соотношении. Неизменным остается использование языка как инструмента идеологической и властной борьбы и, соответственно, формирование дискурса политического контроля над обществом. Нужно отметить, что некоторая часть представителей направления социокогнитивного дискурс-анализа придерживается мнения, что влияние политического дискурса ограничивается сферой социальных взаимоотношений. Представителем этой точки зрения является голландский ученый Т.А. ван Дейк [6], который считает, что профессиональные рамки политики ограничивают политический дискурс.

Представляется достаточно затруднительным такое разделение видов дискурса и невозможность провести границу между собственно политикой и идеологией и сферами, которые они не затрагивают. Впрочем, сам голландский ученый признает, что политическим дискурс является только в контексте политической борьбы, и политическими высказываниями признает таковые в политической обстановке. Однако, рассматривая условия социального развития на примере некоторых зарубежных стран, можно

заметить всеобъемлющее влияние дискурса на общество и отсутствие явлений общественного или культурного характера, не оказывающих воздействие на властные отношения между социальными группами. Короче говоря, все есть политика... Более того, согласно наиболее популярным и распространенным взглядам исследователей-постмодернистов, политический дискурс — это всеобъемлющее явление, т.е. «все есть дискурс». Сами проявления политической жизни трактуются как победа определенного господствующего дискурса, навязавшего обществу идеи и социальные нормы, закрепившего их в языке, а также нормах общественной жизни. Но господствующий дискурс является таковым постольку, поскольку он «одержал победу» и продолжает «выигрывать» в конфликтах с многочисленными другими дискурсами. Представитель постмодернизма М. Фуко характеризовал эту борьбу так: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности» [7, с. 51].

Социальные конструктивисты, представителями которых являются Э. Лаклау и Ш. Муфф [8], развивая теоретические положения Л. Альтюссера [9], считают политический дискурс основным фактором формирования идеологических представлений и в конечном счете конструирования и трансформации социальной реальности путем определения значимости того или иного события общественной жизни. Выражая политическую идентичность при подобном конструировании смыслов и образов, в теории дискурса ученые наиболее широко используют теоретико-методологический подход для исследования создания и поддержания социального порядка.

При этом дискурсу присуще выполнение ряда сопутствующих функций, которые также подлежат вычленению и изучению. Из наиболее актуальных можно отметить информативную, персуазивно-функциональную (конструирование и презентация наилучшим образом устроенного мира), делимитативную (отличительная), группо-выделительную и аргументативную

функции, которые выделяла в своих исследованиях Р. Водак. Однако большое количество ученых-лингвистов обращают внимание на контролирующую функцию, подразумевающую манипуляцию сознательной жизнью социума и управление мобилизационными факторами. Она считается базовой, поскольку использует средства языка как инструмент политической власти, борьбы за власть и ее осуществление, стабилизацию и, при необходимости, перераспределение.

Представляется важным подчеркнуть, что влияние дискурса на социум отличается от директивного управления языком для проведения конкретных управленческих решений. Более того, дискурс может использоваться для расшатывания и противодействия традиционным сложившимся структурам власти и общественного устройства. Это зависит от конкретных исторических, социальных и политических условий его производства и понимания контекстуальных конфигураций, формирующих определенный класс дискурса, и предполагает возможность выявления и противодействия им. В практическом плане эти положения можно проиллюстрировать анализом политической ситуации, которая привела к государственному перевороту в Таиланде в 2006 г. Изучая преобладающие дискурсы того времени и сопоставляя их с политическим и социальным контекстом, можно сделать вполне определенные выводы о происхождении и источниках текстов, преобладающих в информационном поле. Но анализ можно провести и в обратном направлении, определив по лингвистическим и текстовым особенностям дискурса отношение авторов к совершению переворота и их позицию в идеологическом поле тайского общества.

Вообще, попытки государственного регулирования идеологического состояния социума, являясь частным случаем, все же отражают контекст общего политического дискурса. Показательным в этом отношении будет анализ государственного регулирования функционирования государственного языка в некоторых странах с различным политическим устройством и уровнем социально-экономического развития. Ярким примером соответствия государственного законодательства о языке сложившимся социальным условиям может служить система законов США, где на федеральном уровне отсутствует декларация о едином

государственном языке, а решение вопросов об официальном языке происходит на уровне штатов. Законодательный нейтралитет правительства по отношению к государственному языку, тем не менее, не означает отсутствия всяких регулирующих воздействий. Необходимый контроль и управление в этой сфере реализуется в законодательстве об образовании и иммиграционных правилах и, таким образом, в этой сфере работает система сдержек и противовесов, характерная для всей политической структуры США.

Другим примером соответствия регулирования государственного языка социальным условиям является соответствующее законодательство КНР. Многонациональный и многоязычный состав страны потребовал от руководства отказаться от термина «государственный язык» и использовать в этом качестве общеупотребительный язык путунхуа — наречие, созданное искусственным путем. Такое решение позволяет соблюсти этноязыковой баланс и одновременно сохранить языковой государственный суверенитет.

Говоря о существующих подходах к языковой политике разных государств, необходимо отметить несколько направлений ее осуществления. Одно из них — вызов чувства стыда. Данный подход был распространен во времена колонизации, но в целом ряде стране продолжает использоваться и сегодня. Он осуществляется за счет изоляции различных групп языковых меньшинств. Практически во всем мире дети из числа коренных народов испытывают на себе влияние политики образования, осуществляемого на одном языке. Если обучающийся говорит на своем родном языке и не знает тот, на котором ведется официальное обучение, его будут всячески стыдить и указывать на то, что он отстает и не способен к учебе. Это, в том числе, относится и к другим меньшинствам, не только носителям языка или диалекта. Например, до внедрения специальных устройств и программного приложения, способного трансформировать речь в текст и наоборот, глухие дети обучались так же, как и слышащие — с помощью орализма, что подразумевает производство человеческой речи (использование языка жестов было чаще всего бесполезно, их бы никто не понял). Латиноамериканских студентов в США часто заставляют думать, что они говорят на искаженном английском, в то время как перевод,

который они выполняют, является дискурсивной нормой всех двуязычных сообществ.

Сегодня общество открыто не заявляет, что представители языковых меньшинств должны быть исключены из него и не достойны получать образование. Вместо этого оно направляет свои усилия на то, чтобы не позволить получить образование тем, кто не соответствует системе с лингвистической точки зрения. Выпускники школ Великобритании и США лишаются возможности получения дальнейшего образования, если они плохо сдают стандартизированные экзамены, где проверяется использование стандартного английского языка. Это соответствует политической идеологии монолингвизма. В Великобритании установлено, что не должно быть никаких «отдельных положений» для детей из языковых меньшинств и двуязычного образования.

Языковая политика часто направлена на то, чтобы заставить кого-то замолчать, лишая людей возможности вхождения во власть и осуществления властных полномочий. Так, позиция Франция состоит в том, что только французский язык связан с французской идентичностью. В результате носители других языков страны: баскского, бретонского, каталанского, корсиканского, окситанского и фламандского до недавнего времени не имели возможности реализовать свое право, если они говорили не на французском. Наличие региональных языков было признано конституцией Франции (ст. 75–1)¹, тем не менее нерешительность страны ратифицировать Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств связана с опасением распространить французскую идентичность на них.

В свою очередь, в 1962 г., когда Алжир получил независимость от Франции, он объявил классический арабский единственным официальным и национальным языком, отвергнув алжирский арабский и берберские языки (также известные как тамазайт).

Процессы реализации языковой политики в Индии отличаются от вышеизложенного — согласно конституции страны, всем гражданам гарантируются языковые права (представители языковых и религиозных меньшинств имеют право на получение образования на родном

¹ Constitution de la République française. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>

языке), что значительно отличает ее от многих других стран мира.

Перепись населения Индии 2011 г. показала, что в стране проживают носители 121-го языка², которые принадлежат к пяти различным языковым семьям: австроазиатской, семито-хамитской, дравидийской, индоарийской и тибето-бирманской. В Конституция Индии зафиксировано 22 так называемых признанных языка. Английский, ранее воспринимаемый как «язык доступа» к получению высшего образования, активно изменяет свой статус, превращаясь в «золотой ключик», открывающий двери в светлое будущее. Британский лингвист Д. Граддол, указывая, что английский язык характеризуется чрезвычайной неравномерностью его знания, присутствия и использования, отмечает, что он, тем не менее, являясь раньше частью механизма исключения, теперь рассматривается как средство включения [10, с. 120].

Языковая политика в Индии с 1947 г. адаптировалась к меняющимся требованиям и чаяниям людей. Во-первых, вопрос о национальном языке был мудро решен в годы становления независимости — ни один язык не был объявлен национальным. Во-вторых, была принята «формула трех языков», определенная Министерством образования правительства Индии в Резолюции о национальной политике 1968 г. Она предусматривает, что во всех государственных школах по всей стране должны преподаваться три языка: английский, хинди и тот, на котором говорят в данном регионе/штате. Однако данная формула воплощается в жизнь по-разному. Например, в Западной Бенгалии местный язык (диалект) — бенгальский — достаточно близок к хинди, и поэтому было принято решение не изучать хинди вообще. Приводились доводы, что бенгальский язык значительно богаче, нежели хинди, в культурном плане.

Трехязычная формула имеет как эксплицитные, так и имплицитные цели. Примером первой является стремление к увеличению числа жителей страны, знающих хинди и английский, — двух языков, способных объединить нацию. Примером второй выступает увеличение многоязычия по всей стране. Однако, как было научно доказано, многоязычие расширяет

кругозор, но способствует тому, что знающий несколько языков становится более социально терпимым.

Языковая политика Индии была сформулирована с целью объединения различных культур и языков за счет выбора одного официального языка, которым на тот момент виделся хинди. Но, поскольку «формула трех языков» не лишена определенных недостатков, а индийская политика в области образования испытывает трудноразрешимые противоречия, изначально обозначенная цель свелась к тому, что английский и хинди стали квазиофициальными языками. Сначала английский язык в официальной политике и образовании был временной мерой (оговаривалось, что он будет использоваться в течение 10 лет), но, как это часто случается, временное превратилось в постоянное — практика его использования только расширяется без успешных попыток найти вариант, соответствующий сегодняшним потребностям и целям.

Франция, в свою очередь, в принципе однозначно отвергает подход, при котором языковые права меньшинств принимаются во внимание. В соответствии с «республиканским мышлением» выбранный подход поддерживается даже некоторыми французскими лингвистами, чьи взгляды кажутся несколько сюрреалистичными для приверженцев нереспубликанским идеям. Например, Бернар Черкильини (который, как известно, определил 75 языков, которые стоило бы защитить, если бы Франция ратифицировала Хартию региональных языков или языков меньшинств), без колебаний заявил, что Хартия продвигает видение, противоречащее республиканским принципам, «согласно которым язык как элемент культуры принадлежит к национальному наследию. Корсиканский язык является собственностью не корсиканского региона, а нации» [11, с. 4]. Иллюстрируя этот подход далее, Б. Черкиглини объясняет, что «наряду с литературным и художественным наследием и историческими памятниками существуют также языки, которые имеют ту же ценность, что и Римская церковь». Даже многие сторонники ратификации Хартии утверждают, что региональные языки должны поощряться исключительно на том основании, что они принадлежат к «неразделимому культурному наследию Франции» [12, с. 114]. Эта точка зрения стала краеугольным камнем официальной политики в отношении региональных языков

² Census of India 2011. URL: https://web.archive.org/web/20181114073412/http://www.censusindia.gov.in/2011Census/C-16_25062018_NEW.pdf

во Франции сегодня, о чем свидетельствует конституционная поправка 2008 г., о которой говорилось выше: «региональные языки принадлежат к наследию Франции».

Реальность такова, что приравнение региональных языков к другим аспектам культурного наследия потенциально ведет к редукции. Как предупреждает Г. Джордан: «Региональные языки больше не будут живой, развивающейся реальностью, а станут пережитками максимум для нескольких людей, интересующихся старыми традициями» [13, с. 29]. Этот риск фольклоризации реален, учитывая, что официальные действия по продвижению региональных языков во Франции традиционно ограничивались сферами культуры, средств массовой информации и образования, причем последнее касалось в основном изучения региональных языков, а не преподавания на них.

Ситуация с региональными языками во Франции — яркий пример традиционно несправедливых условий, что делает аргументы, основанные на субъективной неадекватности вариантов, еще более актуальными. Власти Корсики, например, утверждают, что корсиканский язык, являясь символом самобытности острова, — важное средство социальной сплоченности как для носителей языка, так и для тех, кто не говорит на нем³.

Многие ученые-лингвисты как во Франции, так и за ее пределами, отмечают, что французский республиканизм во многих отношениях пал жертвой идеологических эксцессов в отношении притязаний на нейтралитет. Это парадоксальным образом привело к тому, что на практике он проявляет черты, которые явно отвергает в принципе. Например, британский профессор политической теории Джереми Дженнингс размышляет о том, следует ли на самом деле рассматривать французский республиканизм как «извращенную форму коммунизма, для которого национальное сообщество является высшим сообществом, насильственно навязывающим единое общее благо множеству субнациональных групп». Автор также задает вопрос: «В какой степени республиканская концепция гражданства воплощает в себе подлинно универсалистскую приверженность, в отличие от

партикуляристской артикуляции национальных ценностей?» [14, с. 597].

Конституционная поправка 1992 г., объявившая французский «языком Республики» и ставшая еще одним серьезным препятствием для продвижения региональных языков, рассматривается некоторыми исследователями как пример республиканского фундаментализма, который парадоксальным образом подрывает универсалистские характеристики французской республиканской модели. Такие аргументы тем более убедительны, что поправка была внесена в то самое время, когда Франция отказалась ратифицировать Хартию региональных языков или языков меньшинств.

Вдохновленная теоретическими открытиями культурного либерализма эта новая волна французской политической философии «призывает французский республиканизм быть менее социологически наивным, то есть признать властные отношения, которые делают невозможным различие между публичной и частной сферами» [15, с. 25].

Новый республиканский подход к правам языковых меньшинств был предложен Айелет Банаи. Как и критический республиканизм, модель Банаи основывается на различии между политической или общественной жизнью — с одной стороны, и культурной жизнью — с другой, что потенциально может обеспечить большее признание региональных языков в общественной сфере. Действительно, решающее значение для ее подхода имеет различие, которое она проводит между общественным и культурным признанием языков меньшинств. Что касается первого, то объясняется, что «говорящие на государственном языке могут ожидать, что их сограждане и представители государственных учреждений будут понимать их и взаимодействовать с ними на этом языке в вопросах, связанных с общественной или политической жизнью их страны, а также с предоставлением общественных товаров и услуг, например здравоохранения, образования, социального обеспечения, средств массовой информации и культуры, юриспруденции и администрирования». Культурное признание, напротив, позволяет носителям непубличных языков «иметь доступ к знанию своего родного языка и поддерживать его как элемент своей идентичности и ресурс для их личной и социальной жизни» и, как правило, требует «финансирования культур-

³ Collectivité territoriale de Corse. Proposition de statut pour la coofficialité et la revitalisation de la langue corse. (Rapport No. 2013/O1/066).

ных центров и мероприятий, нескольких часов школьного обучения языку, а также обучения взрослых, дополненного поддержкой средств массовой информации» [16, с. 203].

А. Банаи делает попытку разобраться с вопросом исторической несправедливости, что отличает ее модель от неисторических или синхронных подходов к правам языковых меньшинств. Как объясняет Стивен Мэй, такие подходы «особенно проблематичны, потому что [они не в состоянии] адекватно учитывать, если вообще учитывают, неизбежный исторический и современный факт, что установление государственных или национальных языков почти во всех случаях является по своей сути преднамеренным [...] политическим актом и, более того, тем, который явно приносит пользу одним людям и группам за счет других» [17, с. 322].

Приведенные примеры институционализированной формы управления языком показывают зависимость этого управления от контекста

и одновременно неизбежность конструирования и формирования дискурса доминирования со стороны власти.

Представляется важным подчеркнуть, что использование языка как инструмента управления и контроля, т.е. властвования над обществом, не означает властвования над самим языком, который, являясь самостоятельным социокультурным феноменом, функционирует, развивается и взаимодействует в процессе производства дискурса по своим имманентным законам. Другими словами, оказывая влияние на условия функционирования языка, затруднительно воздействовать на сам язык. Диалектика взаимовоздействия общества с языком, таким образом, приводит к тому, что язык используется для осуществления властных полномочий и, в свою очередь, изменяясь и развиваясь параллельно с развитием социума, неизбежно оказывает влияние на содержание самой власти, т.е. на управляющего и контролера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Фридман В.С. От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. Часть 1: Основные определения и механизмы взаимодействий. Сигналы и их «материальные носители»: демонстрации. Сигналы и механизмы коммуникации в действии. М.: URSS; 2013. 690 с.
Fridman V.S. From stimulus to symbol: Signals in vertebrate communication. Part I: Basic definitions and mechanisms of interactions. Signals and their “material carriers”: demonstrations. Signals and communication mechanisms in action. Moscow: URSS; 2013. 690 p. (In Russ.).
2. Лазарсфельд П. Ф. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании. Пер. с англ. Ульяновск: УлГУ; 2018. 151 с.
Lazarsfeld P.F. People’s choice: How the voter makes a decision in the presidential campaign. Transl. from English. Ulyanovsk: UIGU; 2018. 151 p. (In Russ.).
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; 2003. 669 с.
Toffler E. Metamorphoses of power: Transl. from Eng. Moscow: LLC “Publishing house AST”; 2003. 669 p. (In Russ.).
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс; 2004. 400 с.
Webster F. Theories of the information society. Moscow: Aspect Press; 2004. 400 p. (In Russ.).
5. Pêcheux Michel. Language, semantics, and ideology. London: MacMillan; 1982.
6. Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? URL: https://e-l.unifi.it/pluginfile.php/909651/mod_resource/content/1/Van%20Dijk%20Waht%20is%20political%20discourse%20analysis.pdf
7. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр; 1996. 208 с.
Foucault M. Archeology of knowledge. Kyiv: Nika-Center; 1996. 208 p. (In Russ.).
8. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso; 1985. 197 p.
9. Альтюссер Л.П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). Пер. с франц. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/a13.html>
Althusser L.P. Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research). Transl. from French. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/a13.html> (In Russ.).
10. Graddol D. English Next India. New Delhi: British Council; 2010.
11. Cerquiglini B. Les langues de France. Rapport au Ministre de l’Education Nationale, de la Recherche et de la Technologie, et à la Ministre de la Culture et de la Communication. Paris: La documentation française; 1999.

12. Carcassonne G. Étude sur la compatibilité entre la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires et la Constitution. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/france/1998carcassonne.pdf>
13. Giordan H. Les langues régionales dans la constitution: Un pas en avant très ambigu. Diasporiques. URL: http://portal-lem.com/images/fr/diasporiques/Giordan_Les_langues_regionales_dans_la_Constitution.pdf
14. Jennings J. Citizenship, republicanism and multiculturalism in contemporary France. *British Journal of Political Science*. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/british-journal-of-political-science/article/abs/citizenship-republicanism-and-multiculturalism-in-contemporary-france/B36C076BA01030BC1F0500F2A85FF941#>
15. Guérard de Latour S. Vers la République des différences. Toulouse: Presses universitaires du Mirail; 2009.
16. Banai A. Language recognition and the fair terms of inclusion: Minority languages in the European Union. Liberal multiculturalism and the fair terms of integration. London: Palgrave Macmillan; 2013.
17. May S. Language rights: Moving the debate forward. *Journal of sociolinguistics*. URL: <https://studylib.net/doc/7828162/language-rights-moving-the-debate-forward-stephen-may-may?ysclid=17xksro388453378990>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, руководитель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina V. Melnichuk — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Ped.), Professor, Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

MVMelnichuk@fa.ru

Елена Алексеевна Стародубцева — кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena A. Starodubtseva — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8031-3474>

EAStarodubtseva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 05.08.2022; принята к публикации 25.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.08.2022; accepted for publication on 25.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Лингводидактические основы лингвистического обеспечения информационной безопасности организации

А.К. Крупченко^а, А.Н. Кузнецов^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия; Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия;

^б Институт управления образованием РАО, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Департамент иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации постепенно приобретает статус межвузовской (с международным участием) площадки для научных исследований в области когнитивной лингвистики и профессиональной лингводидактики, которые находят отражение как в значимых и масштабных конференциях, так и в инновационном образовательном процессе. Актуализация неразрывной связи науки и практики обусловлена открытием в 2021–2022 учебном году направления «Лингвистика». В данной статье представлены первые результаты реализации программы магистратуры «Актуальные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранного языка», сфокусированные на определении лингводидактических основ, выявляющих структурно-содержательную модель формирования информационно-аналитической компетенции будущего специалиста, способного лингвистическими средствами обеспечить информационную безопасность организации. В работе обсуждается вопрос о том, что научно-практическое взаимодействие преподавателя и магистрантов должно выражаться, с одной стороны, в теоретическом обосновании аксиологических стратегий иноязычного образования, определивших ключевые концепты – принципы профессиональной лингводидактики, получивших новое звучание в целевой специфике. А с другой стороны, в отборе адекватных технологий, продиктованных заявленными принципами, и разработке практико-ориентированных заданий, выполняющих задачу направленности программы – лингвистического обеспечения информационной безопасности организации. **Ключевые слова:** Финансовый университет; профессиональная лингводидактика; методология иноязычного образования; магистерские программы; лингвистическое обеспечение информационной безопасности; информационная безопасность организации; высшее лингвистическое образование; профессиональные компетенции; функции лингводидактики; лингвистическая безопасность.

Для цитирования: Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Лингводидактические основы лингвистического обеспечения информационной безопасности организации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):72-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-72-80

Linguodidactic Foundations of Linguistic Provision of Information Security of an Organization

A.K. Krupchenko^a, A.N. Kuznetsov^b

^a Financial University, Moscow, Russia;

National University of Science and Technology “MISIS”, Moscow, Russia;

^b Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ABSTRACT

The Department of Foreign Languages and Intercultural Communication at the Financial University under the Government of the Russian Federation is growing the status of an international platform for the research into Cognitive Linguistics and Professional Linguodidactics (PLD). It reflected the outcomes of that research both in the community-significant and large-scale conferences, and in the innovative educational process. The actualization of the inseparable connection between the research and the social and education practice is due to the opening of the undergraduate program in linguistics that was launched at the Financial University in the 2021–2022 academic year. The materials of this article reflect the first results of implementing the master’s program ‘Actual Problems of Linguodidactics and Methods

of Teaching a Foreign Language. The core idea of this program rests in the definition of the linguodidactic foundations that reveal the structural and the content model of the development of the information and analytical competence of a future professional who would be capable of ensuring the information security of an organization by linguistic means. In the discussion part, the authors argue it proved the scientific and the practical interaction of the university teachers and their undergraduates to be embodied, on the one hand, in the course of the theoretical substantiation of the axiological strategies of foreign language education. (The latter determining the key concepts that play the role of the wording of the principles of PLD, i.e. the academic field that gained a new sound in the present research.) On the other hand, this interaction affects the selection of the adequate technologies that is necessitated by the said principles and the development of the specific target tasks that bring to life the mission the program's focus, i.e. the linguistic support of the information security of an organization.

Keywords: Financial University; Professional Linguodidactics; methodology of foreign language education; master's programs; linguistic support of information security; information security of organization; linguistic university education; professional competences; Linguodidactics functions; linguistic security

For citation: Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N. Linguodidactic foundations of linguistic provision of information security of an organization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):72-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-72-80

ВВЕДЕНИЕ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (далее — Финуниверситет) в 2021–2022 учебном году начал подготовку по магистерской программе по направлению «Лингвистика», подразумевающей *лингвистическое обеспечение информационной безопасности организации*. Это означало, что перед Департаментом иностранных языков и межкультурной коммуникации поставлена инновационная междисциплинарная задача, обусловившая необходимость проведения исследования по разработке модели формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции специалистов в области целевой направленности. Практико-ориентированное моделирование проводилось на примере программы магистратуры «Актуальные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранного языка», реализация которой позволила создать совместный проект, с помощью которого можно:

1) определить нормативные и теоретико-методологические требования к формированию способности и готовности выпускника Финуниверситета в будущей профессиональной деятельности обеспечивать информационную безопасность организации и в целом страны, представляя ее на международном уровне, лингвистическими средствами;

2) обосновать принципы формирования данной компетенции в рамках профессиональной лингводидактики (ПЛД);

3) отобрать целевые технологии в соответствии с выделенными принципами ПЛД для формирования информационно-аналитического

компонента профессиональной межкультурной компетенции;

4) разработать и апробировать комплекс заданий, направленных на обеспечение информационной безопасности организации средствами иностранного языка.

Актуальность поставленной задачи *лингвистического обеспечения информационной безопасности организации* обусловлена выявленным противоречием между современными условиями информационного общества (оказывающими влияние на социально-экономическую ситуацию в организации и обеспечение ее информационной безопасности) и отсутствием лингводидактических обоснований для реализации решения данной проблемы лингвистическими средствами.

Целью исследования является формирование информационно-аналитического компонента профессиональной межкультурной компетенции будущего специалиста, способного обеспечить информационную безопасность организации в условиях увеличивающегося информационного потока.

Данное исследование проводится в русле требований Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации о «возможности эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»¹.

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой данного исследования выступает лингводидактика, а точнее, ее отрасль — профессиональная лингводидактика [1], концептуальные положения которой получают в контексте исследуемой проблемы новое звучание, актуализированное на целевой профессиональной задаче [2–4]. Научная обоснованность выбора данной методологии является результатом проводимых в течение 10 лет исследований (сопоставительного анализа) интегрированных подходов обучения иностранным языкам (ESP-CLIL) [5, 6], которые не редко ассоциируются с профессионально ориентированным подходом. Результаты исследования показали уникальность ПЛД как в своей ориентации на профессиональный контент, так и в целеполагании иноязычного образования на развитие языковой личности будущего профессионала [7, 8].

Разрабатываемая модель основана на выявлении целевых стратегий языковой образовательной политики, отражающих основные функции лингводидактики, актуализированные в профессиональной лингводидактике, а именно: *научно-теоретической, нормативно-прикладной, интегративной и конструктивно-технической функций*.

Так, если лингводидактика в рамках *научно-теоретической* функции вскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков и нацелена на формирование убеждений, то профессиональная лингводидактика, исследуя процесс профессионально ориентированного обучения иностранному языку, устанавливает его принципы, которыми руководствуются все элементы данного процесса от целеполагания — формирования информационно-аналитического компонента профессиональной коммуникативной компетенции [будущего] специалиста, до отбора и применения технологий, методических приемов и контроля уровня сформированности заданной компетенции.

Если *нормативно-прикладная функция лингводидактики*, обосновывая отбор содержания образования, определяет его объем и структуру, то профессиональная лингводидактика решает эти задачи, определяя планируемые результаты для целевого обновленного содержания в процессе иноязычной подготовки будущих специалистов на основе ФГОС ВО конкретной профессиональной сферы [4], коррелируя ряд универсальных

и общепрофессиональных компетенций с задачами программы [9].

Планируемые результаты для программы «Актуальные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранного языка» отбирались с позиции корреляции с заявленной направленностью *Лингвистическое обеспечение информационной безопасности организации* и формулировались на основе ФГОС ВО для магистрантов направления 45.04.02 Лингвистика.

Так, в качестве универсальных компетенций за основу были взяты УК-1, УК-4, а нормативную основу представили разработанные дескрипторы в терминах «знать» и «уметь», отражающие планируемые результаты программы. Они ориентируют на отбор содержания и технологий обучения и становятся показателями сформированности информационно-аналитического компонента профессиональной межкультурной компетенции.

При ориентации на заявленную компетенцию ФГОС:

«УК-1 — способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий»².

Знать: нормативную базу профессионально ориентированного обучения иностранным языкам, теоретические основы профессиональной лингводидактики, концептуальные положения логики и аргументации, технологий герменевтики и критического мышления, востребованных в условиях обеспечения информационной безопасности организации /страны лингвистическими средствами.

Уметь: отбирать целевые методики и технологии (аргументации, герменевтики, критического мышления и др.), владеть методическими приемами эффективной коммуникации (видеть главное, отделять причину от следствия, обнаруживать смысловые пробелы, вербальные неточности, манипуляции, обоснованно аргументировать позицию и т.п.), демонстрирующими способность осуществлять критический анализ ситуаций, создающих угрозы информационной безопасности организации.

«УК-4 — способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика (приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12.08.2020 № 992).

иностранным(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия»³.

Знать: целевые технологии формирования информационно-аналитического компонента профессиональной межкультурной компетенции (технологии критического мышления и герменевтики, стратегии равнозначности в условиях многоязычия и поликультурности профессиональной межкультурной коммуникации, учет принципа интернационализации и иноязычной профессионализации) [10, 11].

Уметь: «применять современные коммуникативные технологии, в том числе и на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия» с целью обеспечения информационной безопасности организации.

Программа «Актуальные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков» потребовала рассмотрения и обновления содержания, продиктованного направленностью магистратуры «Лингвистическое обеспечение информационной безопасности организации», которое исходило из положений таких нормативных документов, как Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», четвертый раздел которого отдельным вопросом рассматривает и содержание информационной безопасности, и Доктрины информационной безопасности Российской Федерации⁴ (далее — Доктрина). В первом документе (п. 56 и 57) указывается, что «Целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве» путем формирования «безопасной среды оборота достоверной информации, повышения защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования». Доктрина в качестве главной стратегической цели указывает на «защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», связанных, в том числе и с «информационно-психологическим воздействием» на российское население. В документе охарактеризованы пять основных сфер, для которых, в частности, необходимо всемерное обеспечение информационной

безопасности страны, (среди них — сфера науки, технологии и образования). При этом сфера образования призвана разработать перспективные технологии, что непосредственно может относиться и к иноязычному образованию.

Миссия *интегративной функции* лингводидактики отражена в стремлении использовать в своих исследованиях «научные достижения философов, лингвистов, педагогов, психологов, методистов, специалистов по теории коммуникации и информатике с целью достоверного обоснования процесса обучения языку»⁵. Данное содержание в полной мере отражает и современное видение интегративности, представленное рядом ученых, которые подчеркивают, что монодисциплинарность сегодня вступает в противоречие с «его инновационностью, поскольку новое знание возникает только в пространстве его всеобщих связей и отношений, в тех междисциплинарных узлах, где находится множество научных дисциплин» [12]. А поставленная перед системой высшего образования цель по обеспечению динамического роста экономики и технологий направлена на подготовку специалистов, способных решать задачи будущего [13].

Конструктивно-технической, моделирующей функции лингводидактики предписано совершенствование методов обучения, оказывающих воспитывающее воздействие на обучающихся. Преобразование учебного процесса в рамках профессиональной лингводидактики, соответствующее поставленной задаче, предусматривает построение моделей обучения, продуктивное использование которых позволит обучающимся научно обоснованно, логично, убедительно и аргументированно с соблюдением целе-ценностных стратегий иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации [14–16] достойно представить свою страну на международном уровне, отстаивать ее равноправный статус и сохранять позитивный имидж конкретной организации [17–19].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика развития профессиональной лингводидактики в рамках рассматриваемого исследования отражается и в конкретизации выделенных ранее ключевых идей, содержание которых раскрыто в «5-И концептах ПЛД»:

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

⁵ URL: https://vk.com/doc13953087_594302710?hash=8119355efa9ddb86e

- *«интеграция* содержания обучения ИЯ и специальному предмету на междисциплинарной основе;

- *интеракция* — взаимодействие мотивированного обучающегося с компетентным преподавателем ИЯ и преподавателями (специалистами) профильной дисциплины;

- *иноязычная профессионализация* — динамика профессионального развития личности специалиста в процессе иноязычного образования;

- *интернационализация* — вовлеченность специалиста в глобальный мир поликультурной профессиональной коммуникации;

- *идентификация* — направленность на формирование языковой личности специалиста» [1, 2].

Так, межпредметная *интеграция* языка и специальности реализуется в ее высшем качестве — иностранный язык становится средством решения конкретной профессиональной задачи — здесь: *обеспечение информационной безопасности организации лингвистическими средствами*.

Интеракция отражена во взаимодействии профессионалов — специалистов, глубоко погруженных в целевую тематику — и их плодотворная профессиональная межкультурная коммуникация направлена на разрешение конфликтов на основе равностатусного взаимовыгодного сотрудничества/партнерства.

Иноязычная профессионализация реализуется в условиях решения поставленной задачи, в рамках которой специалисты изучают профессиональный целевой контекст на иностранном языке, а посредством смежных дисциплин получают новые профессиональные знания о технологиях предотвращения информационных атак / обеспечения *информационной безопасности организации*.

Интернационализация постулирует взаимодействие специалистов в глобализирующемся мире на основе универсальных ценностей поликультурной профессиональной коммуникации, которые способствуют достижению договоренностей при условии владения специалистом стратегиями равностатусной профессиональной межкультурной коммуникации.

Идентификация представлена как персональный индикатор языковой личности специалиста, его профессиональной идентичности, показатель высокой профессиональной компетентности успешного коммуниканта (переговорщика) в разрешении проблем обеспечения безопасности организации или конфликтной международной ситуации.

В ходе исследования теоретических аспектов ПЛД для реализации поставленной задачи были разработаны целевые принципы, исходящие из ключевых положений (концептов) профессиональной лингводидактики (см. *таблицу*).

В первой колонке *таблицы* показаны функции ПЛД, вытекающие из рассмотренных выше функций лингводидактики и центрированные на поставленной задаче. Во второй колонке они соотнесены с разработанными ранее ключевыми концептами ПЛД, на основе которых выводятся актуализированные принципы — конституирующие ориентиры образовательного процесса, направленного на *лингвистическое обеспечение информационной безопасности организации*. В третьей колонке представлены наиболее эффективные технологии, способы и приемы формирования информационно-аналитического компонента профессиональной межкультурной компетенции, направленные на решение поставленной профессиональной задачи.

ВЫВОДЫ

Так как заявленная тематика в магистерской программе Финуниверситета не рассматривалась ранее в рамках иноязычного образования, то и первые исследования в данной области носят предварительный, пропедевтический характер и рассматриваются через призму аксиологических стратегий профессиональной межкультурной коммуникации.

В ходе проведенного исследования была обоснована целесообразность использования профессиональной лингводидактики в качестве методологической основы, функции которой были актуализированы в контексте поставленной задачи направленности программы магистратуры.

Разработанные целевые принципы профессиональной лингводидактики (интеграция языка и специальности, интеракция как показатель взаимодействия коммуникантов в процессе профессиональной иноязычной коммуникации, а также принципы иноязычной профессионализации, профессиональной идентификации и интернационализации) соблюдались как при разработке планируемых результатов (дескрипторов в соответствии с компетенциями ФГОС), так и во время контроля уровня сформированности означенных компетенций.

Конкретизация и актуализации ценностно-целевых стратегий, обусловивших развитие

**Взаимосвязь функций, принципов и технологий профессиональной лингводидактики /
Correlation of functions, principles and technologies of professional linguodidactics**

Функции ПЛД / PLD Functions	Целевые принципы / Target Principles	Технологии / Technology
Научно-теоретическая	<i>Иноязычная -профессионализация</i> реализуется в условиях решения поставленной задачи, которая ориентирует специалистов изучить профессиональный целевой контекст на ИЯ, а средствами смежных дисциплин получить новые профессиональные знания о технологиях предотвращения информационных атак / обеспечения информационной безопасности организации, что демонстрирует рост профессиональной компетентности специалиста средствами ИЯ	Технологии и задания, направлены на развитие специальной текстовой и дискурсивной компетенций в процессе обучения ИЯ на основе аутентичных материалов по специальности. Использование динамики формирования лингвопрофессиональных навыков по таксономии Блума позволяет перейти к высшему уровню – креативности и символизирует переход от межпредметной интеграции языка и специальности к использованию ИЯ для решения целевых профессиональных задач
Нормативно-прикладная	Идентификация – профессиональная идентичность языковой личности специалиста, характеризующаяся иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией (ИПКК), ее информационно-аналитическим компонентом, актуализирующим компетенции ФГОС	Технологии критического мышления (УК-1): умение отделять важное от главного, анализировать поступающую информацию, обнаруживать смысловые пробелы, вербальные манипуляции; способность интерпретировать и анализировать, используя технологию герменевтики, проявлять креативность при работе с информацией
Интегративная	<i>Интеграция</i> – использование (иностранный) языка в решении межпредметной профессиональной задачи, взаимосвязь, взаимодополняемость, взаимозависимость сфер образования, информатики, экономики, бизнеса, финансов и др.	Используются информационные (компьютерные) технологии и разнообразные виды интерактивных технологий и приемов лингвометодической обучающей поддержки для междисциплинарной интеграции языка и специальности, которая реализуется в ее высшем качестве, где ИЯ становится средством решения конкретной профессиональной задачи – обеспечения информационной безопасности организации
Конструктивно-техническая	<i>Интеракция</i> – взаимодействие специалистов в профессиональной области, плодотворная профессиональная межкультурная коммуникация, направленная на разрешение проблемы / конфликта на основе равноправного взаимовыгодного сотрудничества / партнерства	Интерактивные методы обучения: мозговой штурм, метод вопросов, дебаты, групповая дискуссия, метод одного слова, деловая игра, кейс-метод, метод ассоциаций, диалог, исследовательская игра, и др.
Моделирующая	<i>Интернационализация</i> – важнейшим инструментом которой становится ИЯ как средство продуктивной коммуникации, направленной в условиях социально-экономических, политических и гуманитарных вызовов на обеспечение информационной безопасности организации	<i>Интерактивные методы обучения</i> – взаимодействие специалистов в глобализирующемся мире на основе универсальных ценностей поликультурной и равноправной профессиональной коммуникации, способствующей достижению договоренностей на взаимовыгодной основе

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

принципов профессиональной лингводидактики в контексте поставленной целевой задачи, создали теоретическую основу для отбора и моделирования технологий, формирующих информационно-аналитическую компетенцию лингвистов, способных обеспечить *информационную безопасность организации*.

Достигнутые результаты позволяют говорить о новых подходах в исследовании, которые в первую очередь заключаются в рассмотрении нового уровня развития профессиональной лингводидактики — методологии междисциплинарного иноязычного профессионального образования, символизирующего переход от межпредметной

интеграции языка и специальности к использованию иностранного языка для решения целевых профессиональных задач.

Написанные магистрантами Финиансового университета рефераты, а также творческие и целевые профессиональные задания, выполненные с использованием методов гуманитарных и социальных наук, являются примером воплощения итогов инновационных научных исследований обучающихся в продуктивную лингвометодическую практику и представлены отдельной публикацией в материалах Международной конференции департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крупченко А. К., Кузнецов А. Н., Анзина Т. И. и др. Аксиология иноязычного образования: среднее профессиональное педагогическое образование. Монография. Крупченко А. К., Кузнецов А. Н., ред. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования; 2017. 230 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?selid=32486665&id=32486608&>
2. Krupchenko A. K., Kuznetsov A. N. Professional linguodidactics as the cutting-edge advanced approach to foreign language teaching in TVET: ESP vs. CLIL. URL: <https://library.iated.org/view/KRUPCHENKO2017PRO>
3. Крупченко А. К. Аксиологические стратегии иноязычного профессионального педагогического образования. *Преподаватель XXI век*. 2019;(4):44–55.
4. Kuznetsov A. N. Potential of an Academic Subject in Profession-Related Competency Formation: Case Study of Stakeholders' Requirements in Foreign Language Teaching within Engineering Education. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45322249>
5. Prilipko E., Krupchenko, A. K., Inozemtseva K., Professional Development of a Foreign-Language Tertiary Teacher: Competence-Based Approach. *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015;6(6):257–261.
6. Anzina T. I., Krupchenko A. K., Kuznetsov A. N. Development of pragmatic competency of foreign language teachers for overcoming learning barriers at an economic university. URL: <https://library.iated.org/view/ANZINA2018DEV2>
7. Hutchinson T., Waters A. English for specific purposes. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
8. Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL Content Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
9. Попова Е. А., Крупченко А. К. Обновление содержания межкультурной компетенции студента-международника — ценностно-целевая задача профессиональной лингводидактики. Материалы XII Международной научной конференции Белорусского государственного университета. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/216259>
10. Боярко С. А. К вопросу об иноязычной подготовке обучающихся по направлению «Информатика и вычислительная техника». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47311244>
11. Петрова Г. И. Междисциплинарность университетского образования как современная форма его фундаментальности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-universitetskogo-obrazovaniya-kak-sovremennaya-forma-ego-fundamentalnosti>.
12. Сабирова Д. Х. Ценностные ориентиры формирования поликультурной профессиональной компетенции в академической среде университета. Сборник научных трудов по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков МПГУ за 2020–2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47311272>
13. Ovchinnikova N., Astafyeva M., Fedotkina E. Internationalization and Interdisciplinary Education In Foreign Language Curricula of Future Innovatics Managers. EDULEARN 21 Proceedings: 13th International Conference on Education and New Learning Technologies; 2021. DOI: 10.21125/edulearn.2021.0683

14. Анзина Т.И., Крупченко А.К. Формирование основ корпоративной культуры при обучении иностранному языку. *Высшее образование в России*. 2012;(10):154–157.
15. Барышников Н.В. Профессиональная межкультурная коммуникация с акцентом. *Язык и культура*. 2020;(49):175–183.
16. Krupchenko A.K. Axiology of Foreign Language Education. Xth International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”; European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. URL: https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut_2020
17. Попова Е.А. Формирование ценностных ориентаций у студентов-международников в курсе дисциплины «Иностранный язык». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2018; 6(814):124–138.
18. Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. М.: Инфра-М; 2018. 368с.
19. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н., Прилипко Е.В. Английский язык для педагогов: Academic English (B 1–B 2). М.: ЮРАЙТ; 2021. 204 с.

REFERENCES

1. Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N. Anzina T.I. and others. Axiology of foreign language education: Secondary professional pedagogical education. Monograph. Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N., eds. Moscow: Academy for advanced training and professional retraining of educators; 2017. 230 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?selid=32486665&id=32486608>. (In Russ.).
2. Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N. Professional linguodidactics as the cutting-edge advanced approach to foreign language teaching in TVET: ESP vs. CLIL. URL: <https://library.iated.org/view/KRUPCHENKO2017PRO>
3. Krupchenko, A.K. Axiological strategies of foreign-language professional pedagogical education. *Teacher of the 21st century*. 2019;(4):44–55. (In Russ.).
4. Kuznetsov A.N. Potential of an Academic Subject in Profession-Related Competency Formation: Case Study of Stakeholders’ Requirements in Foreign Language Teaching within Engineering Education. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45322249>
5. Prilipko E., Krupchenko A.K., Inozemtseva K., Professional Development of a Foreign-Language Tertiary Teacher: Competence-Based Approach. *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015;6(6):257–261.
6. Anzina T.I., Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N. Development of pragmatic competency of foreign language teachers for overcoming learning barriers at an economic university. EDULEARN 18, 10th annual International Conference on Education and New Learning Technologies. URL: <https://library.iated.org/view/ANZINA2018DEV2>
7. Hutchinson T., Waters A. English for specific purposes. A Learning Centered Approach. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
8. Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL Content Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
9. Popova E.A., Krupchenko A.K. Updating the content of the intercultural competence of an international student is a value-objective task of professional linguodidactics. Materials of the XII International Scientific Conference of the Belarusian State University. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/216259>. (In Russ.).
10. Boyarko S.A. On the issue of foreign language training of students in the direction of “Informatics and computer technology”. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47311244>. (In Russ.).
11. Petrova G.I. Interdisciplinarity of university education as a modern form of its fundamentality. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-universitetskogo-obrazovaniya-kak-sovremennaya-forma-ego-fundamentalnosti> (In Russ.).
12. Sabirova D.H. Value orientations of the formation of multicultural professional competence in the academic environment of the university. Collection of scientific papers on the results of research work at the Institute of Foreign Languages of the Moscow State University for the 2020–2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47311272> (In Russ.).
13. Ovchinnikova N., Astafyeva M., Fedotkina E. Internationalization and Interdisciplinary Education in Foreign Language Curricula of Future Innovatics Managers. EDULEARN 21 Proceedings: 13th International Conference on Education and New Learning Technologies; 2021. DOI: 10.21125/edulearn.2021.0683

14. Anzina T.I., Krupchenko A.K. Formation of the foundations of corporate culture in teaching a foreign language. *Higher Education in Russia*. 2012;(10):154–157. (In Russ.).
15. Baryshnikov N.V. Professional intercultural communication with emphasis. *Language and culture*. 2020;49:175–183. (In Russ.).
16. Krupchenko A.K. Axiology of Foreign Language Education. 10th International conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”; European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. URL: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut2020>
17. Popova, E.A. Formation of value orientations among international students in the course of the discipline “Foreign language”. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical sciences*. 2018;6(814):124–138. (In Russ.).
18. Baryshnikov N.V. Fundamentals of professional intercultural communication. Moscow: INFRA-M; 2013. 368 p. (In Russ.).
19. Krupchenko A.K., Kuznetsov A.N., Prilipko E.V. English for teachers: Academic English (B 1–B 2). Moscow: URAIT; 2021. 204 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анна Константиновна Крупченко — доктор педагогических наук, профессор департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия

Anna K. Krupchenko — Dr. Sci. (Ped.), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Financial University, Moscow, Russia; Department of Modern Languages and Communication, National University of Science and Technology “MISIS”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1265-5624>

annakrupchenko@mail.ru

Андрей Николаевич Кузнецов — кандидат педагогических наук, доцент, начальник Центра управления образовательными системами, Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия

Andrei N. Kuznetsov — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Head of the Center for Education System Management, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1573-5491>

andremos@inbox.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2022; принята к публикации 05.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.02.2022; accepted for publication on 05.04.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-81-87
УДК 316.6(045)

Влияние внутриличностного конфликта на потребительское поведение у женщин

Т.А. Субцельная, В.А. Негрий

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Исследование направлено на проверку гипотез о наличии взаимосвязи между различными типами внутреннего конфликта и потребительского поведения у женщин. Наиболее детально рассмотрен ценностно-смысловой конфликт как феномен, обусловленный взаимодействием важнейших личностных структур. В качестве дополнительных изучены потребительские ценности, субъективное финансовое и личностное благополучие, а также разновидности иррационального потребительского поведения: демонстративное потребление и ориентация на материализм. В исследовании выявлена согласованность между определенными типами внутреннего конфликта личности и определенным типом потребительского поведения. Обнаруженные закономерности открывают широкий простор для дальнейшей разработки этой проблемы за счет введения дополнительных личностных конструктов, расширения выборки и использования более точного диагностического инструментария.

Ключевые слова: потребительское поведение; факторы потребительского поведения; потребительские предпочтения; внутриличностная конфликтность; внутренний конфликт

Для цитирования: Субцельная Т.А., Негрий В.А. Влияние внутриличностного конфликта на потребительское поведение у женщин. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):81-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-81-87

ORIGINAL PAPER

Influence of Intrapersonal Conflict on Women's Consumer Behavior

T.A. Subtsel'naya, V.A. Negriy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The research aimed at testing hypotheses about the link between various types of internal conflict and women's impulse purchases. The most detailed consideration is the value-semantic conflict as a phenomenon caused by the interaction of the most important personal structures. The author studied consumer values, subjective financial and personal well-being, as well as varieties of irrational consumer behavior as additional ones: conspicuous consumption and orientation towards materialism. The paper revealed the consistency between certain types of internal conflict of the individual and a certain type of impulse consumer behavior. The patterns found open a wide scope for further development of this problem by introducing additional personality constructs, expanding the sample, and using more accurate diagnostic instruments.

Keywords: consumer behavior; consumer behavior factors; consumer preferences; intrapersonal conflict; internal conflict

For citation: Subtsel'naya T.A., Negriy V.A. Influence of intrapersonal conflict on women's consumer behavior. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):81-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-81-87

Одной из ключевых характеристик современного человека является его погруженность в мир избыточного разнообразия вещей и услуг. Помимо простого удовлетворения бытовых потребностей, товары стали приобретать значение элементов, задающих координаты символического простран-

ства значений социального мира, в котором реализует свою жизнедеятельность человек, выступающий в роли потребителя [1]. Психологические науки не избежали данной тенденции и в настоящее время проблема изучения психологического содержания потребительского поведения сохраняет свою актуальность.

Потребительское поведение как предмет исследования занимает междисциплинарное положение, поскольку находится в фокусе психологии, экономики, социологии и пр., однако традиционно его принято классифицировать как раздел экономической психологии [2]. Если в экономике поведение представляется как рациональное, логически обоснованное критериями извлечения максимальной полезности, то психология рассматривает его как определенную сферу жизни человека, равно подчиненную любым другим определяющим ее психологическим законам. Помимо так называемого функционального спроса на товар, обоснованного объективно существующими запросами потребителя и отвечающими им характеристиками, существует нефункциональный спрос, вызванный преимущественно психологическими причинами. К их числу могут быть причислены мода, престиж, желание выделиться или улучшить собственный образ в глазах других — все это видоизменяет полезность товара, моделируя ее психологическими факторами [3, 4].

Потребительское поведение представляет собой социальную активность, включающую приобретение, использование товаров и услуг и избавление от них, а также процессы решения, предшествующие этой активности и следующие за ней [5]. Взаимозависимость и взаимообусловленность всех компонентов, определяющих социальное поведение, создает трудность для выделения одной составляющей, которую можно сделать предметом полноценного исследования. Именно поэтому в качестве такой компоненты нами был выбран внутренний конфликт как структура, связанная с мотивацией, ценностями, самооценкой и пр.

Внутриличностный конфликт является сложным психическим явлением, в котором задействованы многоуровневые психические структуры (саморегуляция и волевая регуляция, рефлексия; эмоциональная, потребностная, смысловая сферы и т.д.) [6]. Любое противоречие, составляющее внутренний конфликт личности, так или иначе находит свое отражение в системе личностных ценностей, которое определяет направленность и содержание деятельности человека, являясь важным компонентом его смысловой сферы. Наличие ценностной дезинтеграции в одной или нескольких сферах жизни может задавать ориентиры жизненной активности субъекта, пытающегося разрешить

данный конфликт [7]. Независимо от причины раскогласований, внутриличностный конфликт всегда имеет ценностную обусловленность, так как его полюса наделены личностным смыслом, который, в свою очередь, является собой индивидуальную ценность [8].

Так как внутриличностный конфликт характеризуется ценностной ориентацией, направленностью и глубиной, его можно изучать во взаимосвязи с внешне наблюдаемым поведением. В данном исследовании рассматривается влияние внутреннего конфликта на потребительское поведение женщин. Гендерная проблематика обусловлена тем, что в формируемом средствами медиа социальном пространстве женщине отводится роль более активного потребителя и одновременно навязывается большое число одинаково значимых ролей, реализация которых также требует определенной потребительской активности. Гендерная культура предусматривает распределение социальных функций в соответствии с половой принадлежностью, что формирует, в том числе, модели потребительского поведения, и гендерный аспект фигурирует как фактор, определяющий сегментацию потребительского рынка и позиционирование определенных товаров [9]. Такая обусловленность предполагает взаимосвязь ценностно-смыслового конфликта личности с потребительскими ценностями, и, как следствие, психологически детерминированным потребительским поведением.

Цель исследования заключается в установлении характера взаимосвязи между особенностями внутриличностного конфликта женщин и психологическими характеристиками их потребительского поведения.

В ходе исследования были подвергнуты проверке следующие гипотезы:

1. Существует взаимосвязь между определенными типами внутреннего конфликта и психологическими типами потребительского поведения.

2. Конфликтность ценностно-мотивационной сферы будет оказывать влияние на такие психологические характеристики потребителя, как: потребительские предпочтения; склонность к демонстративному потребительскому поведению и ориентация на материализм; субъективное и субъективное финансовое благополучие.

В исследовании приняли участие 45 человек: 31 женщина (экспериментальная группа)

и 14 мужчин (контрольная группа). Средний возраст 27,4 года (26,4 — для женщин, 29,8 — для мужчин).

Для проверки выдвинутых гипотез были применены:

- методика А. И. Шипилова и А. Я. Анцуповой «Определение уровня внутриличностной конфликтности», основанная на концепции внутриличностного конфликта как конфликтности структур внутреннего мира личности (выделено шесть основных типов) [10];

- методика Е. Б. Фанталовой «Диагностика внутреннего конфликта», оценивающая глубину внутреннего конфликта, вызванного разрывом между «ценным» и «достижимым» [11];

- методика О. С. Посыпановой «Психологический профиль потребителя», используемая для выявления направленности потребительского поведения [12];

- методика «Склонность к демонстративному потреблению» О. С. Посыпановой, направленная на выявление склонности к показному потреблению и преобладающего вида демонстративности в покупках и использовании товаров [12];

- полоролевой опросник С. Бем, направленный на диагностику психологического пола и определение степени андрогинности, маскулинности и фемининности личности [13];

- опросник Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации», разработанный с опорой на концепцию В. Франкла о стремлении к смыслу, позволяющий оценить переживание индивидом осмысленности своей жизни [14];

- методика «Шкала субъективного благополучия», разработанная группой французских психологов во главе с А. Перуэ-Бадю и адаптированная в русскоязычной версии М. В. Соколовой, предназначенная для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия [15];

- «Опросник ориентации на материализм», разработанный М. Ричинс и С. Доусоном и адаптированный в русскоязычной версии В. А. Хащенко, который рассматривает материализм как потребительскую ориентацию субъекта, отражающую субъективную значимость материальных предметов, которые его окружают [16];

- «Опросник субъективного экономического благополучия» В. А. Хащенко, где рассматривается отношение личности к материаль-

ным аспектам жизни и ее жизненная позиция в сфере материальных устремлений и потребления [16].

Исследование проводилось в два этапа. **На первом этапе** исследования осуществлялась проверка первой гипотезы путем оценки взаимосвязи типов внутриличностного конфликта и типов потребительского поведения, а также значения феминности — маскулинности и общей осмысленности жизни. Данный этап исследования проводился как на женской, так и на мужской выборке. В качестве основных инструментов диагностики были использованы опросники «Определение уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова и А. Я. Анцупова и методика «Психологический профиль потребителя» О. С. Посыпановой; в качестве вспомогательных — полоролевой опросник С. Бем и опросник «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева.

Перейдем к описанию полученных результатов.

1.1. Общая характеристика выборки.

Первоначально решалась задача по оценке основных переменных в данной выборке и одновременно их гендерное сравнение. По частоте встречаемости определенных конфликтов существенных гендерных различий не наблюдалось, незначительно более выраженными у женщин являются мотивационный конфликт (9,35) и конфликт самооценки (10,11), у мужчин — моральный (9,77) и ролевой (9,55) конфликты. Распространенность определенных типов потребительского поведения у мужчин и женщин также не показала существенных различий.

1.2. Исследование взаимосвязи конфликтности личности и характеристики потребительского поведения.

Оценка взаимозависимости конфликтности личности и характеристики потребительского поведения производилась с использованием методов статистической обработки данных.

Сравнение мужской и женской выборки с помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента не выявило статистически значимых различий и подтвердило наличие такого различия по психологическому полу, $p < 0,001$. Для оценки тесноты связи между тестами из разных групп вычислялся коэффициент корреляции Спирмена. Ни один из коэффициентов не оказался статистически значимым на уровне 0,05.

Поскольку распределения переменных не имели значительных отклонений от нормальности, для оценки линейной связности между ними использовался также коэффициент корреляции Пирсона. Ни один из коэффициентов не оказался статистически значимым, кроме коэффициента корреляции между адаптационным типом конфликта и типом потребительского поведения «индивидуалист»: обратная зависимость, $p = 0,034$. Также наблюдалась тенденция к значимости для коэффициента корреляции между конфликтом нереализованного желания и типом «равнодушный»: обратная зависимость, $p = 0,086$.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что основная гипотеза первого этапа исследования получила только частичное подтверждение, и мы можем говорить лишь об общих тенденциях касательно взаимосвязи типов внутреннего конфликта и типов потребительского поведения.

Второй этап исследования был направлен на проверку второй гипотезы, в которой внутренний конфликт был сужен до ценностно-смыслового: изучалась его взаимосвязь с потребительскими ценностями; иррациональным потребительским поведением (на примере демонстративного потребления и ориентации на материализм); субъективным личным и финансовым благополучием.

Поскольку предположение о гендерной обусловленности также было опровергнуто, второй этап исследования проводился только на женской выборке. В качестве диагностических инструментов были использованы методика «Диагностика внутреннего конфликта» Е.Б. Фанталовой, методика «Склонность к демонстративному потреблению» О.С. Посыпановой, шкалы субъективного благополучия, субъективного финансового благополучия и ориентации на материализм, авторский опросник потребительских предпочтений. Статистическая обработка не проводилась по причине недостаточного объема выборки.

2.1. Общая характеристика выборки.

Распределение фрустрированных ценностей в опрошенной выборке показало, что к числу наиболее конфликтных сфер у женщин относятся «любовь» (3,52), «деньги» (3,42), «здоровье» (3,02) и «семья» (2,8); к числу наименее конфликтных — «активная жизнь» (1,87) и «свобода» (1,9).

Склонность к демонстративному потреблению и ориентация на материализм, отражающая субъективную значимость для индивида приобретения и обладания вещами, были отобраны нами как формы конфликтного потребительского поведения, направляемого иррациональными мотивами. К наиболее распространенным мотивам демонстративного потребительского поведения у женщин относятся «снобизм» (1,58), «привлечение внимания» (истероидность) (1,29), «мода» (1,26) и «разрядка» (1,26); к наименее распространенным — «самоутверждение» (0,96) и «перфекционизм» (1). Что касается ориентации на материализм, то можно сделать вывод, что у женщин потребление и обладание вещами не ассоциируется с личным счастьем.

Результаты сравнительного анализа показателей шкал субъективного благополучия и субъективного финансового благополучия (как состояний, свободных от конфликтов), показали, что женщины с низким субъективным благополучием и низкой осмысленностью жизни обладали более высокими показателями оценки адекватности дохода (12,56), благосостояния семьи (10,75), финансового оптимизма (21,06) и одновременно финансовой депривации (16,75). Более высокая финансовая тревожность наблюдалась у женщин с высоким субъективным благополучием и высокой осмысленностью жизни. Женщины моложе 25 лет испытывали более высокую финансовую тревожность и более низкий финансовый оптимизм, старше 25 лет — более высокую адекватность дохода и более низкую финансовую депривацию.

2.2. Исследование взаимосвязи ценностно-смыслового конфликта и различных характеристик личности как потребителя.

На данном этапе исследования осуществлялось сопоставление конфликтности определенных ценностей индивида и тех категорий товаров и услуг, которые являются для него наиболее привлекательными.

В качестве выраженности ценности определенной категории или, наоборот, ее обесценивания нами были условно приняты отклонения от среднего значения > 1 . Наибольшее число подобных отклонений имели женщины, переживающие недоступность таких ценностей, как «активная жизнь» и «интересная работа». Конфликтность ценности «активная жизнь» коррелировала со значимостью таких категорий товаров, как «продукты питания» (1,13),

и незначимостью категорий «книги и медиатовары» (-1,01), «бытовая техника» (-1,12), более всего — «одежда и обувь» (-2,59). Недоступность ценности «интересная работа» согласовывалась с переоценкой «товаров для здоровья» (2,09), «цифровой электроники» (1,86) и «косметики» (1,4) и с обесцениванием «одежды и обуви» (-1,41), «книг и медиатоваров» (-2,44) и «спорттоваров» (-1,32). Женщины, имевшие конфликтность ценности «здоровье», оценивали категорию «спорттовары» как малопривлекательную (-1,15). Товарная категория «одежда и обувь» оказалась значимой при конфликте ценности «друзья» (1,25) и незначимой при конфликте ценности «любовь» (-1,67). Женщины с личностной проблемой «уверенность в себе» оценивали как важные «спорттовары» (1,05) и «книги и медиатовары» (1,94), и как неважные — «товары для здоровья» (-1,49). У лиц с конфликтностью ценностей «счастливая семейная жизнь» и «познание» отклонений от среднего не наблюдалось.

Для того чтобы узнать, может ли внутренняя конфликтность оказывать общее искажающее влияние на мотивы и ценности, регулирующие потребительское поведение, были диагностированы склонность к демонстративному потребительскому поведению и ориентация на материализм («вещизм»). Выборка была разделена на две группы: женщины с высокой и низкой внутренней конфликтностью.

У женщин с наличием внутреннего конфликта склонность к демонстративному поведению (12,0) была практически такой же, как у женщин с низкой внутренней конфликтностью (11,8). Относительно выраженности отдельных ее разновидностей можно сказать, что у женщин с внутренним конфликтом была более выраженная склонность к снобизму (0,7) и моде (0,43). У женщин с низкой конфликтностью доминировал мотив статусности (0,6), незначительно — перфекционизм (0,2) и бегство от бедности (0,2).

Во второй раз выборка была поделена на женщин со склонностью к материализму и не имеющих таковой. Женщины со склонностью к материализму имели более выраженный внутренний конфликт и более низкую осмысленность жизни; к наиболее конфликтным для них сферам относились «любовь» (4,2), «здоровье» (3,6) и «уверенность в себе» (2,2). Женщины без ориентации на материализм характеризовались низкой внутренней конфликтностью, не имели акцентуаций по конфликтным ценностям и по-

казывали высокие значения осмысленности жизни. Также у женщин с высоким уровнем материализма более выражено представление о том, что обладание вещами способствует личному счастью, и менее развито чувство собственности, ценности вещей самих по себе, что можно рассматривать как здоровую форму проявления материализма. Таким образом, на примере склонности к материализму можно сделать косвенный вывод о том, что потребление может выступать разновидностью защитного поведения.

Последняя исследуемая взаимосвязь внутренней конфликтности и психологических характеристик личности как потребителя касается субъективного личного и финансового благополучия. Эти две переменные были отобраны нами как состояния, предположительно свободные от конфликтов как во внутреннем мире, так и во внешней социальной активности. На данном этапе выборка снова была поделена на две группы по принципу выраженности внутреннего конфликта. Сопоставление двух групп по параметрам субъективного благополучия и субъективного финансового благополучия показало, что различий у них практически не наблюдается.

Также интерес может представлять соотношение характеристик субъективного благополучия и субъективного финансового благополучия, эмоциональный аспект которого выражен в шкалах «финансовый оптимизм», «финансовая депривация» и «финансовая тревожность».

Характеристики субъективного финансового благополучия оказались мало согласованными с показателями субъективного благополучия, за исключением эмоциональной напряженности (12,8) и удовлетворенности повседневной деятельностью (11,7), более высоких у субъектов с низким финансовым оптимизмом и высокой финансовой тревожностью. Что касается различий в выраженности внутреннего конфликта, то здесь прослеживалась высокая корреляция с такими параметрами, как «высокий финансовый оптимизм», «низкая финансовая тревожность» и одновременно «высокая финансовая депривация» — у женщин, которым это свойственно, наблюдалась наибольшая внутренняя конфликтность (60,1).

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что гендер не обуславливает тип внутриличностного конфликта и потребительского поведения. Корреляции между определенными

типами внутреннего конфликта и определенными психологическими типами потребительского поведения обнаружено не было, однако изучение взаимосвязи ценностно-смыслового конфликта с потребительскими ценностями, иррациональным потребительским поведением (на примере демонстративного потребления и ориентации на материализм), субъективным личным и финансовым благополучием позволяет констатировать, что у женщин внутренний психологический конфликт может выступать фактором потребительского поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баринова Н. В. Трансформация потребительского поведения: история и современность. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2018;3(99):140–146.
2. Тарасова Т. В. Понятие стандарта потребительского поведения в рыночной экономике. *Политика и общество*. 2013;7(103):834–842.
3. Kotler Ph., Armstrong G. Principles of Marketing. URL: http://swastapriambada.lecture.ub.ac.id/files/2013/04/Kotler_Principlesofmarketing.pdf
4. Schwartz I. S. The study of consumer behavior and social validity: an essential partnership for applied behavior analysis. *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1991;(24):241–244.
5. Медведева О. С., Кисиогло Т. В. Способы воздействия на потребительское поведение. *Инновационная экономика и современный менеджмент*. 2020;2(28):16–21.
6. Козырев Г. И. Конфликтология. Внутриличностные конфликты. *Социально-гуманитарные знания*. 1999;(2):102–111.
7. Красильников И. А. Психоаналитическая модель внутриличностного конфликта. *Вестник университета*. 2012;(19):224–230.
8. Агапова Т. А. Сущность внутриличностных конфликтов. *Аллея науки*. 2018;2(18):33–345.
9. Beattie H. J., Friese S. Objects, Decision Considerations and Self-Image in Men's and Women's Impulse Purchases. *Acta Psychologica*. 2000;93(1–3):187–206.
10. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М.: Юнити; 1999. 551 с.
11. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М; 2001. 128 с.
12. Посыпанова О. С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Калуга: Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского; 2012. 296 с.
13. Степанова Л. Г. Психологическая диагностика гендерных характеристик личности. Мозырь: Содействие; 2006. 72 с.
14. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. 2-е изд. М.: Смысл; 2000. 18 с.
15. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. Ярославль: НПП «Психодиагностика»; 1996. 11 с.
16. Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; 2012. 432 с.

REFERENCES

1. Barinova N. V. Transformation of consumer behavior: History and modernity. *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;3(99):140–146. (In Russ.).
2. Tarasova T. V. The standard concept of consumer behavior in a market economy. *Politics and society*. 2013;7(103):834–842. (In Russ.).
3. Kotler Ph., Armstrong G. Principles of Marketing. URL: http://swastapriambada.lecture.ub.ac.id/files/2013/04/Kotler_Principlesofmarketing.pdf
4. Schwartz I. S. The study of consumer behavior and social validity: An essential partnership for applied behavior analysis. *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1991;(24):241–244.
5. Medvedeva O. S., Kisioglo T. V. Ways to influence consumer behavior. *Innovative economy and modern management*. 2020;2(28):16–21. (In Russ.).
6. Kozyrev G. I. Conflictology. Intrapersonal conflicts. *Social and humanitarian knowledge*. 1999;(2):102–111. (In Russ.).
7. Krasilnikov I. A. Psychoanalytic model of intrapersonal conflict. *Bulletin of the University*. 2012;(19):224–230. (In Russ.).

8. Agapova T.A. The essence of intrapersonal conflicts. *Alley of Science*. 2018;2(18):33–345. (In Russ.).
9. Beattie H. J., Friese S. Objects, Decision Considerations and Self-Image in Men’s and Women’s Impulse Purchases. *Acta Psychologica*. 2000;93(1–3):187–206.
10. Antsupov A. Ya. Shipilov A. I. Conflictology. Moscow: Unity; 1999. 551 p. (In Russ.).
11. Fantalova E. B. Diagnosis and psychotherapy of internal conflict. Samara: ВАХРАКН-М; 2001. 128 p. (In Russ.).
12. Posypanova O. S. Economic psychology: Psychological aspects of consumer behavior. Kaluga: Publishing House of the KGU named after K.E. Tsiolkovsky; 2012. 296 p. (In Russ.).
13. Stepanova L. G. Psychological diagnostics of personality gender characteristics. Mozyr: Assistance; 2006. 72 p. (In Russ.).
14. Leontiev D. A. Test of meaningful life orientations. 2nd ed. Moscow: Meaning; 2000. 18 p. (In Russ.).
15. Sokolova M. V. The scale of subjective well-being: Guidance. Yaroslavl: SPC “Psychodiagnosics”; 1996. 11 p. (In Russ.).
16. Khashchenko V. A. Psychology of economic well-being. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”; 2012. 432 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Александровна Субцельная — аспирантка кафедры политической экономики, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Tatyana A. Subtsel'naya — Postgraduate student, Department of Political Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4855-3168>

subcelnaya@mail.ru

Варвара Александровна Негрий — аспирантка кафедры образовательных технологий, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Varvara A. Negriy — Postgraduate student, Department of Educational Technologies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9858-1840>

v.negrii@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.06.2022; принята к публикации 20.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.06.2022; accepted for publication on 20.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-88-96
УДК 32(045)

Афганистан: талибы снова у власти

Я.А. Пляйс

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

История «Талибана» – исламской радикальной организации, запрещенной в России – берет свое начало в 90-е гг. XX в. Созданная при активном содействии (в том числе финансовом) Саудовской Аравии, Пакистана, ОАЭ, она на многие годы стала главным врагом США и других стран Запада. Свергнув власть Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в начале 1992 г., талибы удерживали ее до 2001 г. Поставив под свое господство значительную часть страны, «Талибан» провозгласил о создании государства нового типа – Исламского эмирата Афганистана, признанного несколькими странами, в том числе спонсорами. В самом конце 2021 г. талибы вынудили США и их союзников спешно покинуть Афганистан и снова взяли власть в Кабуле (талиб в переводе с языка пушту – студент медресе, религиозной школы). Статья посвящена той внутренней и внешней политике, которую «Талибан» стремится проводить в Афганистане. Присмотрит ли общество и мир эту политику, окажется ли она успешной, покажет время. Значительное внимание уделено также различным оценкам мировой общественности событиям в этой стране, в которой гражданская война полыхает уже более 40 лет. В связи с этой темой автор статьи вспоминает также о своих давних выводах, связанных не только с НДПА, но и в целом с политикой СССР по отношению к странам «третьего мира», сопровождая их своими современными оценками.

Ключевые слова: Афганистан; «Талибан»; талибы; Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА); США; Россия

Для цитирования: Пляйс Я.А. Афганистан: талибы снова у власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):88-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-88-96

ORIGINAL PAPER

Afghanistan: The Taliban are Back to Control

Ya.A. Plyajs

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The history of the Taliban, an Islamic radical organization banned in Russia, dates back to the 90s of the twentieth century. Created with the active assistance (including financial) of Saudi Arabia, Pakistan, the UAE, it has become the main enemy of the United States and other Western countries for many years. Having overthrown the power of the People's Democratic Party of Afghanistan (PDPA) in early 1992, the Taliban held it until 2001. Having put a significant part of the country under its domination, the Taliban proclaimed the creation of a new type of state – the Islamic Emirate of Afghanistan, recognized by several countries, including sponsors. At the very end of 2021, the Taliban forced the United States and its allies to leave Afghanistan in a hurry and took power in Kabul again (the Taliban in translation from the Pashto language is a student of a madrasah, a religious school). The article is devoted to the internal and foreign policy that the Taliban seeks to pursue in Afghanistan. Time will tell whether society and the world will accept this policy, whether it will be successful. Considerable attention is also paid to various assessments of the world community of the events in this country, in which the civil war has been raging for more than 40 years. In connection with this topic, the author of the article also recalls his long-standing conclusions related not only to the PDPA, but also in general to the policy of the USSR towards the countries of the “third world”, accompanying them with his modern assessments.

Keywords: Afghanistan; Taliban; Taliban; People's Democratic Party of Afghanistan (PDPA); USA; Russia

For citation: Plyajs Ya.A. Afghanistan: The taliban are back to control. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):88-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-88-96

Когда в 1982 г. меня в качестве советника командировали в Демократическую республику Афганистан, где в апреле 1978 г. произошла революция¹, я и представить не мог, что это историческое событие станет предметом не только моей докторской диссертации, защищенной в 1992 г., но и целого ряда статей, написанных мною и опубликованных в последующие годы². В этих трудах я стремился проанализировать не только весь исторический путь Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), но и критически осмыслить советскую доктрину некапиталистического пути развития и внешней политики СССР, опиравшейся на эту доктрину. В начале 90-х гг. я, разумеется, не мог представить, что афганская тема и тема внешней политики СССР в отношении Афганистана и других стран бывшего третьего мира (Сирии, например) будут сегодня не менее актуальны, чем 30 лет назад.

Однако прежде чем приступить к раскрытию задуманной темы, я хотел бы позволить себе два существенных отступления. Первое из них относится к моей научной деятельности. Многие годы увлеченно занимаясь ею, я всегда стремился как можно глубже вникнуть в причинно-следственные связи происходящих событий, несмотря на очевидную сложность такого метода. При этом я осознанно исходил из того, что, если эти связи не понять, то не уразумеешь, насколько полезен или, наоборот, вреден приобретенный исторический опыт, а также — верен или ошибочен был избранный путь и проводимая властями политика. При этом я давно понял, насколько важна верная теория, исходя из которой должны решаться конкретные проблемы политики — как внутренней, так и внешней. Но мне стало ясно и то, как вредна ложная теория, заводящая в тупик.

Создать хорошую теорию, способную выдержать экзамен практики и времени, очень непросто. Такой вывод верен в отношении *любой* науки, в том числе социально-политической. Пренебрежение к такому, казалось бы, аксиоматическому выводу, нередко приводит не только

к драматическим, но и трагическим последствиям. Достаточно вспомнить о тех социально-политических драмах и трагедиях, которые с нашей страной не раз случались в XX в. Нет сомнения в том, что, если бы представители общественных наук вкупе с властями более адекватно и своевременно отвечали на возникающие вызовы времени, драм и трагедий было бы куда меньше.

Второе отступление связано с некоторыми моими давними научными идеями и выводами. Они взяты в виде цитат из упомянутых выше работ и дополнены современным их пониманием. «Государственный социализм, — полагал я 30 лет назад, — способный эффективно функционировать в рамках тоталитарной системы лишь непродолжительное время, исчерпал свои возможности в Советском Союзе, как представляется, уже в 50-х гг. Не решив проблемы собственности и власти в пользу трудящихся, осуществив тоталитарное огосударствление экономики, политики, идеологии, став тем самым тормозом социально-экономического прогресса, такой тип социального устройства мог быть пригодным для относительно кратковременного эксперимента и лишь при условии активного стимулирования и поддержки извне. Длительной исторической перспективы изначально не могли иметь и те силы, которые выступали апологетами этого эксперимента», включая революционно-демократические партии [1].

Спустя три десятилетия я по-прежнему считаю, что проблему собственности и власти следует решать в пользу трудящихся, т.е. тех людей, кто своим трудом создает материальные и интеллектуальные ценности страны. Не только потому, что это более справедливо, но и потому, что это более эффективно. При этом непосредственная, юридически закрепленная связь с производительными силами и собственностью должна выступать неременным условием и основой интереса человека, главной его мотивацией к производительному труду. На эту важную идею я не раз обращал внимание [2, 3].

Весьма актуален сегодня и следующий фрагмент из автореферата моей первой докторской диссертации, защищенной в самом конце 1992 г.: «Немаловажное значение для стран третьего мира, — говорится в нем, — будут иметь и процессы, происходящие в наше время в таких государствах, как Китай, Индия, в странах арабского Востока. Как бы ни развивались события в будущем, сейчас ясно одно: на смену биполярно-

¹ Сразу же после свершения этой революции ее стали называть государственным переворотом, для чего, на мой взгляд, было достаточно оснований. Революцией этот переворот стал уже в процессе развития процесса.

² К 40-летию Саурской (Апрельской) революции в Афганистане: размышления очевидца и исследователя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-afganskoy-tragedii-k-40-letiyu-aprelskoy-saurskoy-revoljutsii-v-afganistane/viewer>

му миру, ставшему достоянием истории, идет многополюсный мир, резко увеличивающий многовариантность общественного развития, а с ней и выбор развивающихся государств, и революционно-демократических партий. Хотя их положение в этом мире будет, несомненно, намного сложнее, чем прежде, шансы этих стран найти верную дорогу движения по пути прогресса, лежащую не в стороне, а в русле их естественного исторического развития, также возрастают» [1].

Обращаясь к теме трансформации международных отношений в постбиполярное время, я не раз писал о том, что мир всегда был и будет многополярным. Это его состояние константно, поскольку всегда были и будут региональные лидеры или региональные сверхдержавы. После победы одной из сверхдержав мир на время становится однополярным, но затем из наиболее успешно развивающихся региональных держав выявляется новый претендент на роль глобального гегемона. Он вступает в борьбу за лидерство и, в случае его успеха, мир вновь возвращается в биполярному состоянию, но уже нового типа. Таков, как мне представляется, незыблемый закон развития мира и международных отношений.

Хотел бы обратить внимание читателя на еще один фрагмент из автореферата. Констатируя, что «в межгосударственных отношениях направляющую роль играли господствующая партийная идеология и интересы межпартийных отношений», я приходил к выводу, «который следует извлечь политикам из этого негативного опыта», состоящий в том, «что межгосударственные отношения нельзя подчинять отношениям между партиями. Нельзя допускать также, чтобы принципы отношений между партиями (даже правящими), например, принцип пролетарского интернационализма, становились принципами отношений между странами» [1].

Несмотря на обоснованность такого утверждения, нужно учитывать и тот факт, что гуманистическая суть советской внешней политики, выраженная в партийной идеологии, сыграла определенную положительную роль в истории взаимоотношений СССР с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, и плоды этих отношений мы вкушаем до сих пор, что неоднократно подтверждалось в последние годы конкретными действиями. По этой причине отрицать роль идеологии во внешней политике государства, очевидно, не стоит. Дру-

гое дело, насколько эта идеология соответствует духу времени.

* * *

Переходя к теме, указанной в названии статьи, я хотел бы, во-первых, напомнить читателю, что происходило после 30 августа 2021 г., когда к власти пришел «Талибан» (организация, запрещенная в РФ), и о публикациях по афганской тематике за это время; во-вторых, о том, какое место, по моему мнению, афганская тема будет занимать в российской и мировой политике после 24 февраля 2022 г., т.е. после начала специальной военной операции России на Украине.

Приступая к первому сюжету, должен сразу же заметить, что с уходом (точнее говоря, бегством) американцев из Афганистана и возвращением к власти талибов, ситуация не только в этой стране, но и в целом в регионе изменилась кардинально. Главным образом потому, что не известно, как долго «Талибан», опираясь на догматы фундаментального ислама, удержится у власти, какую будет проводить внутреннюю и внешнюю политику, в том числе в отношении соседей по региону, а также России. Год, прошедший после прихода талибов к власти, на мой взгляд, — недостаточное время, чтобы определенно ответить на эти вопросы.

По поводу скоропалительного бегства американцев в мировой прессе было опубликовано немало статей и комментариев. Обращаясь к ним, я хотел бы, прежде всего, привлечь внимание читателя к интервью известного голливудского кинорежиссера Оливера Стоуна, который сам служил пехотинцем во Вьетнаме и чьи фильмы, а также книги о США, отличаются не только смелостью, но и достаточно высокой степенью объективности. Интервью, на которое я ссылаюсь ниже, он дал через несколько дней после ухода США из Афганистана. Отвечая на вопрос о том, как все произошедшее повлияет на имидж Америки в мире и на образ ее исключительности, Стоун сказал: «Поведение Америки в этих войнах деструктивно. Частично — из-за того, что ЦРУ управляло войной в Афганистане, определенными ее составляющими. То же самое было и в Ираке, и во Вьетнаме» [4].

Среди других оценок и высказываний Стоуна из этого интервью я обратил внимание на следующее. На вопрос, как бы он назвал продолжение своего сериала по новейшей истории, он ответил: «Эпоха заката». «У нас огромная военная

машина по всему миру. Выводом из Афганистана мы никаких денег не сэкономим. Они возьмут эти самые деньги и направят их против Китая. В следующем году военный бюджет только вырастет»³. Напомнив далее, как все начиналось, Стоун сказал следующее: «Збигнев Бжезинский в 1979 г. уговорил президента Джимми Картера поддержать моджахедов в их убежищах против правительства Афганистана, причем еще до ввода войск СССР. Бжезинский был поляком и глубоким врагом русских. Он хотел, чтобы СССР своим вводом войск попал в ловушку, что Леонид Брежнев и сделал. Это была большая ошибка. Мы же с самого начала поддержали моджахедов, чтобы те убивали русских. Бжезинский гордился этим, он говорил: «Что такое кучка взбудораженных исламистов, если речь идет о падении коммунизма?» И этим пронизана вся история. Великобритания проделывала это многократно. Они всегда поддерживали фундаменталистов против умеренных элементов. Потому что это отвечало колониальным интересам по контролю над ресурсами. Разделяй и властвуй — таков рецепт победы. Они разделяли колонии, ставили на службу своим интересам. США последовали именно в этом русле. Мы совершенно провально сделали это в Афганистане, продолжаем это делать и в Ираке. Многие говорят, что мы и спровоцировали сопротивление в Ираке, посеяв там идеи фундаменталистов» [4].

Вскоре после вывода американских войск из Афганистана, а именно 28–29 сентября 2021 г. в Конгрессе США прошли слушания, посвященные обстоятельствам этого события. Показания давали глава Пентагона Ллойд Остин и председатель объединенного комитета начальников штабов Марк Милли. В середине сентября объяснения по тому же поводу там же давал госсекретарь Энтони Блинкен. В целом конгрессмены и в первом, и во втором случае остались недовольны полученными разъяснениями [5].

Сразу же после упомянутых американских слушаний и дискуссий афганскую проблему начали активно обсуждать на различных международных форумах и площадках. Например, на чрезвычайном саммите по Афганистану, состоявшемся по инициативе премьер-министра Италии Марио Драги 12 октября 2021 г., где в формате

видеоконференции Россию вместо В.В. Путина представляли заместитель министра иностранных дел Игорь Моргулов и спецпредставитель президента РФ по Афганистану Замир Кабулов. Подготовку этого саммита начали сразу же после прихода к власти в Кабуле «Талибана». Речь на саммите шла о плане помощи афганскому народу, в частности о защите гражданского населения, соблюдении прав человека, противостоянии терроризму, регулировании миграционных потоков [6]. На саммите было решено оказать Афганистану финансовую помощь. Евросоюз решил выделить миллиард долларов — не только Афганистану, но и граничащим с ним странам, чтобы помочь им справиться с потоками афганских беженцев. По сообщениям печати, из 7 млн афганских беженцев 5 перебравшись в Иран. США обещали увеличить помощь Кабулу на 300 млн долл., 200 млн в течение года выделит Япония, 31 млн — Китай. Однако США и ЕС отказались разморозить афганские активы (9–10 млрд долл.) [7].

Вскоре после саммита G20, 20 октября 2021 г., состоялось заседание Московского формата консультаций по Афганистану, которому предшествовала конференция расширенного формата «тройка плюс» (Россия, США, Китай, Пакистан). В заключительном заявлении заседания упомянутого выше Московского формата говорилось, что приход к власти в Афганистане талибов должен учитываться как «новая объективная реальность». Однако основная проблема этой реальности состоит в том, что талибы еще не обрели легитимность внутри страны, что должно произойти либо путем общенациональных прямых выборов, либо — референдума, либо — традиционного для афганцев института Лойя джирги (всеафганское собрание народных представителей), либо как-нибудь еще. Говорить о признании власти талибов международным сообществом без ее признания внутри страны не приходится. Это, в свою очередь, не может случиться без перехода «Талибана» от военного, разрушительного мышления к мирному, созидательному. Однако опыт многих стран убедительно доказывает, что это очень сложный и весьма долговременный процесс. «Отличительной чертой заседания московского формата 20 октября и предшествовавшей ей конференции расширенного формата “тройка плюс” (Россия, США, Китай, Пакистан), — пишет независимый афганский политолог Гаус Джанбаз, — стало отсутствие на форумах американских представителей». Джанбаз объясняет возникшую

³ Оливер Стоун оказался прав: в середине марта 2022 г. военный бюджет вырос более чем на 70 млрд долл. и перевалил за 800 млрд долл.

на заседании ситуацию тем, что накануне этого мероприятия ушел в отставку спецпредставитель Госдепа США по афганскому урегулированию, посол Залмай Халилзад — ветеран американской политики на афганском направлении, а сменивший его на этом посту Том Уэст еще не успел войти в курс дела [8].

* * *

Осенью 2021 г. в повестке дня различных международных и российских форумов афганская тема зачастую стояла как заглавная. Она, например, предметно обсуждалась на ежегодной девятой встрече секретарей Советов безопасности стран СНГ, состоявшейся 17 ноября 2021 г.

По мнению секретаря СБ РФ Николая Патрушева, участвовавшего в этой встрече, если новым властям в Кабуле не удастся нормализовать ситуацию, а международному сообществу — оказать афганскому народу действенную помощь, то события могут развиваться по катастрофическому сценарию, включая новый виток гражданской войны, всеобщее обнищание населения и голод. «Какие последствия будут для региона, прежде всего, для стран СНГ, да и всего мира в целом, — сказал Патрушев, — прогнозировать трудно. Ясно, что они окажутся крайне негативными». Патрушев особо подчеркнул, что нельзя допускать, чтобы Афганистан вновь стал полигоном для необдуманных геополитических авантюр внешних игроков. «Имею в виду, прежде всего, — сказал он, — попытки США и их союзников под предлогом ухудшения обстановки в этой стране закрепиться в регионе, в том числе на пространстве СНГ» [9].

Афганская проблема обсуждалась и на других площадках, в частности, на встрече министров внешнеполитических ведомств стран Центральной Азии и ЕС, во второй половине ноября 2021 г. в Бишкеке. В этом же месяце там состоялась международная конференция «Страны Центральной Азии в новых геополитических условиях на фоне ситуации в Афганистане». Эксперты, участвовавшие в этом форуме, пришли к единому выводу, что обстановка в Афганистане усилила неопределенность развития Центральной Азии, создала предпосылки для обострения ситуации внутри всего региона. «США ушли из Афганистана, — отмечает доктор политических наук С. С. Жильцов, — переложив проблемы развития этой страны на его соседей, в первую очередь на страны Центральной Азии, часть из которых имеет с ней общую

границу». Заместитель секретаря Совета безопасности Киргизии Таалабек Масадыков отметил на этой же конференции, что практически все страны Центральной Азии установили контакты с новыми властями, пытаются обсуждать с ними различные вопросы двустороннего взаимодействия и регионального сотрудничества. «Афганистан, — сказал бывший министр иностранных дел Киргизии Муратбек Иманалиев, — остается и предположительно останется в будущем главным источником трансграничных преступлений и иных опасностей» [10].

Ситуацию в Афганистане обсуждали также генеральные прокуроры государств — участников СНГ во время 31-го заседания Координационного совета, состоявшегося в сентябре 2021 г. в Нур-Султане. Генеральный прокурор России Игорь Краснов, которого во второй раз подряд избрали председателем Координационного совета, призвал своих коллег из СНГ выработать совместные меры по защите от проникновения из Афганистана под видом беженцев террористов, наркоторговцев и других криминальных элементов. Принятый на заседании Совета пятилетний план по обеспечению пограничной безопасности должен повысить защищенность от актуальных угроз, исходящих с территории Афганистана [11].

Афганская тема была одной из центральных также на юбилейном саммите ШОС и совместной встрече лидеров этой организации и ОДКБ. Здесь речь шла в основном о помощи Афганистану, его восстановлении и предупреждении рисков безопасности. В принятой совместной декларации участники саммита призвали «к становлению Афганистана в качестве независимого, нейтрального, единого, демократического и мирного государства, свободного от терроризма, войны и наркотиков» [12].

Выступая на этом саммите в формате видеоконференции, В. В. Путин сказал, что американцы и их союзники оставили после себя «открытый ящик Пандоры, полный проблем, связанных с терроризмом, наркотрафиком, организованной преступностью и, к сожалению, религиозным экстремизмом. Страна оказалась в состоянии полной экономической и социальной разрухи. При этом, уходя, западное сообщество бросило целый арсенал современного оружия, военной техники и боеприпасов». «Помочь Афганистану обрести, наконец, мир и стабильность, безусловно, в наших общих интересах, — заявил далее Путин. — Особое значение имеет налаживание ре-

зультативного межафганского диалога с участием всех этнических, религиозных и политических групп». Президент России поддержал идею со- зыва под эгидой ООН международной донорской конференции по Афганистану, задачей которой было бы, как представляется, определение мер, а также источников решения проблем, связанных с налаживанием нормальной жизни в этой стране. Ситуация в афганской экономике крайне тяжелая, все средства в зарубежных банках заморожены. «Есть опасность, — отметил также Путин, — что отсутствие средств в казне Афганистана может подтолкнуть тех, кто контролирует сегодня страну, к тому, чтобы зарабатывать на торговле наркоти- ками и оружием»⁴ [12].

Активные международные контакты и обсу- ждение афганской темы продолжилось и в 2022 г., хотя их интенсивность снизилась в связи с на- чалом 24 февраля 2022 г. специальной военной операции России на Украине. Тем не менее афган- ская тема по-прежнему актуальна. Так, например, в конце марта 2022 г. в китайском городе Туньси состоялась третья конференция стран — соседей Афганистана (РФ, КНР, Иран, Пакистан, Таджи- кистан, Туркмения и Узбекистан).

Отдельно от переговоров министров было проведено очередное заседание расширенной «тройки» по Афганистану (РФ, КНР, США и Па- кистан) на уровне специальных представителей этих стран. От Афганистана в переговорах уча- ствовал министр иностранных дел временного правительств Амир Хан Моттаки. Участники кон- ференции, особенно представители КНР и Ирана, настаивали на том, что соседи Афганистана и все международное сообщество должны оказывать ему более значительную помощь и поддержку. Участники переговоров в Туньси сетовали на то, что на фоне Украины мировое сообщество практически забыло об Афганистане.

Участник конференции в Туньси министр иностранных дел Ирана Хосейн Амир Абдолла-

хиян 30 марта 2022 г. заявил, что странам нужно более внимательно относиться к тем проблемам, с которыми сталкиваются афганские власти. «Аф- ганистан, — отметил он, — заслуживает большего внимания со стороны мирового сообщества. Иран и Китай надеются увидеть Афганистан стабиль- ным, развитым и активно сотрудничающим с со- седними странами» [13]. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, также участвовав- ший в конференции в Туньси, на встрече с па- кистанским коллегой Шахом Мехмудом Куреши отметил: «Те, кто пытался сделать Афганистан центром мировой политики, сейчас пытаются заменить его Украиной, и все понимают, о чем это» [13].

Директор Центра изучения современного Афганистана, научный сотрудник института востоковедения РАН Омар Нессар считает, что «украинский кризис может привести к полному развороту России на Восток», а для диверсифика- ции своих внешнеполитических связей на этом направлении России понадобится доступ к рын- кам Азии. «Это, — отметил он далее, — повышает заинтересованность в трансафганских проектах. В этом контексте будет расти и значение талибов как силы, контролирующей территорию Афганис- тана. И талибы, безусловно, этим пользуются». К сказанному Омар Нессар добавил, что проти- воречия внутри движения «Талибан», как и ряд других факторов, не позволяют пока создавать благоприятные условия для инвестиций и ре- ализации проектов. Трудно даже прогнозиро- вать, какой режим будет в Афганистане, считает О. Нессар [13].

После конференции в Туньси Сергей Лавров вылетел в Индию, где афганская тема, в том чи- сле в ее региональном контексте, также звучала. В частности, речь шла о том, что любые попытки США установить свое и натовское военное при- сутствие на территории соседних с Афганистаном государств, в первую очередь в Центральной Азии, неприемлемы. Такие замыслы противоречат интересам стран региона и России, а также их обязательствам по ОДКБ.

Тема американских военных баз в странах Центральной Азии сейчас особенно актуальна в связи с тем, что в свое время (с 2001 по 2014 г.) эти государства согласились на размещение у них военных баз США. В силу различных причин речь не может идти о размещении военных баз США в Китае, Ираке, Туркмении, Казахстане. Оста- ются Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. На

⁴ В начале апреля 2022 г. СМИ сообщили о том, что «Тали- бан» (запрещен в РФ) запретил выращивать в Афганистане мак, из которого создаются опиумные наркотики. Официа- льное заявление гласило: «Информируем всех афганцев, что с настоящего момента культивирование мака строго запрещено по всей стране». Если урожай обнаружат, его уничтожат, а нарушителей будут судить по законам шари- ата (Metro. 04.04.2022). Отмечая, что это давно назревшее и ожидаемое и, безусловно, верное решение, следует за- дать вопрос: на какие средства будут жить крестьяне, при- выкшие за много лет к этому основному источнику жиз- ни? Не повторяют ли талибы ошибок, совершенных НДПА, например, в той же аграрной области?

территории последних двух стран находились военные базы, однако после ряда цветных революций и последовавших за ними переворотов (например, в 2014 г. на Украине) власти этих стран твердо попросили американцев свернуть свою деятельность, что вскоре и произошло. Несмотря на это, перед выводом своих войск из Афганистана американцы зондировали почву насчет возможности перевести свои войска в Центральную Азию, но безуспешно⁵ [14]. Несомненно, Россия не останется безучастной к тому, что в ближнем зарубежье окажется военная база страны, которая считает РФ своим заклятым врагом. Но и США не забудут о своем скоропалительном бегстве в конце августа 2021 г. и будут стремиться каким-либо образом остаться в Центральной Азии и отыграться за поражение.

«Афганистан, — писал я в своей статье “Как развязать тугой афганский узел”, — еще долгие годы будет оставаться в центре глобальной игры, перекрестком разнонаправленных интересов мировых держав. Тем более, что наряду с, так сказать, традиционными странами (Великобритания, Россия, США, некоторые европейские державы) в борьбу за Афганистан открыто включились новые игроки, ранее не проявлявшие к нему столь пристального внимания. Это Китай, Турция, некоторые арабские государства. Таким образом, афганский узел придется развязывать всем вместе. Другого варианта просто нет. Главный вопрос: как развязывать? Силовой путь, судя по всему прошлому историческому опыту, скорее всего, не будет востребован»⁶.

В данной статье также говорилось: «Принимая во внимание негативный опыт в отношениях с Афганистаном за последние 40 лет, Россия станет искать новый алгоритм сотрудничества с этой страной. Каким этот алгоритм будет, надо еще определить». В начале апреля 2022 г., т.е. через полгода после публикации моей статьи в «Независимой газете», в нашей печати появилось сообщение ТАСС о том, что Россия стала четвертой страной, установившей с «Талибаном» полноценные дипломатические контакты по схеме «временный поверенный». До Российской Федерации таким же образом с талибами стали работать Пакистан, Китай и Туркменистан. За

установление связей с Афганистаном проголосовал и Совет безопасности ООН (речь идет об одностороннем присутствии миссии ООН в Кабуле)⁷. Временным поверенным в делах Афганистана в Москве стал представитель талибов Джамал Насир Гарвал. В середине июня он принял участие в XXV Петербургском международном экономическом форуме. Трудно сказать, насколько решение российских властей об установлении дипломатических отношений (пусть даже на уровне временно поверенного) верно и оправдано, ведь «Талибан» — это организация, запрещенная в РФ и считающаяся террористической. На мой взгляд, здесь есть явное противоречие. Но наши власти исходили, полагаю, из принципа «лучше это, чем ничего». Время покажет. Если не забывать, насколько последовательны, методичны и целеустремлены талибы в своем религиозном фанатизме, то нетрудно представить себе, как будут выстраиваться их практические действия [15, 16].

С начала специальной военной операции России на Украине ситуация в мире и международных отношениях изменилась еще радикальнее, чем после ухода США из Афганистана. С этого момента начались глубинные сдвиги, которые, очевидно, приведут к новому балансу сил в мире и новой глобальной реальности.

Афганская проблема, как и украинская (а также, полагаю, тема всего СНГ), будут еще долго оставаться актуальными и потребуют максимального внимания практиков и ученых для их грамотного разрешения, чтобы «мины замедленного действия», заложенные несколько десятилетий назад (а именно в конце декабря 1979 г. при вводе советских войск в ДРА и 8 декабря 1991 г. при подписании Беловежских соглашений о роспуске СССР), были, наконец, обезврежены. Быстро и безболезненно, это, естественно, произойти не может.

Послесловие. Когда статья уже была готова, в нашей печати появились сообщения о том, что Россия стала первой страной, заключившей экономическую сделку с «Талибаном». «В Афганистан будут поставлять около миллиона тонн бензина и дизельного топлива, 500 тысяч тонн сжиженного газа и 2 миллиона тонн пшеницы в год». Упоминалось также, что «Россия согла-

⁵ В конце апреля 2011 г. в некоторых СМИ появились сообщения о том, что власти Казахстана решили согласиться предоставить США свою территорию для американской военной базы.

⁶ Независимая газета. 18.10.2021.

⁷ Независимая газета. 21.03.2022. Аналогичное сообщение было напечатано в газете «Метро» 8 апреля 2022 г. в статье «Россия определила отношения с Кабулом».

силась предоставлять скидку»⁸. Появились, однако, сообщения о том, что договоренности об экспорте топлива и сельхозпродукции в Афганистан — предварительные и носят испытательный характер. Тем не менее западные СМИ успели охарактеризовать эти договоренности как самую крупную экономическую сделку, которую Кабул заключил с момента захвата власти в 2021 г. О способах оплаты ничего не сообщалось [17].

В других сообщениях говорится о том, что после спешного бегства из Афганистана в августе 2021 г. «США принципиально изменили свою афганскую стратегию. Она стала гораздо менее затратной, но при этом обрела новые возможности в части влияния на режим “Талибана” (организация запрещена в РФ) и на страны региона, оказавшиеся в ловушке новых угроз со стороны различных террористических группировок, обосновавшихся в Афганистане». Новая стратегия США включает в себя закрытые для общественности переговоры с различными влиятельными фигурами «Талибана» как в Кабуле, так

и за пределами Афганистана, к примеру в Катаре, который традиционно выступает посредником между Вашингтоном и талибами. «В выборе между Москвой и Вашингтоном, — пишет далее обозреватель “Независимой газеты” политолог А.Н. Серенко, — руководители “Талибана” сегодня явно предпочитают Америку, тем самым обнуляя пустые надежды мечтателей из внешнеполитического блока РФ на перспективное и надежное стратегическое сотрудничество Москвы и режима талибов» [18].

Большой интерес в США и других странах Запада вызывают также инициативы Ахмада Масуда (Масуда младшего), возглавляющего Фронт национального сопротивления Афганистана (ФНСА), а также экс-главы МИД Афганистана Ханифа Атмара и бывшего главы администраций двух афганских президентов Шакира Каргара, выступающих с новым политическим проектом «Движение за мир и справедливость». Сообщается также, что канал связи с Ахмадом Масудом наладил и Пекин.

В связи с приведенными сообщениями невольно возникает вопрос: неужели в очередной раз геополитика вновь берет верх?

⁸ Россия будет поставлять в «Талибан» топливо и зерно. Metro. 29.09.2022.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пляйс Я.А. Афганистан: истоки трагедии. М.: Международные отношения; 2019.
2. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2010.
3. Пляйс Я.А. Марксизм и социальные революции в России: монография. М.: Центркаталог; 2018.
4. Дунаевский И. 20 лет на взводе. URL: <https://rg.profkiosk.ru/920412>
5. Петров Г. Американских генералов призвали к ответу за Афганистан. URL: https://www.ng.ru/world/2021-09-28/1_8263_usa.html
6. Паниев Ю. «Двадцатка» пообещала Афганистану помощь, но не признание. URL: https://www.ng.ru/world/2021-10-12/6_8275_g20.html
7. Волков К. Талибам заплатят миллиард. URL: <https://rg.profkiosk.ru/928058>
8. Джанбаз Г. У лидеров «Талибана» могут начаться проблемы с собственными боевиками. URL: https://www.ng.ru/ideas/2021-11-24/7_8309_leaders.html
9. Егоров И. На темной стороне интернета. URL: <https://rg.profkiosk.ru/935627>
10. Жильцов С. Афганский узел для Центральной Азии. URL: https://nvo.ng.ru/courier/2021-11-28/11_8312_asia.html
11. Егоров И. Выбор прокуроров. URL: <https://rg.profkiosk.ru/923795>
12. Латухина К. В общих интересах. Российская газета. URL: <https://rg.profkiosk.ru/922536>
13. Субботин И. Талибы адаптируются к последствиям спецоперации. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-30/6_8404_afganistan.html
14. Скосырев В. Москва зажгла красный свет для НАТО в Центральной Азии. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-31/6_8406_asia.html
15. Малашенко А.В. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-03-15/9_526_asia.html
16. Малашенко А.В. Афганистан не дает забыть о себе на фоне Украины. URL: https://www.ng.ru/vision/2022-08-29/2_8525_afganistan.html

17. Субботин И. Россия и Афганистан ставят эксперимент по прорыву изоляции. URL: https://www.ng.ru/world/2022-09-28/1_8551_afganistan.html
18. Серенко А. Афганистан превращается для России в территорию упущенных возможностей. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-12/3_8563_kb.html

REFERENCES

1. Plyais Ya.A. Afghanistan: the origins of the Tragedy. Moscow: International Relations; 2019. (In Russ.).
2. Plyais Ya.A. Political science in the context of a transitional era in Russia. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2010. (In Russ.).
3. Plyais Ya.A. Marxism and social revolutions in Russia. MONOGRAPH. Moscow: Tsentrkatalog; 2018. (In Russ.).
4. Dunaevsky I. 20 years on edge. URL: <https://rg.profkiosk.ru/920412> (In Russ.).
5. Petrov G. American generals were called to account for Afghanistan. URL: https://www.ng.ru/world/2021-09-28/1_8263_usa.html (In Russ.).
6. Paniev Yu. The G20 promised assistance to Afghanistan, but not recognition. URL: https://www.ng.ru/world/2021-10-12/6_8275_g20.html (In Russ.).
7. Volkov K. The Taliban will be paid a billion. URL: <https://rg.profkiosk.ru/928058> (In Russ.).
8. Janbaz G. The leaders of the Taliban may have problems with their own militants. URL: https://www.ng.ru/ideas/2021-11-24/7_8309_leaders.html (In Russ.).
9. Egorov I. On the dark side of the Internet. URL: <https://rg.profkiosk.ru/935627> (In Russ.).
10. Zhiltsov S. Afghan knot for Central Asia. URL: https://nvo.ng.ru/courier/2021-11-28/11_8312_asia.html (In Russ.).
11. Egorov I. The choice of prosecutors. URL: <https://rg.profkiosk.ru/923795> (In Russ.).
12. Latukhina K. In the common interest. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.profkiosk.ru/922536> (In Russ.).
13. Subbotin I. The Taliban are adapting to the consequences of the special operation. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-30/6_8404_afganistan.html (In Russ.).
14. Skosyrev V. Moscow has lit a red light for NATO in Central Asia. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-31/6_8406_asia.html (In Russ.).
15. Malashenko A. V. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-03-15/9_526_asia.html (In Russ.).
16. Malashenko A. V. Afghanistan does not let you forget about yourself against the background of Ukraine. URL: https://www.ng.ru/vision/2022-08-29/2_8525_afganistan.html (In Russ.).
17. Subbotin I. Russia and Afghanistan are setting up an experiment to break through isolation. URL: https://www.ng.ru/world/2022-09-28/1_8551_afganistan.html (In Russ.).
18. Serenko A. Afghanistan is turning into a territory of missed opportunities for Russia. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-12/3_8563_kb.html (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Яков Андреевич Пляйс — доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор-исследователь департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Yakov A. Plyais — Dr. Sci. (Hist.), Dr. Sci. (Pol.), Professor, Research Professor of the Political Science Department, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5837-0256>
uplyas@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.10.2022; принята к публикации 15.11.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article received on 14.10.2022; accepted for publication on 15.11.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102
УДК 32(045)

Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США

Д.С. Крылов
ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется исторический процесс экспансионистской политики мировых держав в регионе Ближнего Востока, особенно – на современном этапе, который происходит в условиях трансформации глобальной системы международных отношений. Отмечается постепенное ослабление влияния политики пространственной экспансии США в данном регионе. Автор рассматривает возможности российской концепции инклюзивной архитектуры безопасности в сфере обеспечения стабильности, мира и порядка на Ближнем Востоке. Отмечается, что ее важной составляющей является потенциал к расширению, который способен открыть новые горизонты сотрудничества как на уровне государств – участников структуры, так и в области защиты интересов третьих стран. Делается вывод, что данный формат системы безопасности способен не только противодействовать экспансионистской политике США, но и сдерживать деструктивные (для России) политики кросс-региональных держав в регионе, и в этой связи отвечает глобальным и региональным национальным интересам Российской Федерации.

Ключевые слова: инклюзивная архитектура безопасности; экспансия; экспансионистская политика; Ближний Восток; Россия; США; международные отношения; внешняя политика

Для цитирования: Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102

ORIGINAL PAPER

Inclusive Security Architecture in the Middle East to Counter the US Expansionist Policy

D.S. Krylov
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the historical process of the expansionist policy of world powers in the Middle East, especially at the present stage, which is taking place in the transformation's context of the global system of international relations. There is a gradual weakening of the influence of the US spatial expansion policy in this region. The author considers the possibilities of the Russian concept of an inclusive security architecture in ensuring stability, peace and order in the Middle East. Also, the author noted that its important component was the potential for expansion, which could open up new horizons for cooperation both at the level of the member states of the structure and in protecting the interests of third countries. The study concluded that this format of the security system could counteract the expansionist policy of the United States, and either to restrain the destructive (for Russia) policies of cross-regional powers in the region, and in that area, meets the global and regional national interests of the Russian Federation.

Keywords: inclusive security architecture; expansion; expansionary policy; Middle East; Russia; USA; international relations; foreign policy

For citation: Krylov D.S. Inclusive security architecture in the Middle East to counter the US expansionist policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102

Крах биполярной системы международных отношений после распада СССР дестабилизировал баланс сил во многих регионах мира. Ближний Восток не стал исключением [1]. Этот регион всегда отличался высоким уровнем конфликтности, что связано как с противоречиями внутри и между государствами региона, так и с активным вмешательством внешних акторов. Исчезновение СССР с мировой арены, который был одним из центров силы на Ближнем Востоке, привело к росту неокOLONиализма и протранственной экспансии США.

В данной работе понятие «Ближний Восток» обозначает не столько географическое, сколько политическое пространство, которое включает в себя Израиль, страны Аравийского полуострова и арабского Машрика, а также государства, которые находятся на границах региона (Египет — на западе, Турция — на севере и Иран — на востоке), поскольку они играют ведущую роль во всех региональных процессах. Поэтому относящийся обычно к Среднему Востоку Иран в рамках данной работы именуется государством Ближнего Востока. При этом важную роль играют географический, ресурсный, логистический и исторический факторы. Так, географически Ближний Восток расположен на стыке Европы, Азии и Африки. С точки зрения ресурсов в недрах стран региона находятся значительные запасы углеводородов. Логистически Ближний Восток является важным элементом для любых транспортных коридоров и трубопроводов различного характера, которые связывают Европу с Азией (Запад с Востоком). Наконец, исторически данное пространство — арена соперничества мировых держав.

Что касается экспансионистской политики на Ближнем Востоке, то ее продвигали многие крупные державы, начиная с Османской империи [2], которая установила здесь контроль в XVI в. После окончания Первой мировой войны Османская империя рухнула, а ее бывшие территории в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений были разделены между странами Антанты (Великобританией и Францией), которые закрепили свое господство над территориями и начали процесс активной экспансии: в частности, Лондон получил «мандат» на Ирак и Палестину с Трансиорданией (позднее — королевство Иордания), а Париж — на Сирию с Ливаном.

Со временем в странах региона начался процесс национально-освободительного движения. В результате после окончания Второй мировой

войны и в начале формирования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений страны Ближнего Востока стали обретать юридическую независимость от бывших метрополий. Тем не менее «независимость» была недолгой. Начавшаяся холодная война привела к разделению региона на тех, кто выступал на стороне Вашингтона, и тех, кто поддерживал Москву.

Впоследствии конфронтация двух мировых держав приведет к распаду СССР. После этого США на протяжении десятилетий оставались единственным гегемоном в регионе, распространяя и укрепляя свое влияние и контроль над ближневосточным пространством путем политики как «жесткой», так и «мягкой» силы. При этом среди идей и концептов, которые внедрялись и распространялись Вашингтоном, крайне деструктивным для ближневосточной подсистемы международных отношений был «демократический транзит», на основе которого США проводили в том числе и смену правящих режимов в отдельных государствах, курс которых расходился с интересами Белого дома. Среди факторов, которые способствовали продвижению данной политики Вашингтоном, следует отметить особую роль «морального износа» власти на Ближнем Востоке, в особенности в период после «арабской весны» 2011 г. В большинстве стран «износ» преодолевался через «отвлекающую» модель реакции власти, что не способствовало укреплению суверенитета и независимости национальных государств региона [3].

Однако возвращение России на мировую арену, начавшееся после Мюнхенской речи В. Путина в феврале 2007 г. и усилившееся в 2014 г. одновременно с возвращением Крыма в состав Российской Федерации, а также начало военной операции в Сирии в 2015 г. привели к значительному сдвигу баланса сил на Ближнем Востоке. Среди прочего, Вашингтон оказался неспособен эффективно в одиночку продвигать свою модель гегемонии [4]. Вместе с тем, как показали события 2015–2022 гг., США не были готовы отказаться от своей экспансионистской политики в регионе и продолжили ее продвигать. В результате к 2022 г. в регионе сформировались пять кросс-региональных держав: Египет, Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция.

При этом трансформация современной системы международных отношений, которая вошла в активную фазу вместе с началом специальной военной операции в феврале 2022 г., помимо прочего, затронула характер и цели политики не только кросс-региональных, но и мировых держав на глобальном и региональном уровнях. В рам-

ках пространства Ближнего Востока это означает противодействие ведущих региональных (кросс-региональных) держав ультимативной политике Вашингтона и продвижение ими собственной экспансионистской политики, которая носит преимущественно идейно-ценностный характер, в отличие от более традиционного — пространственного завоевания и расширения влияния. В первую очередь речь идет о таких центрах силы, как Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Расширение числа вызовов и угроз и эскалация международно-политической обстановкой выдвигают на передний план вопросы обеспечения безопасности, а также создания региональных структур, способных ее поддерживать и эффективно противодействовать возникающим рискам и угрозам. При этом одной из особенностей взаимодействия государств в регионе является их приверженность двусторонним формам сотрудничества. К таковым относятся, например, Кэмп-Дэвидские соглашения, заключенные между Израилем и Египтом [5]. Многосторонние договоренности гораздо менее долговечны и устойчивы.

Исторически на Ближнем Востоке существовали несколько систем безопасности, включая объединенные вооруженные силы под названием «Щит полуострова» в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [6], которые, в частности, участвовали в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов [7]; Исламскую военную коалицию по борьбе с терроризмом во главе с Саудовской Аравией¹; российский проект инклюзивной архитектуры безопасности (ИАБ) на Ближнем Востоке (официальное название отсутствует) [8]. Кроме того, существует продвигаемый США концепт «Ближневосточного стратегического альянса», который должен быть направлен на противодействие Ирану и стать альтернативой НАТО на Ближнем Востоке².

Организация «Щит полуострова» (The Peninsula Shield Force) [9] была создана в конце 1984 г. в ходе пятого саммита ССАГПЗ с целью реагирования на акты возможной военной агрессии против любого государства — участника Совета сотрудничества

арабских государств Персидского залива [6], в том числе — со стороны шиитского Ирана. Совместная группировка «Щит полуострова» активно использовалась в ходе войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг., во время вторжения США и их союзников в Ираке в 2003 г., а также в ходе массовых протестов 2011 г. в государстве Бахрейн (с целью «обеспечения безопасности и порядка»³).

На современном этапе объединенные вооруженные силы участвуют в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов⁴. При этом «Щит полуострова» в рамках данного конфликта продемонстрировал невысокий уровень реальной результативности и полезности в боевых условиях. Кроме того, практика геополитического, геоэкономического и идеологического противостояния Саудовской Аравии и Ирана показала низкую эффективность организации «Щит полуострова» в качестве элемента региональной архитектуры безопасности. Тем не менее данная структура не является полноценным военно-политическим блоком, в отличие от Исламской военной антитеррористической коалиции.

Идея создания Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК) впервые была озвучена наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммадом ибн Салманом 15 декабря 2015 г. Она была поддержана 34 государствами, представители которых собрались в марте 2016 г. на саммите в Эр-Рияде. Стратегически работа коалиции ведется по четырем ключевым направлениям: интеллектуальное; СМИ; борьба с финансированием терроризма; военное⁵.

В декабре 2016 г. число государств-участников расширилось до 41 и, по состоянию на октябрь 2022 г., включает в себя 21 государство Ближнего и Среднего Востока, 17 государств Африки, а также 3 государства Южной и Юго-Восточной Азии.

Формально ИВАК позиционируется как альянс, деятельность которого направлена исключительно против терроризма. Подчеркивается важность борьбы со множеством вызовов в данной сфере, которые угрожают или могут угрожать исламскому миру независимо от источника их происхождения.

³ Бахрейн будет использовать силы «Щит полуострова» для поддержания порядка. URL: https://archive.aawsat.com/details.asp?section=1&article=612637&issueno=11795#.YtGHF_NBy-8

⁴ Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491>

⁵ Направления работы Коалиции. URL: <https://imctc.org/ar/FocusAreas/Pages/default.aspx>

¹ Islamic Military Counter Terrorism Coalition. Focus Areas. URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas>

² НАТО по-арабски: возможно ли создание антииранского военного альянса между США и ближневосточными странами. URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-sshavostok-objedinenie>

Вместе с тем наблюдаются определенные не только региональные, но и религиозные диспропорции. Примечательно отсутствие Ирана, который на современном этапе является центром шиитской части исламского мира, что вступает в противоречие с декларируемыми принципами общемусульманского характера коалиции.

Результаты практической деятельности показывают, что Исламская военная антитеррористическая коалиция в значительной степени является демонстративным образованием, которое направлено не столько на фактическую борьбу с терроризмом, сколько на координацию усилий государств-членов в данной сфере. В этой связи эффективность противодействия ИВАК реальным угрозам в лице различных террористических группировок и квазигосударств оказалась крайне низкой. Так, например, Исламское государство⁶ в Сирии было практически полностью уничтожено благодаря усилиям России и ее союзников в ходе проведения военной операции, несмотря на угрозы со стороны террористов в отношении государств — членов ИВАК, участие которых в этом процессе было минимальным (преимущественно в форме политических заявлений). В борьбе с терроризмом в Ираке, а также в иных региональных конфликтах Исламская военная антитеррористическая коалиция в целом участия не принимала. Тем не менее в процессе создания коалиции многие региональные, кросс-региональные и мировые державы, в том числе Пакистан, Египет, Германия, Турция, США, Китай и др., выражали поддержку данной инициативы.

Таким образом, вероятно, низкая эффективность обуславливается, во-первых, способностью Саудовской Аравии как кросс-региональной державы и формального лидера ИВАК воздействовать на все ключевые процессы на Ближнем Востоке, минимизируя возможные риски и угрозы без вовлечения коалиции [10]; во-вторых, попытками внешнего воздействия со стороны США на процессы в регионе (в том числе на деятельность ИВАК, которая может стать препятствием для распространения Вашингтоном своего влияния на Ближнем Востоке); в-третьих, отсутствием заинтересованности со стороны отдельных участников коалиции, которые не стремятся поддерживать амбиции и устремления Эр-Рияда.

Тем не менее, несмотря на существующие и перспективные сложности, наилучший результат в деле обеспечения региональной безопасности проде-

монстрировала российская инициатива по созданию инклюзивной архитектуры безопасности (ИАБ) на Ближнем Востоке. Ключевой особенностью ИАБ является инклюзивность, которая предполагает вовлечение в диалог и процесс поиска компромиссных решений всех заинтересованных акторов, способных оказывать влияние на региональные процессы, в том числе в сфере безопасности и поддержания стабильности [11]. В настоящее время ИАБ имеет трехзвенную структуру, которая включает в себя Россию, Турцию и Иран. При этом каждая из трех стран ведет собственную антиколониальную политику в регионе Ближнего Востока. Например, Турецкая Республика продолжает взаимовыгодное сотрудничество с Российской Федерацией касательно ракетной системы С-400, несмотря на угрозы и вводимые Западом санкции. Кроме того, Анкара последовательно проводит курс на установление собственных «правил игры» в отношениях с США и государствами Европы. Это подтверждается как миграционным кейсом на фоне кризиса 2015 г., так и процессом, связанным с принятием в члены НАТО Финляндии и Швеции в 2022 г.⁷

Что касается инклюзивной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, то в перспективе возможно расширение влияния на региональные процессы двумя способами (по отдельности или одновременно): через увеличение числа участников (например, путем присоединения к структуре Саудовской Аравии, которая в июне 2022 г. начала попытки нормализации отношений с Ираном⁸, несмотря на длительный период конфронтации и соперничества с Сирией, Йеменом, Ираком, а также конфликт вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе [12]); или же через обеспечение интересов других региональных и мировых игроков государствами — членами ИАБ с применением политических и/или военных методов (например, использование ресурса военной полиции Российской Федерации для обеспечения безопасности предприятий, функционирующих за счет иностранных инвестиций).

Расширение ИАБ любым из указанных способов в перспективе ограничит экспансионистскую политику США в регионе Ближнего Востока, поскольку будет создана разветвленная сетевая структура

⁷ Турция заблокировала переговоры о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО. URL: <https://ria.ru/20220518/turtsiya-1789264775.html>

⁸ Иран и Саудовская Аравия двинулись навстречу друг другу. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3631625.html>

⁶ Организация, запрещенная на территории РФ.

политических, военных и экономических связей между Россией, Турцией, Ираном и иными государствами региона, а также заинтересованными мировыми державами (например, Китаем). Вместе с тем в контексте российских национальных интересов, ИАБ, после достижения необходимого уровня и количества связей между кроссрегиональными державами, будет способна в определенной степени ограничить уже их экспансионистскую политику в регионе Ближнего Востока, которая угрожает интересам Российской Федерации как в военно-политическом, так и в экономическом, и идейно-ценностном пространствах (например, проводимую Турецкой Республикой политику «неосманизма» [13]).

Подводя итоги, следует отметить, что глобальная трансформация системы международных отношений оказывает влияние на политику многих государств в различных региональных подсистемах. США не являются исключением и, вероятно, мы наблюдаем начало конца эпохи их экспансионистской и в отдельных случаях постколониальной политики на Ближнем Востоке. Вместо нее будут проводиться кросс-региональные суверенные внешне- и внутривнутриполитические курсы национальных государств-лидеров, а также расширяться сферы влияния других мировых держав, которым в будущем предстоит выстраивать новый

мировой порядок и формулировать «правила игры». Тем не менее, по состоянию на первую половину 2022 г., данный процесс далек от своего завершения. Вместе с тем возможность усиления числа и уровня интенсивности конфликтов в регионе Ближнего Востока, в связи с ослаблением влияния США, диктует необходимость уделять особое внимание вопросам обеспечения и поддержания безопасности на данном пространстве.

В этом контексте продвигаемый Россией проект инклюзивной архитектуры безопасности является уникальной возможностью создать долгосрочную, гибкую и, вместе с тем, эффективную систему безопасности на Ближнем Востоке. В ИАБ уже вовлечены две из пяти кроссрегиональных держав. Расширение количества членов может открыть новые возможности для диалога и противодействия деструктивным действиям Вашингтона. Кроме того, расширение возможностей и сфер применения механизмов, функционирующих в рамках ИАБ, позволит России и другим заинтересованным акторам укрепить свое влияние и присутствие в регионе в сфере обеспечения безопасности и защиты интересов третьих стран, без необходимости значительной эскалации напряженности, что в общем и целом отвечает глобальным и региональным интересам Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савичева Е. М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2014;(3):14–21.
2. Энгдаль Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. М.: Война и мир; 2014. 408 с.
3. Шатилов А. Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*. 2020;28(4):9–17. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7406>.
4. Казанцев А. А., Сергеев В. М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития. *Вестник МГИМО Университета*. 2020;13(2):40–69. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>.
5. Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts. *Human Mutation*. 2012;10(2):203–239.
6. Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test. *Middle Eastern Studies*. 2014;5(4):640–654. URL: <https://doi.org/10.1080/00263206.2014.901219>.
7. Моисеев Д. Боевые действия в Йемене временно завершаются. URL: https://www.ng.ru/world/2022-04-03/8_8407_yemen.html.
8. Аватков В. А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход. Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>.
9. Twinam J.W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. Washington, D.C.: Middle East Policy Council; 1992. 294 p.
10. Мелкумян Е. С. Совет сотрудничества арабских стран Персидского Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015;(9):455–464.

11. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения. *Международные отношения*. 2021;(3):1–14. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2021.3.36184>.
12. Лебедев С.В. Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):6–10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10
13. Аватков В.А. Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции. *Свободная мысль*. 2014;(3):71–78.

REFERENCES

1. Savicheva E.M. On the question of the geopolitical situation in the Middle East: the interaction of regional and global trends. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations*. 2014;(3):14–21. (In Russ.).
2. Engdal F.U. A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order. Moscow: War and Peace; 2014. 408 p. (In Russ.).
3. Shatilov A.B. "Obsolescence" of power as a factor in the destabilization of political regimes. *Power*. 2020;28(4):9–17. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7406>. (In Russ.).
4. Kazantsev A.A., Sergeev V.M. The crisis of "American-centric" globalization: Causes, trends, growth scenarios. *Bulletin of MGIMO University*. 2020;13(2):40–69. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>. (In Russ.).
5. Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts. *Human Mutation*. 2012;10(2):203–239.
6. Guzansky Y. Defense Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test. *Middle Eastern Studies*. 2014;5(4):640–654. URL: <https://doi.org/10.1080/00263206.2014.901219>.
7. Moiseev D. The fighting in Yemen is temporarily ending. URL: https://www.ng.ru/world/2022-04-03/8_8407_yemen.html. (In Russ.).
8. Avatkov V.A. New system for the future of Syria: Tripartite approach. *Valdai International Discussion Club*. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>. (In Russ.).
9. Twinam J.W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. Washington, D.C.: Middle East Policy Council; 1992. 294 p.
10. Melkumyan E.S. Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf as an institution for ensuring the national security of member countries. *Islam in the Middle East*. 2015;(9):455–464. (In Russ.).
11. Krylov D.S. Inclusive Security Architecture in the Middle East: Features of Functioning and Prospects for Expansion. *International relationships*. 2021;(3):1–14. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2021.3.36184>. (In Russ.).
12. Lebedev S.V. New Cold War in the Middle East. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):6–10. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10
13. Avatkov V.A. Neo-Ottomanism. Basic ideologeme and geostrategy in Turkey. *Free thought*. 2014;(3):71–78. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Данила Сергеевич Крылов — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия

Danila S. Krylov — Research Fellow, Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1982-4678>

danila-krylov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.08.2022; accepted for publication on 15.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-103-108
УДК 32(045)

Устойчивость монархий Большого Ближнего Востока: эффект громоотвода, подавление протеста и патримониальные связи

С.В. Лебедев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются факторы, которые позволили монархиям Большого Ближнего Востока пережить протесты, известные как «арабская весна». Автор исследует популярный в научном и медиаполитическом дискурсе аргумент о культурно обусловленной легитимности ближневосточных монархий, а также рассматривается ряд кейсов успешных антимонархических революций в регионе (Египет, Тунис, Ирак, Иран, Ливия и Йемен). Кроме того, в статье развивается идея о том, что все монархии Большого Ближнего Востока можно условно поделить на два типа – индивидуалистические и клановые. В работе показано, что важным элементом стабильности монархий являются патримониальные связи, которые тщательно выстраивались на протяжении нескольких десятилетий.

Ключевые слова: Большой Ближний Восток; монархии; арабская весна; легитимность; эффект громоотвода; подавление протеста; патримониализм; клиентелизм

Для цитирования: Лебедев С.В. Устойчивость монархий Большого Ближнего Востока: эффект громоотвода, подавление протеста и патримониальные связи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):103-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-103-108

ORIGINAL PAPER

The Resilience of Monarchies in the Greater Middle East: The Lightning Rod Effect, Crackdown on Protest and Patrimonial Links

S.V. Lebedev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper examines the factors that allowed the Greater Middle East monarchies to survive the protests known as the “Arab Spring”. The author considers the popular argument in scientific and media-political discourse about the culturally conditioned legitimacy of the Middle Eastern monarchies, and also presents several cases of successful anti-monarchist revolutions in the region (Egypt, Tunisia, Iraq, Iran, Libya and Yemen). In addition, the work develops the idea that it can conditionally divide all the monarchies of the Greater Middle East into two types: individualistic and clan. The paper shows that patrimonial ties, which have been carefully built over several decades, are an important element in the stability of monarchies.

Keywords: Greater Middle East; monarchies; Arab spring; legitimacy; lightning; rod effect; crackdown on protest; patrimonialism; clientelism

For citation: Lebedev S.V. The resilience of monarchies in the Greater Middle East: The lightning rod effect, crackdown on protest, and patrimonial links. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):103-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-103-108

ВВЕДЕНИЕ

Аналитики, наблюдавшие за ходом так называемой «арабской весны», обратили внимание на интересный феномен — все монархии успешно пережили массовые протесты, в то время как страны с республиканской формой правления (Ливия, Тунис, Египет, Йемен, Сирия) оказались в масштабном политическом кризисе.

Это кажется особенно удивительным на фоне того, что многие западные исследователи регулярно предрекают скорый коллапс монархий Большого Ближнего Востока. Например, Г. Далай пишет об «иллюзии стабильности» ближневосточных монархий [1]. Схожую точку зрения высказывает К. Дэвидсон в монографии «После шейхов: грядущий коллапс монархий Персидского залива» [2]. Он также регулярно выступает в качестве эксперта в периодических изданиях, повторяя свою ключевую мысль: монархии Большого Ближнего Востока — анахронизм, который скоро уйдет в прошлое [3].

АРГУМЕНТ О КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

Чтобы объяснить феномен устойчивости этих монархий, ряд экспертов выдвинули тезис об их культурно обусловленной легитимности. Исследователи указывают на то, что монархия является традиционной формой правления для исламских стран [4]. Иными словами, власть халифа/эмира/короля/султана священна для мусульман, и именно поэтому монархии Большого Ближнего Востока успешно пережили массовые протесты. Наиболее последовательными сторонниками данной точки зрения являются Виктор Меналдо [5] и Дэниэл Брумберг [6]. Также необходимо упомянуть точку зрения арабского социолога и политического аналитика Халида-аль-Дакхила, который отмечает, что монархии Большого Ближнего Востока выросли из племенных структур, поэтому являются плотью от плоти арабского общества и выражают его интересы. Следует отметить, что такая точка зрения является частью официального нарратива правящих династий, которые стремятся подчеркнуть свою когерентность арабскому социуму и его культуре.

Однако существует ряд возражений против аргумента о культурной легитимности монархий.

Во-первых, в этом регионе очень слабо развита независимая социологическая экспертиза,

которая могла бы продемонстрировать реальное положение вещей (сколько подданных реально поддерживают правящие семьи). Более того, в подобных политиях по определению отсутствуют выборы главы государства, что также не позволяет оценить уровень их легитимности.

Во-вторых, на Большом Ближнем Востоке не раз происходили антимонархические перевороты и революции — в Иране, Египте, Ливии, Йемене, Ираке и Тунисе (*табл. 1*).

Отдельно следует подчеркнуть, что свержение иракской монархии сопровождалось, как указано в *табл. 1*, глумлением над телами членов правящей семьи. Это представляется весомым аргументом против тезиса о культурно обусловленной легитимности монархий.

В-третьих, следует отметить, что большинство республик в регионе на самом деле являлись таковыми только на бумаге. По факту, они были автократиями и квазимонархиями — эксперты предполагали, что власть главы этих государств передадут по наследству. Однако, как показывает Д. Шеата в работе «Падение фараона», планы Хосни Мубарака передать свою власть сыну, стали одним из триггеров массовых протестов в Египте [7].

Наконец, следует отметить, что в ходе «арабской весны» и свержения автократических режимов почти никому в голову не пришло попытаться возродить монархический строй, а монархические партии набрали пренебрежительно малое число голосов.

Таким образом, не отрицая полностью тезис о культурно обусловленной легитимности ближневосточных монархий, можно сказать, что он лишь частично отражает суть проблемы.

ЭФФЕКТ ГРОМОТВОДА

Следует подчеркнуть, что монархии Большого Ближнего Востока не совсем однородны по своей архитектуре. Ф. Грегори Гоз отмечает, что в этом регионе существует два вида — индивидуалистическая (*individual monarchy*) и клановая (*dynastic monarchy*) монархия [8]. Как следует из названия, индивидуалистическая монархия подразумевает, что король правит в одиночку, в то время как при клановой члену правящего семейства занимают ключевые посты в государстве.

Индивидуалистические монархии — Марокко и Иордания — практикуют стратегию, которую

Таблица 1 / Table 1

Антимонархические перевороты/революции на Большом Ближнем Востоке / Anti-monarchist coups/revolutions in the Greater Middle East

Страна / Country	Год / Year	Суть / Content
Египет	1952	Г.А. Насер во главе «Движения свободных офицеров» свергает короля Фарука I и устанавливают республиканский строй
Тунис	1957	В результате интриг в Тунисе происходит бескровная революция, национальное собрание упраздняет монархию и учреждает республику во главе которой становится Хабиб Бургиба. Король Туниса (единственный за всю историю) Мухаммад VIII аль-Амин отправляется под домашний арест
Ирак	1958	Военный переворот, расстрел королевской семьи, сопровождавшийся издевательствами над их трупами, учреждение республики
Йемен	1962	Полковник Абдалла ас-Саляль и группа офицеров свергают монархический строй, начинается кровопролитная гражданская война. Итогом становится учреждение республиканского строя
Ливия	1969	Организация «Свободные офицеры юнионисты-социалисты» под руководством полковника Муаммара Каддафи свергают монархию. Учреждается Ливийская Арабская Республика
Иран	1979	Исламская «улица», недовольная политикой шаха, свергает монархию. Лидером протеста становится аятолла Хомейни, учреждается исламская республика («вилаят-аль-факих», правление богословов)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

можно условно назвать «эффектом громоотвода». Суть ее заключается в том, что монарх перенаправляет протестную энергию с себя на подконтрольных ему высокопоставленных чиновников, что позволяет ему сохранить всю (или почти всю) полноту власти. Например, как отмечает В.В. Орлов, король Марокко Мухаммед VI имел «своеобразный громоотвод общественного разочарования — подчиненное дворцу правительство, которое служит объектом общественной критики, в отличие от священной королевской персоны» [9]. 9 марта 2011 г. Мухаммед VI выступил с телевизионным обращением к нации и пообещал масштабную конституционную реформу. Ключевым пунк-

том задуманной реформы был тот факт, что партия, набравшая на выборах парламентское большинство, назначает правительство. Лидер победившей партии становится премьер-министром и формирует свой кабинет (раньше назначение премьера было функцией короля). Несмотря на это, новая конституция сохраняла за королем титул «Повелителя правоверных» и верховного главнокомандующего. Более того, он обладал правом распустить правительство при необходимости. В ноябре 2011 г. состоялись выборы в марокканский парламент, где больше всего мест получила исламистская Партия Справедливости и Развития (107 из 395), а ее лидер Абделила Бенкиран был назначен коро-

Таблица 2 / Table 2

**Стратегии силового подавления протеста монархиями Большого Ближнего Востока /
Strategies for violent crackdown on protest by the monarchies of the Greater Middle East**

Государство / State	Особенности силового подавления протеста / Features of the violent crackdown on protest
Саудовская Аравия	Столкновение между силами безопасности и шиитами в Восточной Провинции; новые законы о СМИ, ограничивающие свободу слова; арест активистов
ОАЭ	Арест и тюремные сроки для активистов, ассоциированных с «Братьями-мусульманами» (террористическая организация, запрещена в Российской Федерации); закрытие офисов международных негосударственных организаций, распространяющих демократические ценности, включая фонд Конрада Аденауэра
Оман	Арест онлайн-активистов за «оскорбление султана», позже султан Кабус бен Саид аль Саид их помиловал
Кувейт	Арест политических активистов (включая бывших членов парламента) за «оскорбление эмира» онлайн или офлайн; ужесточение закона о СМИ – за оскорбление эмира или высших правительственных чиновников назначался штраф до 1 млн долл. США
Бахрейн	Протесты подавлены силами стран – участниц Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива во главе с КСА

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Патримониальные связи между правящими династиями и определенными социальными группами / Patrimonial links between ruling dynasties and certain social groups

Государство / State	Клиентельная группа / Clientel group
Саудовская Аравия	Правящий дом аль Саудов опирается на ваххабитское духовенство и приверженцев этого направления ислама
ОАЭ	Правящие дома выстроили патронажно-клиентельную сеть с влиятельными племенами и кланами
Оман	Султан Кабус бен Саид аль Саид выстраивал патронажно-клиентельные сети с влиятельными племенами и региональной элитой
Кувейт	Династия аль Сабах выступала в качестве покровителя и арбитра для суннитской буржуазии, шиитов и влиятельных племенных групп
Бахрейн	Династия аль Халифа выстраивала отношения с суннитским меньшинством

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

лем в качестве премьер-министра. Дальнейшее развитие событий показало, что по факту премьер-министр находится под контролем короля и дворца. 15 марта 2017 г. Мухаммед VI снял Бенкирана и назначал на его место Саадеддина Османи.

Таким образом, король Марокко успешно использовал «эффект громоотвода», перенаправив гнев масс.

Схожим образом поступил король Иордании Абдалла II ибн Хусейн аль-Хашими — он начал «перебирать» министров и провел «косметические» реформы избирательной системы.

СИЛОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ

Клановые монархии не могли позволить себе роскошь использования «эффекта громоотвода». Дело в том, что в них правящая семья «срастается» с государственным аппаратом. Например, наследный саудовский принц Мухаммед ибн Салман аль Сауд является по совместительству министром обороны (самым молодым в мире), а также с 2017 г. занимает пост главы Анतिकоррупционного комитета КСА.

В такой ситуации использование «эффекта громоотвода» представляется невыгодным для представителей правящего семейства, так как, увольняя высокопоставленного чиновника, они отстраняют от работы своего родственника. Таким образом, общий объем власти правящего семейства уменьшается. Поэтому конституционная реформа или перетасовка правительства обычно не рассматриваются как возможная стратегия.

В данной ситуации самой часто применяемой стратегией является силовое подавление протеста (табл. 2). Следует добавить, что, за исключением Бахрейна, такие монархии являются государствами-рантье, живущими за счет продажи углеводородов на мировые рынки [10]. Это позволяет им создавать крайне развитый и щедро финансируемый аппарат внутренней безопасности, который способен подавить почти любой протест.

Таким образом, можно отметить, что монархии успешно использовали стратегию силового подавления протеста, и только Бахрейн был вынужден прибегнуть к внешней помощи.

ПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Однако к стратегии силового подавления протеста могли прибегнуть и прибежали арабские республики. Этого, впрочем, оказалось недостаточно. Поэтому последний аспект, на котором следует заострить внимание — тщательно выстроенные патримониальные связи между правящими династиями и определенными социальными группами. Эти группы стали опорой ближневосточных монархических режимов и помогли им пройти через «арабскую весну» (табл. 3).

Таким образом, можно предположить, что политический кризис в Бахрейне был во многом связан с тем, что правящий суннитский дом выстраивал патронажные отношения исключительно с суннитским меньшинством, игнорируя шиитское большинство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dalay G. Arab monarchies and the illusion of stability. Middle East Eye. URL: <https://www.middleeasteye.net/big-story/arab-monarchies-and-illusion-stability>
2. Davidson C. After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. London: Hurst and Company; 2012.
3. Davidson C. Why the Sheiks will fall. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/26/why-the-sheikhs-will-fall/>
4. Васильев Л. С. История Востока. М.: Высшая школа; 1994.
5. Menaldo V. The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *Journal of Politics*. 2012;(74):709.
6. Brumberg D. Sustaining Mechanics of Arab Autocracies. *Foreign Policy*. Dec 12, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/12/19/sustaining-mechanics-of-arab-autocracies/>
7. Shehata D. The Fall of the Pharaoh: How Hosni Mubarak's Regime Came to an End. *Foreign Affairs*. 2011;90(3):26–35.
8. Gause F. G. Kings for All Seasons: How the Middle East's Monarchies Survived the Arab Spring. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Resilience-Arab-Monarchies_English.pdf
9. Орлов В. В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти. Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. М.: УРСС; 2012.

10. Казанцев А. А., Лебедев С. В., Медведева С. М. Государства-рантье: взаимосвязи экономики и политики. *Полис. Политические исследования*. 2022;(2):159–173. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.12>

REFERENCES

1. Dalay G. Arab monarchies and the illusion of stability. *Middle East Eye*. URL: <https://www.middleeasteye.net/big-story/arab-monarchies-and-illusion-stability>
2. Davidson C. *After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies*. London: Hurst and Company; 2012.
3. Davidson C. Why the Sheikhs will fall. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/26/why-the-sheikhs-will-fall/>
4. Vasil'yev L. S. *History of the East*. Moscow: Higher school; 1994. (In Russ.).
5. Menaldo V. The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *Journal of Politics*. 2012;(74):709.
6. Brumberg D. Sustaining Mechanics of Arab Autocracies. *Foreign Policy*. Dec 12, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/12/19/sustaining-mechanics-of-arab-autocracies/>
7. Shehata D. The Fall of the Pharaoh: How Hosni Mubarak's Regime Came to an End. *Foreign Affairs*. 2011;90(3):26–35.
8. Gause F. G. Kings for All Seasons: How the Middle East's Monarchies Survived the Arab Spring. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Resilience-Arab-Monarchies_English.pdf
9. Orlov V. V. Morocco against the backdrop of the "Arab revolutions": Factors of power stability / Protest movements in the Arab countries: background, features, prospects. Moscow: URSS; 2012:53–56. (In Russ.).
10. Kazantsev A. A., Lebedev S. V., Medvedeva S. M. Rentier states: relationship between economics and politics [Internet]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Policy. Political studies*. 2022;2:159–173. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.12> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Владимирович Лебедев — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, Москва, Россия

Sergey V. Lebedev — Cand. Sci. (Pol.), Senior Lecturer, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>
sergei.lebedeff@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.08.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 22.08.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-109-112
УДК 327(045)

Деятельность консульства Турции в г. Казани в области гуманитарной помощи в период распространения COVID-19

М. Ачыкгёз

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

АННОТАЦИЯ

Страны оказывают помощь друг другу в рамках определенной политики, которая является основой для установления дружественных отношений между государствами. В прошлом подобная помощь была в основном сосредоточена в военной сфере, но на сегодняшний день международные организации, а также развитые государства помогают друг другу в различных областях. После того, как в марте 2020 г. было объявлено об эпидемии COVID-19, важность сотрудничества и взаимной помощи стала более ощутимой и очевидной. В статье автор дает оценку помощи, оказанной Генеральным консульством Турецкой Республики в Казани во время вспышки заболеваемости, а также рассматривает ее результаты.

Ключевые слова: Турция; Россия; Турецкое консульство в Казани; международная помощь; местная помощь; эпидемия; COVID-19; здоровье

Для цитирования: Ачыкгёз М. Деятельность консульства Турции в г. Казани в области гуманитарной помощи в период распространения COVID-19. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):109-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-109-112

ORIGINAL PAPER

Humanitarian Activities of the Turkish Consulate in Kazan During the COVID-19 Growing

М. Açıkgöz

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ABSTRACT

Countries help each other within the framework of a certain policy, which is the basis for establishing friendly relations between states. In the past, such assistance was mainly concentrated in the military sphere as to provide an advantage on the battlefields to the opposite side. Nowadays, international organizations, as well as advanced states, help each other in various fields. Since the beginning of the COVID-19 pandemic in March 2020, the importance of cooperation and mutual help has become more tangible and clear. In this paper, the author tried to reveal how to evaluate assistance during an outbreak of morbidity, using the example of the General Consulate of the Republic of Turkey in Kazan, and considered the regional results of this aid.

Keywords: Turkey; Russia; Turkish Consulate in Kazan; foreign aid; local aid; pandemic; COVID-19; health

For citation: Açıkgöz M. Humanitarian activities of the Turkish Consulate in Kazan during the COVID-19 growing. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):109-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-109-112

Международная поддержка развивающимся или малоразвитым странам, как правило, предоставляется государствами с относительно высоким уровнем развития и дохода, а также специальными международными организациями. После Второй мировой войны многие страны стали оказывать помощь нуждающимся в ней. Сегодня индустриально развитые страны и международные организации помогают многим бедным, экономически отстающим регионам мира во многих сферах.

Основная цель оказания международной помощи выражается в улучшении социально-экономического положения стран, выводе их на путь роста и самообеспечения [1, с. 28].

Турция, которая во время Второй мировой войны принимала помощь со стороны [2, с. 326], вскоре сама начала ее оказывать странам, которые в ней нуждались.

Анализ ранее оказанной поддержки позволяет проследить некоторые тенденции, например предпочтительность сотрудничества со странами, в которых помощь можно использовать как инструмент международной политики, а также в экономических и политических интересах. Географическая близость тоже имеет значение в данном вопросе [3, с. 15]. В одном из исследований говорится, что Турция в области международной поддержки преследует несколько иные цели, нежели Соединенные Штаты и Китай [4, с. 81]. США по большей части обеспечивают экономическую и реформаторскую поддержку, Китай действует с экономической выгодой, а Турция, в свою очередь, сосредоточивает внимание на гуманитарной помощи.

Эпидемия COVID-19, распространившаяся в начале 2020 г., изменила ситуацию в мире и внесла коррективы в концепцию международной помощи. Из-за общей неподготовленности к этой неожиданной ситуации страны начали активно сотрудничать, обеспечивая друг другу помощь, особенно в области здравоохранения, независимо от экономических условий и уровня развития.

Но возникает вопрос: как следует определять деятельность консульства Турции в г. Казани — это международная помощь или местная? Учреждение, оказывающее поддержку, является иностранным представительством, а компании, производящие и предоставляющие вспомогательные материалы, находятся в Татарстане. Следует отметить, что у данных российских организаций в уставном капитале присутствует часть средств турецких компаний. Однозначного ответа на вопрос, поставленный вначале, по нашему мнению, не существует. Названия организаций, участвующих в оказании поддержки, не раскрываются. Этому есть ряд причин, одна из которых заключается в том, что это делается для того, чтобы целью данной поддержки не было политическое и экономическое давление. Данные гуманитарные действия ориентированы на помощь населению, а на региональном уровне определяются ее результаты, содержание и размер.

Помощь, оказанная консульством, освещалась в его информационных заметках, а также в новостях, региональных газетах; излагалась руко-

водством больницы. Предпринимались попытки определить, в каком статусе — международном или местном — следует оценивать эту поддержку, а также — какова ее цель.

Обязанности и полномочия консульств определены в статье 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1963 г. Там говорится, что они должны «содействовать развитию дружественных отношений между направляющим государством и принимающим государством и развитию экономических, культурных и научных связей»¹. В соответствии с данным требованием Генеральное консульство обязано регулярно контролировать турецкие компании, расположенные в районах его полномочий, оценивать и предоставлять всю необходимую поддержку и при необходимости быстро координировать усилия по оказанию помощи в соответствии с имеющимися в его распоряжении возможностями.

Обычно помощь оказывают промышленно развитые страны с высоким уровнем дохода или международные организации, но из-за эпидемии COVID-19, которая захватила весь мир, ситуация изменилась. Генеральное Консульство Турции в Казани обеспечивает гуманитарную помощь тем, кто находится в регионе его ответственности, без каких-либо экономических или политических интересов.

После быстрого распространения COVID-19, когда в марте 2020 г. объявили об эпидемии², весь мир был встревожен. Тот факт, что страны, где распространилась эта болезнь, не готовы к такой ситуации, показывал, насколько важна помощь. Так как пандемия COVID-19 стала глобальной проблемой, бороться с ней в одиночку государства не могли, даже такие, как США [5, с. 27].

В Татарстане, в целях предотвращения распространения эпидемии, во многих районах были введены ограничения, согласно которым гражданам не рекомендовалось выходить из дома без особой необходимости³. Таким образом власти пытались предотвратить рост заболеваемости. Но, несмотря на все ограничения, Генконсульство Турции продолжало обслуживать граждан в чрезвычайных ситуациях, принимая все меры предосторожности. Кроме того, была обеспечена

¹ URL: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanunbmmc068/kanunbmmc068/kanunbmmc06803042.pdf

² URL: <https://twitter.com/WHO/status/1237777021742338049>

³ URL: <https://realnoevremya.ru/articles/170278-zayavlenie-rustama-minnihanova-v-svyazi-s-pandemiy-koronavirusa>

непрерывная связь с руководителями турецких компаний, расположенных в зоне выполнения задач [6].

После того, как эпидемия распространилась в Татарстане, генеральный консул Исмет Эрикан пригласил на встречу представителей турецких компаний, работающих в данной республике и в Башкортостане, а также руководителей местных медицинских учреждений. Турецкие компании быстро откликнулись на призыв, оперативно предоставив медицинские принадлежности, необходимые руководителям местных медицинских учреждений, и эти предметы были отправлены в соответствующие учреждения через генеральное консульство.

Медикаменты на сумму около 6 млн руб.⁴ были оперативно доставлены в три больницы Казани, в больницу в Елабуге, Набережных Челнах, а также в Министерство здравоохранения в Уфе. В новостном выпуске директор больницы в Татарстане заявил, что помощь была оказана вовремя⁵.

Местные, иностранные и государственные медицинские организации имели общую цель — бороться с болезнью, что позволило отношениям между странами как на региональном, так и на международном уровне стать еще более прочными.

У Генерального консульства не возникло никаких сомнений в вопросе оказания помощи, даже несмотря на то, что данные действия не принесут экономической выгоды и не повлияют на политические отношения между странами. Из-за отсутствия какой-либо политической или экономической цели названия турецких компаний, предоставляющих медикаменты в рамках помощи, держались в секрете. Данная акция способствовала укреплению доброжелательных отношений между странами.

Так какая же это помощь на самом деле — международная или местная? С одной стороны, компании являются турецкими, но производят

свою продукцию в Татарстане и Башкортостане. С другой стороны, именно Генеральное консульство Турции в Казани обеспечивает и организует реализацию помощи. Таким образом, эта помощь определяется как международная.

Надо заметить, что Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке также оказывало помощь во время пандемии, поставляя еду медицинским работникам в районе миссии [7].

Генеральный консул Турции Эрикан приложил большие усилия, приняв активное участие в доставке помощи, рискуя заразиться вирусом COVID-19. Подобные примеры самоотверженности были и ранее. В годы Второй мировой войны генеральный консул Исмаил Недждет Кент, служивший в генеральном консульстве в городе Марсель, рискуя своей жизнью, спас от рук нацистов более 80 евреев, которых хотели вывезти в концентрационные лагеря [8].

Турецкое Генконсульство также предоставляло продукты питания и гигиенические материалы студентам, обучающимся в университетах Казани. Таким образом, вместо расширения или укрепления экономических интересов или политического влияния в регионе на первый план вышли солидарность, поддержка и общечеловеческие ценности, что позволит укрепить исторические тесные отношения, существующие, в частности, между Турцией и Татарстаном, а также между Турцией и Россией.

Раньше помощь, оказываемая развитыми странами и международными организациями, была ориентирована на политическое влияние и экономические интересы, поэтому оказывалась при определенных условиях. С появлением COVID-19 в начале 2020 г. подходы к оказанию помощи изменились, поскольку весь мир оказался застигнутым врасплох перед лицом эпидемии.

Все страны оказывают поддержку в соответствии с их собственными возможностями. Действия Генерального консульства Турецкой Республики в Казани, когда наилучшим образом удалось использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы в борьбе с эпидемией, служат отличным примером международного сотрудничества.

⁴ URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/467860>

⁵ URL: https://turktatar.com/tataristandaki-turk-isadamlarinin-tibbi-yardim-malzemeleri-kazan-hastanelerine-teslim-edildi/?fbclid=IwAR0nIbEH_J419e7wXSocMifLhRK4jXYu2Y_9tSC7rA91u4Y3sNWIDbTOMZ7k

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дегтерев Д. А. Политическая экономия международной помощи. *Мировая экономика и международные отношения*. 2014;(4):26–35.
2. Karagöz F. Bir Kalkınma Reçetesi Olarak Dış Yardım: Türkiye'nin Verdiği Resmi Kalkınma Yardımlarının Değerlendirilmesi. *Kriz, Kalkınma Ve Türkiye Ekonomisi Seçme Yazılar*. İstanbul: Derin Yayınevi; 2013.

3. Arslan E., Kiper K. Dış Yardım Nedir? Niçin Yapılır? *Sosyal Politika Çalışmaları Dergisi*. 2015;(34):9–26.
4. Bayar M. Dış Yardımda Amerikan, Çin ve Türk Yaklaşımları. *Avrasya Etüdüleri*. 2018;53(1):63–86.
5. Репкина О.Б., Тимохин Д.В. Оценка влияния COVID-19 на экономику на основе модели «экономического креста». *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2020;22(4):26–40.
6. Рахматуллин Т. Исет Эрикан: «Есть Надежда, Что К Концу Рамазана Некоторые Объекты В Турции Будут Открыты». URL: https://realnoevremya.ru/articles/173318-ismet-erikan-kogda-v-turcii-snimut-ogranicheniya-v-svyazi?fbclid=IwAR3KISnq4spupACegLrQkxyZwI0hsLsCdCErQmBWZzV_e2558xjfyuYLSIs
7. Капица Л. М. Международный институт иностранной помощи. *Вестник МГИМО Университета*. 2011;(4):70–98.
8. Белов О. Генеральное консульство Республики Корея во владивостоке помогло медикам. URL: https://vl.aif.ru/society/koreyskoe_konsulstvo_peredalo_vracham_rabotayushchim_s_covid-19_obedy

REFERENCES

1. Degterev D. A. A Political Economy of International Aid. *World Economy and International Relations*. 2014;(4):26–35. (In Russ.).
2. Karagöz F. Foreign Aid as the Development Recipe: An Evaluation of Turkey's Official Development Assistance. Crisis, Development and Turkish Economy Selected Articles. İstanbul: Derin Publications; 2013. (In Turkish).
3. Arslan E., Kiper K. What is the Foreign Aid? Why Is It Executed? *Journal of Social Policy Studies*. 2015;(34):9–26. (In Turkish).
4. Bayar M. American, Chinese and Turkish Approaches to Foreign Aid. *Eurasian Studies*. 2018;53(1):63–86. (In Turkish).
5. Repkina O. B., Timokhin D. V. Assessment of the Impact of COVID-19 on Economy Based on the “Economic Cross” Model. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2020; 22(4):26–40. (In Russ.).
6. Rahmatullin T. Ismet Erikan: There is hope that by the end of Ramadan, some objects in Turkey will be open. URL: https://realnoevremya.ru/articles/173318-ismet-erikan-kogda-v-turcii-snimut-ogranicheniya-v-svyazi?fbclid=IwAR3KISnq4spupACegLrQkxyZwI0hsLsCdCErQmBWZzV_e2558xjfyuYLSIs (accessed on 06.08.2020). (In Russ.).
7. Kapitsa L. M. International Institute of Foreign Aid. *Bulletin of MGIMO University*. 2011;(4):70–98. (In Russ.).
8. Belov O. Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok Helped Doctors. URL: https://vl.aif.ru/society/koreyskoe_konsulstvo_peredalo_vracham_rabotayushchim_s_covid-19_obedy (accessed on 14.10.2020). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Мехмет Ачыкгёз — аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Mehmet Açıkgöz — Postgraduate student, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8953-7725>

maliacikgoz@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2022; принята к публикации 15.06.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.02.2022; accepted for publication on 15.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-113-121
УДК 372.881.1(045)

Перспективы использования методики предметно-языкового интегрированного обучения в программах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика»

А.И. Ковригина^а, И.Н. Горячева^б

^{а,б} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
^б НИУ ВШЭ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В коммуникативно-деятельностном обучении, являющемся общепризнанной дидактической доминантой современной парадигмы преподавания иностранных языков, перспективной представляется методика предметно-языкового интегрированного обучения (в английской терминологии CLIL – Content and Language Integrated Learning). Базовым принципом данной методики является двунаправленность: изучение предмета при помощи языка, с одной стороны, и изучение языка посредством предмета – с другой. В центре изучения находится предмет, чье содержание студенту необходимо не просто понять и выучить, а осознать на иностранном языке. При этом, будучи помещенным в контекст определенной культуры, предмет приобретает лингвокультурные особенности, связанные с национальной спецификой профессиональной сферы. Фундаментальной задачей предметно-языкового интегрированного обучения является формирование у студента языковой когнитивной компетенции (CALP). Студент не просто осваивает предмет, но и повышает уровень владения иностранным языком за счет освоения лексико-грамматических конструкций и дискурсивных формул, ориентированных на конкретную предметную область. Использование нескольких иностранных языков (плюрилингвальный подход) позволило бы студенту еще более эффективно овладеть предметом. **Ключевые слова:** CLIL; предметно-языковое интегрированное обучение; плюрилингвальный подход; языковая когнитивная компетенция; бакалавриат; лингвистика

Для цитирования: Ковригина А.И., Горячева И.Н. Перспективы использования методики предметно-языкового интегрированного обучения в программах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):113-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-113-121

ORIGINAL PAPER

Content and Language Integrated Learning in Bachelor Programs in Linguistics: Prospects and Potentials

A.I. Kovrigina^а, I.N. Goryacheva^б

^{а,б} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
^б HSE University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Communicative and active learning is recognized as a dominant didactic model in foreign languages teaching and learning paradigm, wherein Content and Language Integrated Learning (CLIL) seems to be very promising. The key principle of CLIL is its dual focus: learning a subject through a language and learning a language through a subject. The focus of a CLIL lesson is on the subject content, which students need not only to understand and learn, but to interiorize in a foreign language. Being placed in a specific cultural context, the content gains certain linguistic and cultural features which are country specific for each professional sphere. The article also addresses how the students develop Cognitive Academic Language Proficiency (CALP). The students not only master the subject but also improve foreign language skills by mastering lexico-grammatical patterns and discourse formulas focused on a specific subject area. Using several foreign languages (plurilingual approach) would allow the students to master the subject even more effectively.

Keywords: CLIL; content and language integrated learning; plurilingual approach; cognitive academic language proficiency; bachelor's degree; linguistics

For citation: Kovrigina A.I., Goryacheva I.N. Content and language integrated learning in bachelor programs in linguistics: Prospects and potentials. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):113-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-113-121

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающая сложность и многоплановость коммуникативных контекстов при общении на иностранном языке приводит к необходимости ответственной рефлексии над ключевыми понятиями теории межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам. Связи между языковыми ресурсами, культурными кодами и модусами общения как никогда далеки от линейности и инвариантности, что, с одной стороны, обогащает движение человеческой мысли, служит расширению и углублению передаваемых смыслов, а с другой, нередко затрудняет достижение успеха в коммуникации.

Сверхразнообразие социальных практик общения, цифровизация и размывание пространственно-временных границ коммуникации, многоязычность и поликультурность населения мегаполисов, активные миграционные процессы, а также международное сотрудничество в сфере бизнеса через транснациональные объединения компаний и интернационализацию системы образования приводят к активному стиранию границ между странами, языками и культурами.

Присоединение России к Болонскому соглашению неминуемо обязывает российскую систему высшего образования встать на путь интернационализации, понимаемой как «взаимодействие и взаимовлияние национальных систем высшего образования» [1]. Однако ошибочно понимать интернационализацию как процесс стирания границ национального и присоединения к некой общей, единой, созданной до нас системе. Согласно Болонскому соглашению «жизнеспособность и эффективность любой цивилизации обусловлены привлекательностью, которая ее культура имеет для других стран» [2]. Следуя данной траектории развития, экстраполированной на систему высшего образования, необходим подход, который сможет обеспечить качество и конкурентоспособность российской системы образования, а также позволит экспортировать свои культурные и национальные ценности.

В коммуникативно-деятельностном обучении, являющемся общепризнанной дидактической доминантой современной парадигмы обучения иностранным языкам, перспективной представляется методика предметно-языкового интегрированного обучения (в английской

терминологии CLIL — Content and Language Integrated Learning).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Термин CLIL был сформулирован профессором Дэвидом Маршем в 1994 г. CLIL относится к ситуациям, когда предмет или его часть преподается посредством иностранного языка с двойной целью, а именно: изучение предметного содержания и одновременно изучение иностранного языка. Данный подход отличается от простого обучения на иностранном языке тем, что от обучающегося не требуется обязательно владеть иностранным языком на уровне, необходимом для того, чтобы справиться с предметом перед началом изучения.

Положенные в основу предметно-языкового интегрированного обучения теория социального конструктивизма и зоны ближайшего развития Л. С. Выготского [3], а также гипотеза усвоения иностранного языка С. Крашена [4] обосновывают необходимость создания естественной предметно ориентированной дискурсивно-языковой среды, которая обеспечит конструирование когнитивных способностей и создание нового знания при взаимодействии с окружающей средой, сообществом и культурой. Примечательно, что возможность подняться на ступень выше в образовательном процессе появляется лишь в условиях сотрудничества и использования детально отобранного предметного материала на изучаемом языке.

Вышеперечисленные принципы наиболее удачно отражены в четырехкомпонентной модели 4C, разработанной профессором Д. Койл [5]. Базовым понятием данной модели является «Содержание», функционирование же модели осуществляется через взаимосвязь между содержанием (тематическим наполнением), коммуникацией (языком), познанием (мышлением) и культурой (осознанием себя и «другого»). Важным компонентом теоретической основы предметно-языковой интегрированной методики обучения является теория навыков BICS/CALP Д. Каминса [6], оцениваемых сквозь призму таксономии умений и навыков Б. Блума [7], пересмотренной и дополненной в 2001 г. [8]. Это позволяет определить конечную цель обучения как необходимость формирования у обучающихся CALP, т.е. осознанного владения академическим языком, или языковой ког-

нитивной компетенции [9], активизирующей навыки мышления высшего порядка.

Исследованные теоретические источники обосновывают использование модели CLIL в условиях двуязычного обучения. Однако объективной методической необходимостью представляется использование плюрилингвального подхода к обучению ввиду происходящего в настоящее время расширения и размывания границ межкультурной коммуникации. Это дает исследователям право говорить об эпохе транскультурных и трансязыковых практик в сфере прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации [10–12].

Фундаментальные идеи Совета Европы, касающиеся плюрилингвальной и плюрикультурной компетенции, изложены в труде «Plurilingual and Pluricultural Competence» (1997 г.), где авторы описывают две данные взаимопроникающие компетенции как уникальный человеческий капитал, используемый на протяжении всей жизни и, соответственно, развивающийся неравномерно в зависимости от индивидуальной жизненной и профессиональной траектории индивида, диапазона его социальных взаимодействий [13].

Важно подчеркнуть, что концепция плюрилингвизма кардинально отличается от идеи многоязычия (мультилингвизма, полилингвизма), как и плюрикультурализм следует отличать от мультикультурализма [13]. В ситуации многоязычия разные языки сосуществуют в сознании индивида или в учебном плане образовательной организации параллельно и никак не взаимодействуют. Плюрилингвальный принцип изучения иностранных языков, напротив, предполагает, что языковая личность может решать свои коммуникативные задачи с привлечением всех имеющихся речевых умений и знаний как иностранного, так и родного языка.

В европейской методике активно используется плюралистический подход к изучению иностранных языков, в частности популярна такая его вариация, как “awakening to languages” (программы Evlang и Janua Linguarum [14, 15]). Подход “awakening to languages” тесно связан с движением за повышение осознанного отношения к языковому многообразию «Language Awareness», основоположником которого считается Э. Хокинс [16]. Примечательно, что Совет Европы также поддерживает идею о том, что плюрилингвальное обучение способствует бо-

лее глубокому пониманию механизмов языка и коммуникации [17].

Образовательное пространство Российской Федерации характеризуется как многоязычное, полиэтничное и поликультурное. В конце 80-х гг. XX в. принцип диалога культур был взят в качестве основополагающего на новом витке коммуникативного образования — в социокультурном подходе и теории межкультурной коммуникации, в результате чего стало возможным говорить о формировании межкультурной коммуникативной компетенции учащихся [18, 19]. В настоящее время имеет смысл говорить уже о полилоге культур как в рамках поликультурного общества в целом, так и в рамках отдельно взятой языковой личности в плюрикультурно маркированном контексте ее развития.

Удачным продолжением и развитием традиции фундаментальной вузовской подготовки специалистов, способных к реальному и эффективному общению на иностранном языке, может стать плюрилингвальный подход к обучению, сфокусированный на пользе владения несколькими языками, включая родной, в когнитивном, психологическом и практическом (опытно-деятельностном) плане для успешной социальной и профессиональной адаптации индивида в глобализированном мире.

Плюрилингвальный принцип изучения иностранных языков предполагает, что языковая личность, формирующаяся в результате овладения несколькими языками, включая родной, обладает более широким набором компетенций, позволяющим гибко и эффективно выбирать стратегии, необходимые для выполнения коммуникативной задачи. Объектом обучения при таком подходе становится не только языковое и культурное содержание обучения иностранному языку, но и целый спектр мягких навыков, социальных компетенций, метакогнитивных и учебных стратегий, необходимых для жизни в XXI в.

Исходя из вышеизложенного, основной исследовательский вопрос состоит в следующем: каковы возможности (перспективы) применения методики CLIL при реализации образовательных программ подготовки лингвистов-преподавателей иностранного языка, переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации с целью развития профессиональных навыков и социальных компетенций для успеш-

ного функционирования в плюрилингвальной языковой среде?

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет авторский метод аудита образовательного проекта, разработанный в рамках концепции педагогической экспертизы, предложенной проф. М. В. Богуславским, следуя которой «можно определить педагогическую экспертизу как оценку результатов, процесса и перспектив деятельности в сфере образования, для которой требуется применение специальных познаний в данной области» [20].

Аудит проекта по методике предметно-языкового интегрированного обучения предполагает комплексную оценку следующих показателей:

- целевая аудитория;
- предмет обучения;
- образовательный контент с точки зрения предметного содержания;
- образовательный контент с точки зрения развития языковых умений и речевых навыков;
- наличие заданий для развития навыков мышления высшего порядка (HOTS) согласно таксономии Б. Блума;
- наличие конечного (целевого) образовательного продукта;
- форма организации учебной деятельности на уроке;
- наличие плюрилингвального / плюрикультурного компонента.

Выборка составила 10 образовательных проектов на испанском языке, использующих методику предметно-языкового интегрированного обучения и выполненных в 2020–2021 учебном году в рамках программы билингвального образования в условиях средней школы¹. Программа реализуется при поддержке Министерства образования Испании в Польше, Чехии, Словакии и России. В соответствии с положениями методики предметно-языкового интегрированного обучения ни один из изучаемых предметов не входит в дисциплины языкового цикла. Все исследованные проекты выполнены на испанском языке, поскольку на нем частично ведется образовательный процесс.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изначально методика CLIL позиционировалась как подход для обучения иностранному языку в школе. Однако в настоящее время Совет Европы расширил сферу применения CLIL, рекомендуя применять данную методику обучения для любых языков, возрастных групп и ступеней образования, включая высшее профессиональное образование [21]. Данное расширение на сферу профессиональной подготовки обусловлено в первую очередь тем, что CLIL соответствует запросам общества и потребностям рынка труда, обеспечивая личностный рост, непрерывное образование и развитие в плюрикультурном и плюрилингвальном контексте. Это совпадает с образовательными потребностями студентов лингвистического направления в языковом вузе, что позволило нам принять данные проекты к рассмотрению.

Реализованное прикладное исследование проектов CLIL позволило определить содержательные характеристики проектов (см. таблицу).

По результатам прикладного исследования выявлен ряд закономерностей, отражающих преобладающие стратегии использования предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) в рамках программ билингвального образования в Европе.

Собрав данные по показателю «Предмет», мы выявили, что приоритетной предметной областью («Содержание» в методике CLIL) являются гуманитарные (литература и история) и естественные (география) науки. Эффективность профессионального общения в сфере гуманитарных и естественных наук в большей степени зависит от наличия глубоких фоновых и экстралингвистических знаний, понимания дополнительной смысловой нагрузки, различных коннотаций и других особенностей этих сфер речеупотребления.

Представленный выше результат напрямую коррелирует с идеей о том, что, будучи помещенным в контекст определенной культуры, предмет приобретает некие лингвокультурные особенности. Обращать внимание на эти особенности и уметь правильно их интерпретировать в процессе решения профессиональных задач в качестве посредника и/или консультанта в области межкультурной коммуникации — это необходимое умение лингвиста, непосредственно следующее из обязательных требований ФГОС ВО 3++. Данная идея также находит свое

¹ URL: <https://aicleenelprogramadessbb.blogspot.com/>

Таблица / Table

Характеристики проектов по методике CLIL / Characteristics of CLIL projects

Целевая аудитория / Target audience	Предмет / Object	Образовательный контент (тематическое наполнение) / Educational content (thematic content)	Образовательный контент (речевые навыки + языковой материал) / Educational content (speech skills + language material)	Учебные цели согласно таксономии Блума (ТБ) / Learning objectives according to Bloom's Taxonomy (TB)	Конечный продукт / End product	Формы работы / Working modes	Компонент «плюри» / «Plu» component
4-й год по 6-летней программе лица	Литература	Изобразительно-выразительные средства языка, риторические фигуры, литературоведческие термины	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Нет последнего уровня ТБ («создать»)	Отсутствует (финальное задание – анализ песни или текста)	Групповая работа, работа в парах	Присутствует (поиск терминологических и фонетических соответствий в родном языке)
5-й год по 6-летней программе лица	Литература	Литературоведческие термины, сведения об историко-литературном процессе начала XX в. в Испании	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Все согласно ТБ	Критический комментарий литературного текста	Не указано, но есть задания на групповую работу (дискуссия)	Отсутствует
5-й год по 5-летней программе лица	Литература	Поколение 1927 г., жизнь и творчество Федерико Гарсиа Лорки. Пьеса «Дом Бернарды Альбы» + Междисциплинарный подход: роль женщины в обществе и литературе	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры + бытовая лексика	Все согласно ТБ	Создание драматического текста в формате аудиодневника. Тест на самооценку вание	Индивидуальная работа, работа в парах, малых группах, больших группах	Присутствует плюрикультурный компонент (сопоставление социальных норм и положения женщины в разных странах в историческом и современном контексте)
10-й класс по 11-летней программе средней школы	Литература	Романтизм в литературе (терминология, основные сведения)	4 вида речевой деятельности + дискурсивные маркеры + бытовая лексика	Все согласно ТБ	Создание лирического текста (песни) и цифрового постера персонажа	Индивидуальная работа, работа в парах / малых группах, больших группах	Отсутствует
2-й год по программе Bachillerato Испания	История	Династия Габсбургов XVII в.	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Все согласно ТБ	Блок письменных заданий: сочинение, интервью, тест. Блок устных заданий: съемка интервью, интерактивная игра. Самооценивание	Групповая работа, индивидуальная работа	Отсутствует

Окончание таблицы / Table (continued)

Целевая аудитория / Target audience	Предмет / Object	Образовательный контент (тематическое наполнение) / Educational content (thematic content)	Образовательный контент (речевые навыки + языковой материал) / Educational content (speech skills + language material)	Учебные цели согласно таксономии Блума (ТБ) / Learning objectives according to Bloom's Taxonomy (TB)	Конечный продукт / End product	Формы работы / Working modes	Компонент «плюри» / "Plury" component
3-й год по 4-летней программе обучения	Математика + Междисциплинарный подход	Алгебраические уравнения	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Все согласно ТБ	Решение алгебраических уравнений. Тест на самооценивание. Презентация финального междисциплинарного коллективного проекта	Групповая работа, индивидуальная работа (с преимуществом в сторону групповой)	Отсутствует
2-й год по программе Bachillerato Испании	Физика	Теория относительности	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Все согласно ТБ	WebQuest в малых группах. Презентация финального проекта в больших группах. Самооценивание. Письменный экзамен	Групповая работа (как в больших, так и в малых группах), индивидуальная работа	Присутствует (испанский + чешский + английский)
2-й курс лицея (система образования Польши)	География Испании	Население Испании	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры	Все согласно ТБ	Инфографика. Интерактивная игра (в группе). Презентация Самооценивание	Групповая работа, индивидуальная работа	Отсутствует
1-й год по программе Bachillerato Испания	География Испании	Климатические зоны Испании	4 вида речевой деятельности + типы речи в тексте (диалог, повествование, описание и пр.)	Все согласно ТБ	Презентация и обсуждение постеров, разработанных в группе. Финальный интерактивный тест. Самооценивание	Групповая работа, индивидуальная работа	Отсутствует
2 или 3 год обучения лицея (система образования Польши)	Междисциплинарный: География Испании, История Испании, Биология, Математика, Иностраннный язык (испанский)	Сектор услуг в Испании: туризм	4 вида речевой деятельности + грамматика + дискурсивные маркеры + синтаксические структуры	Все согласно ТБ	Разработка рекламного буклета туристической компании. Участие в конкурсе на лучший буклет. Самооценивание	Групповая работа, индивидуальная работа	Присутствует (привлечение английского языка)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

отражение в современной концепции иноязычного образования Совета Европы, где медиации отводится ведущая роль в составе компетенций индивида, изучающего иностранные языки.

Большинство итоговых заданий в исследованных образовательных проектах составлено с использованием технологии «task-based language teaching» [22]. Речь идет о некоторой задаче, выполнив которую учащийся получает конкретный вещественный продукт как результат приложенных усилий. Конечным образовательным продуктом, созданным по технологии «target task», может выступать лирический или драматический текст, цифровой постер, презентация, инфографика, рекламный буклет и т. д.

В процессе выполнения таких заданий повышается мотивация и личная вовлеченность студентов, которые видят осязаемый результат своего труда. Важно, что студенты не ограничены в выборе языковых средств при выполнении поставленной задачи, могут задействовать цифровые ресурсы и навыки, а также видят возможность реального применения знаний из изучаемой предметной области в речи на иностранном языке. Теоретические знания, усвоенные на иностранном языке, начинают применяться для решения прикладных задач (алгебраические уравнения становятся инструментом расчета физических, химических процессов). Кроме того, работа над такими заданиями обычно ведется в команде, следовательно, помимо усвоения языка в процессе естественного общения, происходит также развитие социальных компетенций и навыков командной работы, необходимых для решения практических задач в реальной жизни.

Все проанализированные проекты направлены на формирование CALP, т. е. языковой когнитивной компетенции, в которую входит профессиональная лексика (content-specific vocabulary), грамматические структуры и дискурсивные маркеры, необходимые для обсуждения проблемы, выражения мнения и представления результатов (Functional Language). В то время как BICS (базовые коммуникативные навыки) развиваются параллельно в процессе естественного общения, командной работы, дискуссии и т. д.

Результаты исследования соотносились нами с возможностью использования плюрилингвального подхода в преподавании, а имен-

но — использовании нескольких иностранных языков согласно дидактическим принципам CLIL. Большинство проектов, следуя дуальному принципу изучения предмета через язык и языка через предмет, задействуют только один иностранный язык — испанский. Однако нами была выявлена намечающаяся тенденция к внедрению аудиотекстов на английском языке. На наш взгляд, применительно к студентам-лингвистам именно плюрилингвальный подход позволил бы сформировать активную плюриязыковую личность, которая свободно задействует накопленный репертуар плюриязыковых ресурсов в соответствии со своими потребностями, знаниями и желаниями.

Опираясь на труды Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, а также результаты, полученные в ходе обобщения и анализа, мы полагаем, что прием снятия когнитивной нагрузки, именуемый в английской терминологии «scaffolding», реализуется в вышеуказанных проектах за счет задействования различных каналов восприятия информации — зрения, слуха, осязания; составления глоссария ключевых слов, фраз, грамматических структур, вводных конструкций; включения игрового интерактивного компонента. Полученные результаты позволяют утверждать, что стратегия «scaffolding» должна быть реализована по-разному у студентов лингвистической и нелингвистической направленности обучения. Для студентов-лингвистов опорный материал целесообразно выстраивать с учетом профессиональных лингвистических знаний и умений, в то время как для студентов других направлений подготовки большую важность имеет практический языковой материал.

Полученные результаты позволяют утверждать, что в рамках методики CLIL успешно реализуется междисциплинарный подход. Интеграция знаний из разных областей, решение определенной задачи на стыке нескольких дисциплин позволяет прийти к целостному видению проблемы и построению осознанного знания.

ВЫВОДЫ

Проведенный аудит образовательных проектов, реализованных в соответствии с методикой предметно-языкового интегрированного обучения, позволяет предположить, что данная методика может успешно применять-

ся в вузовской практике профессиональной лингвистической подготовки будущих лингвистов — специалистов по межкультурной коммуникации, переводчиков и педагогов, готовых к преподаванию различных предметов на иностранном языке.

В центре изучения находится предмет, содержание которого студенту необходимо не просто понять и выучить, а осознать на иностранном языке, увидев, как данный термин / явление / концепт живет в профессиональном

сознании носителей и профессиональной реальности страны изучаемого языка.

Дальнейшее развитие данного направления лежит в области плюрилингвизма. Использование нескольких иностранных языков в предметно-языковом интегрированном обучении дает возможность студенту еще более эффективно овладеть предметом, а также позволяет говорить о воспитании личности, знающей родную культуру и способной вести диалог с иноязычной культурой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Дударева Н. А. Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг. *Вестник ИГЭУ*. 2010;(1):1–5.
Dudareva N. A. Internationalization of the Russian higher education system: Export of educational services. *Bulletin of IGEU*. 2010;(1):1–5. (In Russ.).
2. Байденко А. Ф. Болонский процесс. Курс лекций. М.: Издательство Логос; 2004.
Baidenko A. F. Bologna process. Course of lectures. Moscow: Logos Publishing House; 2004. (In Russ.).
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Национальное образование; 2016. 56 с.
Vygotskiy L. S. Thinking and speech. Moscow: National Education; 2016. 56 p. (In Russ.).
4. Krashen S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. California: Pergamon Press Inc.; 1982.
5. Coyle Do, Hood P., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press; 2013.
6. Cummins J. BICS and CALP: Empirical and theoretical status of the distinction. Toronto: Encyclopedia of Language and Education; 2008.
7. Bloom B. S., Engelhart M. D., Furst E. J., Hill W. H., Krathwohl D. R. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Vol. Handbook I: Cognitive domain. New York: David McKay Company; 1956.
8. Anderson L. W., Krathwohl D. R., Airasian P. W., Cruikshank K. A., Mayer R. E., Pintrich P. R., Rath J., Wittrock M. A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. New York: Longman; 2001. 352 p.
9. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension Actions, Trends and Foresight Potential. URL: <http://europa.eu.int/comm/education/languages/index.html>
10. Hawkins M. R., Mori J. Considering 'trans-' perspectives in language theories and practices. *Applied Linguistics*. 2018;39(1):1–8.
11. Baker W. From intercultural to transcultural communication. *Language and Intercultural Communication*. 2021;22(1)61–14. DOI: 10.1080/14708477.2021.2001477
12. Baker W., Ishikawa T. Transcultural communication through Global Englishes. Routledge; 2021. 371 p.
13. Coste D., Moore D., Zarate G. Plurilingual and Pluricultural Competence. Studies Towards a Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching. URL: <https://rm.coe.int/168069d29b>
14. Candelier M. L'éveil aux langues à l'école primaire. Evlang: bilan d'une innovation européenne. Belgium: De Boeck Supérieur; 2003. 384 p.
15. Candelier M., ed. Janua Linguarum-La porte des langues. L'introduction de l'éveil aux langues dans le curriculum. Strasbourg: Council of Europe; 2003. 214 p.
16. Hawkins E. Awareness of Language: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press; 1984. 223 p.
17. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: МГЛУ (русская версия); 2003. 256 с.
Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Moscow: MGLU (Russian version); 2003. 256 p. (In Russ.).

18. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово; 2000. 246 с.
Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo; 2000. 246 p. (In Russ.).
19. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж; 1996. 238 с.
Safonova V. V. Study of languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations. Voronezh; 1996. 238 p. (In Russ.).
20. Богуславский М. В. Методологические и теоретические основы историко-педагогической экспертизы инноваций в образовании. *Проблемы современного образования*. 2016;(1):21–33.
Boguslavskiy M. V. Methodological and theoretical foundations of historical and pedagogical expertise of innovations in education. *Problems of modern education*. 2016;(1):21–33. (In Russ.).
21. Attard Montalto S., Walter L., Theodorou M., Chrysanthou K. The CLIL Guidebook. 2016. URL: <http://languages.dk/archive/clil4u/book/CLIL%20Book%20EN.pdf>
22. Ellis R. Task-based research and language pedagogy. *Language Teaching Research*. 2000;4(3):193–200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анна Ивановна Ковригина — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка ФИЯР МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Anna I. Kovrigina — Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer, Department of the Spanish Language, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8490-0425>

l_ete_indien@mail.ru

Ирина Николаевна Горячева — преподаватель кафедры испанского языка ФИЯР МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; старший преподаватель, ШИЯ НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Irina N. Goryacheva — Lecturer, Department of the Spanish Language, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Senior lecturer, School of Foreign Languages of HSE University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/000-0001-7424-1104>

irinag78@list.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.06.2022; принята к публикации 25.07.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.06.2022; accepted for publication on 25.07.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-122-133
УДК 81-11(045)

Развитие творческой активности студентов в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе

Н.Г. Кондрахина, Н.Е. Южакова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Проблема развития творческой активности подрастающего поколения приобретает сегодня особую значимость. Современные экономические, технологические и социокультурные реалии, техническая модернизация отраслей производства, научные достижения обуславливают общественную потребность в инициативных, творческих людях, зачастую – с нестандартным взглядом на проблему, гибким мышлением, стремлением к преобразованию действительности и расширению границ имеющегося опыта, к выходу за его пределы. Это соотносится в первую очередь с государственным видением результатов образования в неязыковом вузе и современными мировыми тенденциями модернизации образования. В статье проведен теоретический анализ и представлена оценка результатов педагогического эксперимента по апробации модели развития творческой активности студентов в рамках иноязычного образования. В работе описывается авторская модель развития творческой активности студентов и приводится диагностика ее эффективности. В целях обеспечения объективности и возможности сравнения результатов первоначального и итогового этапов эксперимента применялся практически одинаковый диагностический инструментарий.

Ключевые слова: языковое образование; иноязычное образование; творческие способности; творческая активность; неязыковой вуз

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Развитие творческой активности студентов в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):122-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-122-133

ORIGINAL PAPER

Progression of Students' Creative Activity in Studying Foreign Languages in a Non-Linguistic University

N.G. Kondrakhina, N.E. Yuzhakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Nowadays, the problem of developing the creative activity of the younger generation is of particular attention. Modern economic, technological and socio-cultural realities, technical modernization of industries, scientific achievements determine the social need for initiative, creative people, often with a substandard view of the problem, flexible thinking, the desire to transform reality and expanding the boundaries of experience, as well as going beyond it. Mainly, it is being correlated with the state vision of the education results in a non-linguistic university and modern global trends in the modernization of education. The paper provides a theoretical analysis and an assessment of the results of a pedagogical experiment on the approbation of a model for the development of students' creative activity in the framework of foreign language education. The research describes the author's model for the progression of students' creative activity and applies diagnostics of its effectiveness. The authors used almost the same diagnostic tools in order to ensure objectivity and the possibility of comparing the initial and final stages results of the trial.

Keywords: language education; foreign language education; creative skills; creative activity; non-linguistic university

For citation: Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Progression of students' creative activity in studying foreign languages in a non-linguistic university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):122-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-122-133

В соответствии с новым Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» содержание современного школьного и высшего образования включает не только обучение и воспитание ребенка, но и его всестороннее развитие, а также позитивную социализацию, готовность стать активным гражданином и профессионалом, способным к познанию и преобразованию мира.

Целенаправленное развитие творческой активности имеет также немаловажное значение для самого студента, что связано с его потребностями и интересами [1]. Во-первых, данный период характеризуется стремлением к активному познанию, фантазированию, любознательностью, интенсивным умственным и эмоциональным развитием, открытостью к совместному творчеству, желанием быть полезным и т.п. Во-вторых, в условиях активного развития информационно-коммуникативных технологий снижается роль творческих форм познавательной деятельности, естественной (а не сетевой) коммуникации, появляется зависимость от получения признания не в реальной, а в виртуальной жизни.

Таким образом, особую актуальность приобретает проблема педагогического содействия включению студента в реальную активную познавательно-преобразовательную деятельность и совместное творчество, чему в большей степени может способствовать внеурочная работа с ее гибким графиком, нежесткими рамками взаимодействия, созданием атмосферы творческого поиска, психолого-педагогической поддержкой и т.п. [2]. Все это будет содействовать повышению качества образовательного процесса в неязыковом вузе и обусловит необходимое инновационное решение актуальных вопросов развития творческой активности студента.

Творческая активность личности рассматривается в научном дискурсе как сложное и многоаспектное явление, что обусловлено, в том числе, разнообразием подходов к осмыслению сути основных дефиниций «творчество» и «активность личности».

Проблема творчества издавна была предметом изучения многих ученых в области философии, культурологии, психологии, филологии, педагогики и пр. Это объясняется тем, что общество всегда нуждалось в активных личностях, обладающих пытливым умом, способных творить, создавать новый продукт, находить ответы на самые сложные вопросы и т.п. Следует отме-

тить, что изначально философская трактовка творчества как особой, конструктивной, деятельности связывалась с эволюционным процессом развития живой природы и определялась как «механизм естественного творчества», который стал предпосылкой цивилизационного развития общества и человека [3].

Творчество как полиаспектное явление, включающее не только интеллектуальные, психические, но и социальные качества, рассматривали Д.Б. Богоявленская, С. Каплан, Дж. Рензулли, Р. Стернберг. Как правило, ученые-исследователи связывают с понятием «творчество» деятельность, обусловленную способностью вносить изменения в окружающий мир, что можно считать особым видом реализации сущностных сил личности [4, 7]. Таким образом, творческая деятельность сближается с креативной как продуктивный процесс «преображающего» взаимодействия субъекта с реальностью, социумом, когда активизируются не только интеллектуальные навыки, знания, стили мышления индивида, но и мотивация на достижение результата, происходит создание психического образа в объекте.

Достаточно интересным представляется в этой связи мнение Т. Любарта, считающего творческой такую деятельность, которая позволяет «предвосхитить разнообразие форм креативности» [8], а также понять причинно-следственные факторы появления новых, необычных форм деятельности личности и, главное, перспективность их результатов. По мнению Т. Любарта, творчество коррелируется с понятием о творческих достижениях, которые можно рассматривать как результаты творческого процесса. Он разделяет формы основных творческих достижений на три основные группы: принятие текущей модели действий в данной области деятельности, отвержение или модельный синтез разных областей деятельности.

С представлениями о творческой деятельности как разновидности креативной деятельности он связывает такие понятия, как «репликация», «переопределение», «прирост» и «резкий прирост», и считает, что оценка эффективности результатов творческой деятельности может исчисляться как количественно, так и качественно.

В трудах Д.Б. Богоявленской также прослеживается идея связи творческой деятельности с прогнозированием достижений и результативности, где она предстает социально-активным действием личности и является «самостоятельной высшей формой активности индивида, отображая

нестандартный вид его действия» [4]. Творческая деятельность, как утверждает ученый, имеет более широкий диапазон результативности, чем исходные критерии поставленных задач, что приводит к преобразованию самой цели. Такая деятельность характеризуется как целеполагающая и детерминирует свободное действие, раскрывая глубинный потенциал личности.

Е. П. Ильин определяет творческую деятельность как процесс, который «не следует установленным правилам» и «требует напряженного труда и преодоления препятствий на пути к конечному продукту» [9]. Ученый утверждает, что такой продукт переходит междисциплинарные границы и отождествляет синтез смежных областей знания.

Похожая позиция прослеживается и в других современных исследованиях, где творчество определяется как деятельный процесс личности, направленный на преобразование или создание материальных и социокультурных ценностей, значимых для общества и себя лично с применением «гибкости ума, способности к интеллектуальной перенастройке» [9].

Р. Стенберг связывает творчество с реализацией личностью творческих способностей и определяет следующие их уровни: интеллектуальные (способность к синтезу, анализу и т.п.); информационно-поисковые (способность к поиску и накоплению информации об исследуемом предмете); способности к внутренней осознанной мотивации, что соотносится с личностным интересом к действиям по созданию нового (творческого) продукта [7]. Источниками творческого воображения и творческих способностей, по мнению ученого, выступают целенаправленная, непосредственно руководимая волей и сознанием духовно-практическая деятельность и интуиция личности.

Осмысление понятий «творчество», «творческая деятельность», «творческие способности» в педагогическом дискурсе имеет особое значение в связи с требованием современной науки и практики к воспитанию активной творческой личности, человека, способного понимать инновационные процессы технологического общества и содействовать им, последовательно и целенаправленно включаясь в преобразующую творческую деятельность. В этой связи проблема стимулирования творчества обучающихся, вне зависимости от области образования, рассматривалась в трудах таких исследователей, как

Ш. А. Амонашвили, Л. Н. Азарова, Е. П. Варламова, Л. С. Выготский, Э. А. Голубева, В. В. Давыдов, В. С. Ильин, Е. П. Ильин, В. А. Петровский, Б. М. Теплов и др.

Ученые используют такие понятия, как «творческий опыт», «творческая реализация личностного потенциала», «творческий отклик», а основными развиваемыми качествами, определяющими способность к творчеству, называют находчивость и изобретательность, критическое мышление, коммуникативность, способность к совместному поиску, проектированию, мотивацию к саморазвитию и др. [10–12]. Е. П. Ильин выделяет четыре особенности творческого мышления учащегося: оригинальность, нетривиальность идей; способность видеть новое использование объекта изучения (семантическая гибкость); образность мышления — способность изменять восприятие объекта и видеть скрытые, новые аспекты; спонтанность как семантическая гибкость к продуцированию разнообразных идей в спорных ситуациях [9]. Он связывает развитие творческого мышления учащихся с педагогическими «провокациями», с постановкой учителем проблемы, которую невозможно разрешить, опираясь только на имеющиеся знания, и требующей нестандартного мышления, готовности самостоятельно принять решение.

В рамках нашего исследования интересны рассуждения отдельных ученых о том, что творчество определяет внутренние ресурсы личности, «которые заключают в себе особую энергию не только духовных, но и биосоциальных сущностных сил человека» [13]. Здесь, на наш взгляд, речь идет именно о творческой активности личности.

Активность относится к базовым категориям в теории развития личности и проявляется в различных видах (двигательная, речевая, мыслительная, коммуникативная, социальная и др.). Особое место занимает познавательная активность, выступающая, в том числе, «двигателем» тяги к творчеству [14]. Это соотносится с новой парадигмой образования, определяющей необходимость формирования субъектной позиции обучающегося, а в младшем школьном возрасте понимание субъекта, субъектной позиции связано с такими качествами ученика, как активность, самостоятельность, способность действовать.

Как отмечает С. А. Патрикеева, «термин “активность” одни ученые отождествляют с деятельностью, энергичностью, динамичностью, другие — с результатом деятельности, третьи

рассматривают активность в более широком смысле» [15]. Принцип активности обучающегося как личности был сформулирован еще К.Д. Ушинским и стал одним из основополагающих в педагогике. В.А. Сухомлинский выступал категорически против того, чтобы превращать ученика в пассивного потребителя, «хранилище знаний, кладовую истин, правил и формул» [16].

Наиболее полно исследования природы человеческой активности представлены в педагогике и психологии, в частности в рамках общей теории деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), провозгласившей принципы соотношения обучения и развития, взаимосвязи сознания и деятельности, общественного и личного.

Особое значение в рамках проводимого исследования имеют для нас идеи С. Л. Рубинштейна, который, проанализировав концепции зарубежных ученых, выдвинул новый принцип обусловленной взаимосвязи и взаимозависимости внутреннего и внешнего факторов развития активности личности (в противовес теориям, в которых отрицались внешние средовые факторы и отдавалось предпочтение врожденным особенностям организма) [17].

В педагогике данные принципы позволили утвердить положение о том, что ученик является полноправным субъектом обучения; обеспечили тесную связь теории, методики и практики обучения и воспитания; легли в основу гуманизации и демократизации современной школы. В рамках проводимого исследования интересно мнение Э.А. Красновского, считавшего активность важнейшей характеристикой личности студента, связанной с интересом к новому, стремлением к успеху, «готовностью к решению задач, постепенное усложнение которых лежит в основе процесса обучения» [5].

В психологии и педагогике поднимается также вопрос о соотношении понятий «активность» и «деятельность». Преобладает мнение, что активность «как бы предшествует деятельности во времени» и стимулирует ее, она также сопровождает сам процесс деятельности, «строит варианты по ходу деятельности» [5].

В то же время В.Г. Мордкович указывает, что активность есть существенный признак субъекта («без активности нет и субъекта») и предостерегает от осуществления «навязанной деятельности», ведь если воспитанник становится объектом, слепо реализующим чужую волю, это, скорее

всего, можно назвать «социальной пассивностью» [6].

И. С. Якиманская также утверждает, что любая человеческая активность (в том числе, познавательная, творческая) всегда связана с личными целями и намерениями, а также потребностями человека, с его эмоционально избирательным отношением к выполняемым (или планируемым) действиям [10]. Какие-либо педагогические, культурные, социальные и т.п. ценности не могут быть просто навязаны, они должны быть соотнесены с индивидуальными ценностями ученика, которые «присвоены» им, стали содержанием его внутреннего мира и, как следствие, источником субъектной активности [18].

Как отмечает Н.А. Бордуг, активность личности проявляется в волевых актах, общении, активной жизненной позиции человека, принципиальности, последовательности в отстаивании своих взглядов, но ярче всего — в творчестве [19].

На основании этого определения дефиниции «творческая активность личности» придается особое значение в современном научном дискурсе. Она понимается как способность личности самостоятельно ставить задачи, так же самостоятельно получать новые знания и приобретать определенные умения, «овладевать поиском конструктивных методов решения креативных задач и развивать творческое видение и мышление» [20]. По мнению С.В. Максимовой, творческая активность, которая «инициируется усмотрением новой возможности в области познания, действия или чувствования», направлена на реализацию этой возможности. При этом она подчеркивает, что творческая активность, как правило, присуща каждому ребенку, и она должна быть поддержана взрослыми, так как только с помощью других ребенок может осознать себя как субъект творчества [13]. В.А. Петровский называет это «феноменом отраженной субъектности», указывая, что именно он выступает механизмом развития творческой активности [3].

С.А. Патрикеева считает, что творческая активность — это особое качество личности, которое соотнесено в ней с динамичностью и яркой выраженностью потребностей, мотивов и т.п., и это качество проявляется в разнообразной деятельности, способной обеспечить творческий поиск, созидание, самостоятельность в выборе замысла и его воплощении [15]. Н.В. Майорова под творческой активностью понимает стремление ученика к преодолению привычных норм,

стандартов и способов действия, к постоянному поиску новых задач, оригинальных (нестандартных) методов и приемов их решения [21].

Приступая к определению сути творческой активности непосредственно в контексте проводимого исследования, отметим, что считаем основополагающими в этой связи следующие подходы.

Личностно-деятельностный, как ведущий к пониманию творческой активности. Данный подход нашел отражение в трудах Е. В. Бондаревской, Л. С. Выготского, А. К. Марковой, С. Л. Рубинштейна, И. С. Якиманской и др. При этом можно предположить, что личностный компонент личностно-деятельностного подхода может быть скоррелирован с выявленным на основе гуманистической психологии А. Маслоу принципом «student-centred approach» (акцента, сконцентрированности на ученике) — максимальным учетом субъектности студента.

В то же время, по мнению Г. А. Караваева, деятельностный компонент базируется на идее активности «субъекта познания», которая возможна исключительно в рамках специальной организации учебной, трудовой, общественно-полезной и т. п. деятельности [22]. Приоритет личностно-деятельностного подхода над личностно-ориентированным признавал также С. Л. Рубинштейн, который подчеркивал, что необходимо опираться на общий методологический принцип формирования и проявления психики и сознания в деятельности, считая, что деятельность и сознание «образуют органическое целое — не тождество, но единство» [17].

Применительно к творческой деятельности ученика личностно-деятельностный подход способствует удовлетворению познавательных, духовных и др. потребностей каждого студента, развитию его сознательной творческой активности на основе собственной мотивации, что соответствует гуманистической идее наделяния личностным смыслом (личностной значимостью) любой деятельности ученика. Предлагаемые преподавателем виды деятельности соотносятся с учетом индивидуальных запросов и потребностей ученика, его интересов, склонностей — только в таком случае возможна нацеленность личности на творчество и саморазвитие.

Основная идея следующего, *средового*, подхода связана с пониманием ведущей роли образовательной среды в формировании личности (С. В. Алексеев, С. Выготский, В. В. Рубцов, В. И. Слободчиков, А. В. Хуторской, В. А. Ясвин).

При этом в ряде наук: философии, социологии, психологии, педагогике понятие «среда», как правило, соотносится с определением и обоснованием обуславливающих бытие человека природных, общественных, материальных и духовных ресурсов. В психологии понятие «среда» раскрывается через анализ взаимосвязи действий человека с его мотивацией, окружением, стилем взаимодействия, условиями [12, 23].

Появление термина «среда» в российской педагогике и психологии связывают с 20-ми гг. прошлого столетия, в частности с работами С. Т. Шацкого, П. П. Блонского, Л. С. Макаренко. На основе их работ в педагогический дискурс были введены понятия «окружающая среда», «педагогика среды», «общественная среда ребенка». В целом, в теории педагогики понятие «среда» включает все то, что оказывает непосредственное влияние на обучение, становление личности, т. е. воспитание и развитие субъекта [16]. Многими отечественными исследователями среда признается важнейшим средством воздействия на личность студента. Педагоги и психологи подчеркивают, что внимание к возможностям образовательной среды позволяет превратить ее в проводника педагогического содействия развитию студента, совершенствования его исследовательских и творческих навыков [16].

В рамках проводимого исследования для нас также важно мнение А. В. Хуторского, который соотносит с образовательной средой непосредственно усилия педагога, реализующего возможности естественно или искусственно создаваемого окружения личности, включающего ее (на основе применяемых методов, средств) в продуктивную творческую деятельность [16].

В данном исследовании *средовой* подход соотносится с возможностями иноязычного образования помочь в решении задачи развития творческой активности студента. Оно, по сути, является той развивающей творческой средой, которая максимально учитывает принципы построения содержания программ творческого развития с учетом возрастных особенностей студента; интеграции востребованных детьми различных видов творческой деятельности; применения таких методов и приемов, которые направлены не на воспроизведение материала (как в учебном процессе), а на стимулирование процесса формирования и развития творческих способностей и интересов [24].

В этой связи мы ставим вопрос о значении для исследуемой проблемы социально-педагогического подхода, сторонники которого указывают на взаимосвязь организации целенаправленного обучения, воспитания, развития личности и запросов конкретного социума, что обуславливает внимание к потенциальным возможностям, в том числе и образовательных сред, различных видов иноязычного образования (И. Ф. Бережная, В.Г. Бочарова, Ю.В. Василькова, М.А. Галагузова, М.П. Зайцев, Л.А. Зеленов, Г.Н. Кудашов и др.).

Творческая активность самым непосредственным образом связана с социальной активностью личности, когда соотносится с общественно полезной человеческой жизнедеятельностью. При этом социальная активность личности проявляется в контексте взаимодействия с другими детьми, педагогами, социумом.

Таким образом, на основе проведенного комплексного анализа подходов к пониманию дефицитов «творчество», «активность», «возможности иноязычного образования» понятие «творческая активность студента» в рамках исследования трактуется как особая педагогическая интегративная характеристика, соотнесенная с:

- комплексами интересов, мотивов и ценностных установок студента (развитый познавательный интерес, желание творить, склонность к поиску нестандартных решений; принятие ценностей социальной значимости, позитивной коммуникации, толерантности, успешности, созидания и т.п.); определяем это как мотивационно-ценностный компонент творческой активности студента;

- личностными качествами студента, связанными с положительными эмоциональными переживаниями и способствующими достижимости результата, удовлетворению от деятельности (увлеченность, ответственность, инициативность, любознательность, самостоятельность, целеустремленность, усидчивость и др.); определяем это как эмоционально-личностный компонент творческой активности студента;

- «присвоенными» студентом знаниями и умениями, компетенциями, позволяющими целенаправленно осуществлять поисковую, аналитическую, прогностическую, проблемно-эвристическую и практическую (техническую) деятельность в контексте решения творческих задач, создания нового продукта и т.п.; определяем это как интеллектуально-деятельностный компонент творческой активности студента;

- социально ориентированными и психологическими установками и способностями (понимание социальной значимости творческой деятельности, целеполагание, способность к адекватной самооценке, рефлексии, конструктивному взаимодействию и др.); определяем это как рефлексивный компонент творческой активности студента.

Данные составляющие (комплексы) будем считать компонентами общей педагогической интегративной характеристики, на развитие которых должны быть направлены усилия педагога при организации иноязычного образования.

Одними из важнейших задач при этом выступали анализ эффективности предложенной модели по достижению искомого результата, а также проверка гипотезы исследования. Последняя представляет собой предположение авторов о том, что развитию творческой активности студентов в рамках иноязычного образования может способствовать целенаправленное педагогическое содействие, понимаемое в исследовании как особый педагогический стиль, применяемый для поддержки развития у студента мотивации к творчеству, познанию, преобразованию и др.; как целенаправленный педагогический процесс по формированию у студента умений, навыков и качеств личности, значимых для активной творческой деятельности. Это предопределило комплексный характер экспериментальной деятельности и обусловило включение в нее трех основных этапов.

На первом этапе ставились задачи, связанные с первоначальной диагностикой и определением в этой связи критериев и диагностического инструментария для оценивания исходного уровня знаний, умений, ценностных ориентаций, личных качеств студентов и т.п., значимых для развития их творческой активности в рамках иноязычного образования.

Второй этап рассматривался как формирующий эксперимент, который решал задачи апробации предложенной педагогической модели и активизации педагогического содействия развитию творческой активности детей.

Этап итоговой диагностики был соотнесен с повторным (контрольным) оцениванием знаний, умений, ценностных ориентаций, личных качеств студентов и т.п., важных для развития их творческой активности в рамках иноязычного образования. На данном этапе шел также анализ результативности применения (апробации) авторской педагогической модели.

Критерии и показатели желаемого (оптимального) уровня сформированности творческой активности студентов средствами иноязычного образования / Criteria and indicators of a wishful (optimum) level of students' creative activity through foreign language education

Критерий	Показатель
Мотивационно-ценностная составляющая творческой активности	<ul style="list-style-type: none"> • Ярко выраженный познавательный интерес и мотивация к творчеству; • проявляемая в деятельности склонность к поиску нестандартных решений; • отмечаемое в суждениях, решениях, поступках, при совместной деятельности принятие студентом ценностей социальной и личной значимости творческих усилий, созидания, активного познания; • проявляемая при совместной (групповой) работе склонность к позитивной коммуникации, толерантность
Личностная составляющая творческой активности	<ul style="list-style-type: none"> • Наблюдаемые педагогом личностные качества студента, соотнесенные с положительными эмоциональными переживаниями при осуществлении творческой деятельности; с любознательностью, увлеченностью; • активно проявляемые и отмечаемые педагогом качества, такие как ответственность, инициативность, самостоятельность, целеустремленность, усидчивость и др.
Интеллектуально-деятельностная составляющая творческой активности	<ul style="list-style-type: none"> • Наблюдаемое педагогом применение умений, позволяющих младшему школьнику целенаправленно осуществлять поисковую, аналитическую, прогностическую и т.п. деятельность в контексте решения творческих задач; • отмечаемая у студентов нацеленность на проблемно-эвристическую деятельность; применение соответствующих умений и навыков; в том числе нацеленность на создание нового продукта при решении творческих задач
Рефлексивная составляющая творческой активности	<ul style="list-style-type: none"> • Позитивная реакция на замечания и предложения педагога; • отмечаемые социально ориентированные и психологические установки студента на совместное творчество; • готовность к совместному обсуждению результатов, вариантов выхода из ситуации неопределенности, отчаяния («ничего не получается»); • бесконфликтное и уважительное отношение к мнению других (не только педагога); • способность к адекватной самооценке

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

С учетом данного утверждения мы разработали критерии условного эталона и соотнесли их, во-первых, с выявленными и описанными компонентами творческой активности; во-вторых, с искомым результатом — желаемым (оптимальным) уровнем сформированности творческой активности студентов средствами иноязычного образования.

При этом подчеркнем, что под «критерием» мы понимаем признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо. Мы также принимаем во внимание утверждения исследователей о том, что критерии должны:

- отражать основные этапы развития личности;

- устанавливать корреляционные связи между всеми компонентами рассматриваемого явления; раскрываться через ряд конкретных показателей;

- отражать возможность проследить динамику измеряемого явления, качества и т.п.;
- обеспечивать единство и взаимосвязь качественных и количественных показателей.

Представим критерии и показатели желаемого (оптимального) уровня сформированности творческой активности студентов средствами иноязычного образования (табл. 1).

Эксперимент проходил на базе Финансового университета. В нем участвовало 80 студентов. Оценка результатов педагогического экспери-

Таблица 2 / Table 2

Сопоставление результатов ответов, полученных по авторскому опроснику до и после формирующего эксперимента / Comparison of the answers results received according to the author's questionnaire before and after the formative experiment *

Опросник	Да, у меня это развито (кол-во студентов)	
	до эксперимента	после эксперимента
1. Стремление к интересным делам	26	47
2. Активная деятельность после занятий	31	62
3. Личное участие в планировании дел; в кружке/секции	25	41
4. Ответственное отношение к любым поручениям в творческой деятельности	25	38
5. Стремление быть организатором	18	29
6. Я считаю творчество любимым делом	18	52
7. Я очень любознательный	20	36
8. Я хотел бы создать что-то новое	25	47
9. Я хотел бы участвовать в конкурсах	24	32
10. Я приветствую участие только в реальных полезных делах	30	36
11. Люблю предлагать новые дела	17	28
12. В свободное время стремлюсь узнавать что-то новое	15	35
13. Считаю, что свободное время дано, чтобы отдыхать и поиграть на компьютере	43	38
14. В свободное время люблю что-то мастерить руками	15	29
15. Зачем стремиться что-то узнавать, ведь все есть в интернете	44	19

* *Примечание / Note:* допускался выбор нескольких ответов / multiple answers allowed.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

мента по апробации модели педагогического содействия развитию творческой активности студентов в рамках иноязычного образования осуществлялась в ходе контрольного (итогового) этапа эксперимента.

Важнейшим механизмом достижения поставленной цели развития творческой активности студентов в рамках иноязычного образования является, на взгляд авторов, качественное педагогическое содействие данному процессу, рассматриваемое как проявление мастерства педагога, что реализуется в виде:

- педагогической поддержки;

- педагогического сопровождения;
- применения элементов тьюторства.

Используются такие методы, приемы, формы организованной деятельности, как: проблемно-эвристические, творческие задания, обзоры в начале каждого занятия («В мире интересного»); рассказы об успешных людях; «пятиминутки доверия» (индивидуальные беседы, консультации); ведение дневника успешности; «эмоциональная пауза» в ходе занятий (отдых, релакс); всемерная пропаганда достижений, в частности поэтапное заполнение стенда «Лестница успеха и творчества» (по итогам нескольких занятий) и др.

Таблица 3 / Table 3

Шкала оценок организаторских способностей (в сопоставлении) / Enterprising skills rating scale (in comparison)

«О»	Уровень проявления организаторских способностей	Количество студентов	
		до эксперимента	после эксперимента
0,20–0,55	Низкий	38	19
0,56–0,65	Ниже среднего	22	10
0,66–0,70	Средний	10	27
0,71–0,80	Высокий	10	21
0,81–1,00	Очень высокий	0	3

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Шкала оценок коммуникативных способностей (в сопоставлении) / Communication skills rating scale (in comparison)

«К»	Уровень проявления организаторских способностей	Количество студентов	
		до эксперимента	после эксперимента
0,10–0,45	Низкий	25	6
0,46–0,55	Ниже среднего	22	10
0,56–0,65	Средний	18	31
0,66–0,75	Высокий	15	28
0,76–1,00	Очень высокий	0	5

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

О значительных позитивных изменениях в мотивационной сфере студентов, их ценностных установках и т.п. свидетельствует сопоставление результатов ответов на вопросы из авторского опросника до и после формирующего эксперимента (табл. 2).

Результаты ответов, выявляющих ценностные установки, направленность личности студента, говорят о заметной активизации их интереса к творчеству, созиданию, стремлению быть полезным, активной деятельности после занятий.

Улучшение организаторских («О») и коммуникативных («К») навыков продемонстрировал также тест В.В. Синявского, В.А. Федорошина (табл. 3, 4).

Как видим, наиболее значительная динамика отмечается в направлении развития коммуникативных умений, что объясняется более активной командной деятельностью студентов по созданию совместных проектов. Один из значимых для

формирования творческой активности студентов компонент — интеллектуально-деятельностный — мы проверяли с помощью нескольких проблемно-творческих и аналитических заданий. Результаты выполнения заданий представлены на рисунке.

Результаты свидетельствуют, что у студентов ЭГ значительно выше уровень умений, проверявшихся с помощью проблемно-творческих и аналитических заданий (умения разграничивать существенные и несущественные признаки предметов и явлений, классифицировать их; выделять суть при характеристике признаков предметов и явлений; устанавливать логические связи и отношения между понятиями; обобщать и т.п.).

В ходе контрольного этапа диагностики нами была также констатирована значительная динамика и в развитии рефлексивного компонента творческой активности. Как отметили педагоги на

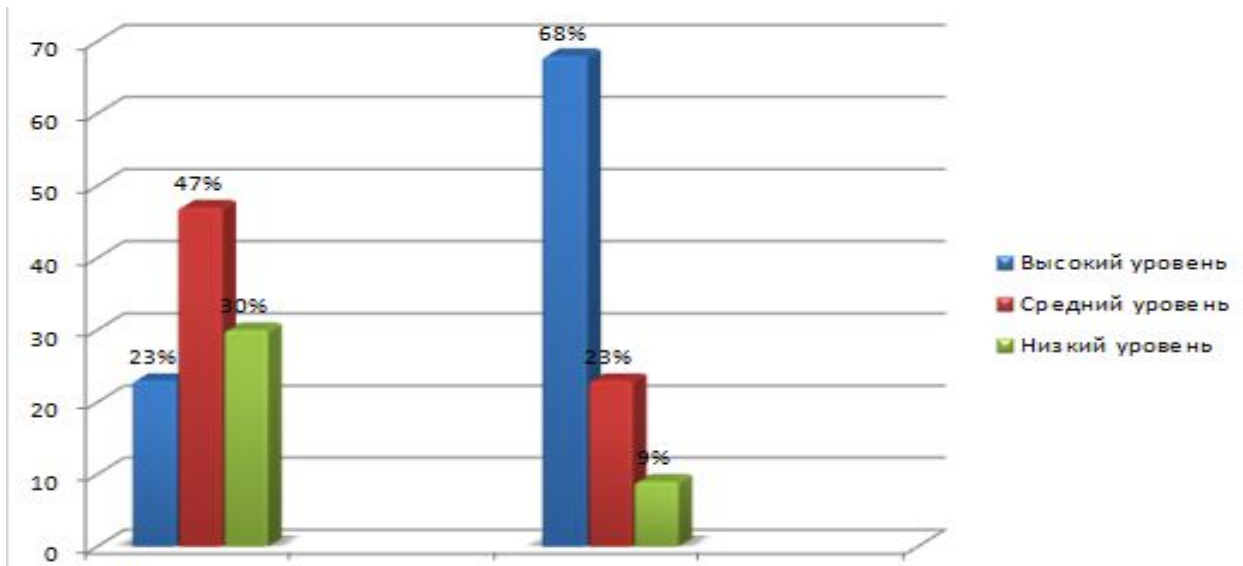

Рис./ Fig. Результаты сформированности проблемно-творческих и аналитических умений студентов в контрольной группе (КГ, левая часть) и экспертной группе (ЭГ, правая часть), в % от общего числа респондентов / Formation results of problem-creative and analytical skills of students in the control group (CG, left part) and expert group (EG, the right part), % of the total number of respondents

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

итоговом проблемном семинаре, студенты стали более открытыми, дружелюбными, проявляют позитивную реакцию на замечания и предложения педагога.

Таким образом, в целом, проведенный эксперимент и итоговая проверка его результатов позволяют утверждать, что цели исследования достигнуты. Подтверждена эффективность предложенной автором модели педагогического содействия формированию творческой активности студентов средствами иноязычного образования.

В целях обеспечения объективности и возможности сравнивать результаты первоначального и итогового этапов эксперимента применялся практически одинаковый диагностический инструментарий.

Повторная диагностика позволила констатировать:

1) абсолютное большинство преподавателей показали понимание системной организационно-методической работы по повышению мастерства в области педагогического сопровождения формирования и развития творческой активности студентов средствами иноязычного образования;

2) по всем показателям наблюдается позитивная динамика в формировании ценностных установок студентов на активное творчество, познание нового; отмечено развитие их личных качеств, знаний и умений, опыта совместных действий, соотнесенных с планируемым результатом — достижением оптимального уровня формирования творческой активности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жучков В.М. Развитие научно-технического творчества детей: современное состояние, проблемы. *Современное образование: традиции и инновации*. 2017;(1):28–31.
2. Мельник В.И. Методологические основы изучения и развития креативности студентов. Екатеринбург: Изд-во РГППУ; 2013. 117 с.
3. Петровский А.В. Теоретическая психология. М.: Академия; 2001. 495 с.
4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия; 2002. 320 с.
5. Красновский Э.А. Показатели в образовании. *Стандарты и мониторинг в образовании*. 2002;(5):53–57.
6. Мордкович В.Г. Социальная активность: некоторые методические проблемы фиксации и измерения. М.: Академия наук СССР; Институт социологических исследований; 1986. 137 с.
7. Robert J. Sternberg. The Nature of Creativity. *Creativity Research Journal*. 2006;18(1):87–98.
8. Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр; 2009. 137 с.
9. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер; 2009. 434 с.

10. Амонашвили Ш.А. Гуманноличностный подход к детям. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК»; 1998. 544 с.
11. Бондарева П.Г. Творчество как способ всестороннего развития детей. *Вестник науки и творчества*. 2020;10(58):16–19.
12. Ильин Е.П. Психология для педагогов. СПб.: Питер; 2012. 640 с.
13. Максимова С.В. Принципы комплементарно-семантического подхода в системе развития творческой активности школьников на основе портфолио. *Педагогика искусства*. 2020;(4):218–225.
14. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений. Дис. ... кан. пед. наук: 13.00.01. М.; 2000.
15. Патрикеева С.А. Роль самодеятельного творчества в процессе формирования творческой активности школьников. *Социально-экономические явления и процессы*. 2013;1(47):272–275.
16. Хуторской А.В. Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении. URL: <http://eidos.ru/journal/2005/0901/htm>
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер; 2000. 705 с.
18. Якиманская И.С. Принцип активности в педагогической психологии. *Вопросы психологии*. 1989;(6):5–13.
19. Бодруг Н.А. Компоненты, критерии, показатели и уровни сформированности педагогического мастерства будущих учителей. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1409411305>
20. Груздева М.В. Особенности реализации преемственности по развитию речевого творчества у детей дошкольного и младшего школьного возраста. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2017;(2):182–194.
21. Майорова Н.В. Проблема развития творческой познавательной активности в истории педагогической мысли. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева*. 2013;3(79):76–80.
22. Караваев Г.А. Внутренний мир и социальная активность личности (из опыта работы). Всякая активность есть деятельность? Что мы исследуем: деятельность или активность? Вопросы преподавания философии и общественных наук. Сб. науч. тр. Якутск: Изд-во ЯГУ; 2001. 115 с.
23. Юнусова Э.А.-Г. Теоретические основы развития творческой активности школьников в учебно-воспитательном процессе. *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология*. 2019;2(16):28–32.
24. Козилова Л.В. Современные образовательные среды и проблемы профессиональной самореализации педагогов. Монография. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука»; 2020. 160 с.

REFERENCES

1. Zhuchkov V.M. Development of scientific and technical creativity of children: Current state, problems. *Modern education: traditions and innovations*. 2017;(1):28–31. (In Russ.).
2. Melnik V.I. Methodological bases for the study and development of students' creativity. Ekaterinburg: Publishing House of RGPU; 2013. 117 p. (In Russ.).
3. Petrovsky A.V. Theoretical psychology. Moscow: Academy; 2001. 495 p. (In Russ.).
4. Bogoyavlenskaya D.B. Psychology of creative abilities. Moscow: Academy; 2002. 320 p. (In Russ.).
5. Krasnovsky E.A. Indicators in education. *Standards and monitoring in education*. 2002;(5):53–57. (In Russ.).
6. Mordkovich V.G. Social activity: Some methodological problems of fixation and measurement. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Sociological Research; 1986. 137 p. (In Russ.).
7. Robert J. Sternberg. The Nature of Creativity. *Creativity Research Journal*. 2006;18(1):87–98. (In Russ.).
8. Lubart T. Psychology of creativity. Moscow: Kogito-Centre; 2009. 137 p.
9. Ilyin E.P. Psychology of creativity, creativity, giftedness. St. Petersburg: Peter; 2009. 434 p. (In Russ.).
10. Amonashvili Sh. A. Humane ways to children. M.: Publishing House "Institute of Practical Psychology"; Voronezh: NPO "MODEK" Publishing House; 1998. 544 p. (In Russ.).
11. Bondareva P.G. Creativity as a way of comprehensive development of children. *Bulletin of science and creativity*. 2020;10(58):16–19. (In Russ.).
12. Ilyin E.P. Psychology for teachers. St. Petersburg: Peter; 2012. 640 p. (In Russ.).
13. Maksimova S.V. Principles of the complementary-semantic approach in the system of creative activity of schoolchildren development based on the portfolio. *Pedagogy of Art*. 2020;(4):218–225. (In Russ.).

14. Belyaev G. Yu. Pedagogical characteristics of the educational environment in various types of educational institutions. Dis. ... Cand. Sci. (Ped.): 13.00.01. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Patrikeeva S.A. The role of amateur creativity in the process of forming the creative activity of schoolchildren. *Socio-economic phenomena and processes*. 2013;1(47):272–275. (In Russ.).
16. Khutorskoy A.V. Model of the educational environment in distance heuristic learning. URL: <http://eidos.ru/journal/2005/0901/htm>. (In Russ.).
17. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter; 2000. 705 p. (In Russ.).
18. Yakimanskaya I.S. The principle of activity in educational psychology. *Questions of psychology*. 1989;(6):5–13. (In Russ.).
19. Bodrug N.A. Components, criteria, indicators and levels of pedagogical skills formation of future teachers. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1409411305>. (In Russ.).
20. Gruzdeva M.V. Features of the implementation of continuity in the development of speech creativity in children of preschool and primary school age. *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*. 2017;(2):182–194. (In Russ.).
21. Mayorova N.V. The problem of the development of creative cognitive activity in the history of pedagogical thought. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2013;3(79):76–80. (In Russ.).
22. Karavaev G.A. Inner world and social activity of the individual (from work experience). Is all activity as it? What do we study: activity or playing? Issues of teaching philosophy and social sciences: Scientific collection. Yakutsk: YSU Publishing House; 2001. 115 p. (In Russ.).
23. Yunusova E.A.-G. Theoretical foundations for the development of creative activity of schoolchildren in the educational process. *Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology*. 2019;2(16):28–32. (In Russ.).
24. Kozilova L.V. Modern educational environments and problems of professional self-realization of teachers: monograph. Petrozavodsk: ICNP “New Science”; 2020. 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Professor of the Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>
NKondrakhina@fa.ru

Нина Евгеньевна Южакова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Nina E. Yuzhakova — Senior Lecturer of the Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>
NYuzhakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 05.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-134-139
УДК 378.4(045)

Экосистема «Дистант» сквозь призму диады преподаватель-студент

В.С. Арутюнян

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу роли преподавателя как гаранта поддержания качества образовательного процесса в высшем учебном заведении в условиях дистанционного формата обучения. Автор приводит подробное описание экосистемы «Дистант», ее положительных и отрицательных сторон. Основу исследования составляет коллаборативный метод в обучении. Особенности обучения с помощью дистанционных технологий рассматриваются автором как с позиции студента, так и с позиции преподавателя. Личность преподавателя интерпретируется с точки зрения проводника коллаборативной и мотивирующей ролей. Особое внимание уделяется коллаборативному методу обучения, который оказался наиболее эффективным в период дистанционного обучения, так как именно он позволяет достичь максимального взаимодействия между рассматриваемой диадой коммуникантов образовательного процесса. Результаты исследования позволяют определить основные факторы, влияющие на качество образовательного процесса с применением дистанционных технологий, выявить основные сторонние элементы, в той или иной степени препятствующие достижению максимального эффекта в период дистанционного обучения.

Ключевые слова: экосистема «Дистант»; дистанционный формат обучения; дистанционные технологии; коллаборативный подход; коллаборативная роль преподавателя; мотивирующая роль преподавателя

Для цитирования: Арутюнян В.С. Экосистема «Дистант» сквозь призму диады преподаватель-студент. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-134-139

ORIGINAL PAPER

Ecosystem “Distant”: Teacher-Student Dyad

V.S. Arutyunian

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper describes the analysis of the teacher's role as a guarantor of maintaining the quality of the educational process in a higher educational institution in a distance learning format. The author provides a detailed description of the Distant ecosystem, its positive and negative sides. The basis of the research is the collaborative method of teaching. The author considers learning features with the help of distance technologies, both from the view of a student and from the teacher's one. The study interpreted a lecturer's personality as a conductor of collaborative and motivating roles. Particular attention the author paid to the collaborative teaching method, which turned out being the most effective in distance learning. This method heads to maximum interaction between the considered dyad of communicants in the educational process. The results of the study allow to determine the major factors affecting the quality of the educational process with the use of distance technologies. Also, the research defined the key third-party elements to either hinder to achieve the maximum quality of education during distance learning.

Keywords: ecosystem “Distant”; distance learning; remote technologies; joint approach; collaborative teacher's role; teacher's motivating role

For citation: Arutyunian V.S. Ecosystem “Distant”: Teacher-student dyad. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. (In Russ.). 2022;12(6):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-134-139

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена исследованию роли преподавателя как гаранта обеспечения качественного образовательного процесса в рамках экосистемы «Дистант» и его взаимодействия со студентами, выступающими в качестве глав-

ного объекта образовательного процесса. Прежде чем начать говорить о той роли, которую сыграли учителя и преподаватели для непрерывности образовательного процесса в школе и в вузе, остановимся подробнее на самом понятии «Дистант» — экосистемы в своем роде

уникальной, никогда ранее не существовавшей и активно задействованной в образовательных учреждениях по всему миру в период пиковых волн коронавирусной пандемии.

Итак, почему в исследовании мы определяем обучение с помощью дистанционных технологий именно как экосистему, а не просто систему? В период пандемии главным условием непрерывности образовательного процесса, как в школе, так и в вузе, стала гарантия защищенности всех участников занятий от инфицирования вирусом COVID-19. Безусловно, никто не мог гарантировать, что с выходом на «Дистант» учащиеся и преподаватели вообще не заразятся коронавирусом, но была точная уверенность, что заражения не произойдет непосредственно в ходе урока, лекции, семинара, консультации. С одной стороны, экосистема «Дистант» — это гарантия экологически чистой, в буквальном смысле, атмосферы урока. Даже будучи больным, учащийся мог присутствовать на занятии и при этом не иметь ни малейшего шанса инфицировать своих одноклассников или одноклассников, — «Дистант» полностью снимал психологическую проблему опасения пребывания в единой локации с инфицированным человеком. До введения системы очного обучения с применением дистанционных технологий эта психологическая нагрузка присутствовала и сказывалась на образовательном процессе. Даже сам маршрут из дома до образовательного учреждения и обратно превращался в своеобразную лотерею — заразится обучающийся или преподаватель по дороге в школу, колледж, университет или нет. Более того, постоянное ношение масок, перчаток, присутствие проверяющих медицинских служб, термоизмерители на входах в образовательные учреждения, специальная форма раскладки обучающихся, постоянные объявления по громкоговорителю о соблюдении социальной дистанции — все это не вносило позитива в пребывание в здании образовательного учреждения. Также следует отметить, что огромный психологический дискомфорт доставлял тот факт, что после помещения класса или группы на карантин в результате заражения одного из учащихся все остальные пребывали в постоянной тревоге: а не инфицированы ли они сами? В общем, ситуация до введения дистанционного формата была тревожной.

С введением «Дистанта» эмоциональная атмосфера резко изменилась. Ушел страх быть инфицированным в образовательном учреждении,

теперь не нужно было носить маску и пытаться разговаривать в ней так, чтобы всем было слышно и понятно. Отпала необходимость соблюдать социальную дистанцию и бояться лишней раз подойти к друзьям, стало возможно просто сосредоточиться на образовательном процессе и не думать о последствиях. В этом плане «Дистант» действительно представляет собой экологическую систему, в чем и заключается преимущество формата обучения с применением дистанционных технологий в период пандемий.

С другой стороны, непосредственно с введением дистанционного формата обучения стало понятно, что теперь все участники образовательного процесса находятся в едином технологическом пространстве, становятся фигурантами и гарантами образовательного процесса, и от них самих зависит его качество. И главная, направляющая роль здесь, конечно же, отводилась преподавателю, которому предстояло поставить обучение в доверенном ему классе или группе под четкий контроль. Именно данная функция и является главным объектом рассмотрения нашего исследования. Кто он — преподаватель, эффективно использующий формат обучения с применением дистанционных технологий? В чем его главная роль? С какими трудностями ему пришлось столкнуться, как он их преодолел, что помогло ему? Что почерпнул преподаватель из дистанционного формата обучения, что готов взять с собой в очный формат, а что с удовольствием забудет?

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Проблеме функционирования образовательного процесса с применением дистанционных технологий посвящен целый ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Учитывая тот факт, что за последние два года необходимость в дистанционной форме обучения резко возросла во всем мире (причем не только для участников заочного, но и очного формата обучения), количество публикаций и освещаемых вопросов также резко увеличились.

Так, одним из широкомасштабных прикладных трудов в области дистанционного обучения является исследование авторского коллектива С.А. Щенникова, А.Г. Теслинова, А.Г. Чернявской и др. «Основы деятельности тьютора в системе дистанционного образования», которое содержит комплексное описание вопросов теории и практики дистанционного формата обучения

разных возрастных категорий учащихся [1]. Интересной является монография Ф. Б. Шарипова «Педагогические основы дистанционного обучения», в которой рассматриваются отличительные черты дистанционного формата образования и описываются специфические принципы дистанционного формата обучения [2].

Этому же вопросу посвящена коллективная монография преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Е-лингводидактика: развитие информационной образовательной среды в высшей школе в эпоху цифровизации», где описывается анализ использования в образовательном процессе инновационных онлайн-технологий, электронных средств нового поколения при обучении иностранным языкам в вузе [3].

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу работы составляет коллаборативный метод, который фактически представляет собой стратегию обучения в партнерстве, «подход, в рамках которого обучение построено на тесном взаимодействии между обучающимися или между обучающимися и преподавателем» [4].

Однако в нашей статье данный подход приобретает некую дополнительную векторность, заключающуюся в особых условиях применения коллаборативного обучения — пандемической реальности.

Нам видятся две основные роли (коллаборативная и мотивирующая) преподавателя, ведущего занятия онлайн, которые позволяют ему сохранить достойное качество обучения студентов и школьников в любой ситуации, насколько бы сложной она ни была.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коллаборативная роль преподавателя. Что такое коллаборация в образовательном процессе? Это, прежде всего, так называемое проектное групповое обучение с помощью проектной (коллаборативной работы). Современный образовательный процесс предусматривает большое количество работы, заключающейся в совместном созидании учащихся. То есть перед обучающимися ставятся задачи, которые им необходимо решить совместными усилиями. В основе коллаборативного обучения лежит, прежде всего, идея о том, что любой образовательный процесс — это явление

социальное, так называемая работа в общении друг с другом. В этом плане дистанционное обучение предлагает определенные предпочтения по сравнению с очным форматом.

Во-первых, при необходимости можно совместно работать не только в рамках одной группы, но и всего курса. Это особенно актуально при выполнении конкурсных проектов, а в период пандемии этим активно пользовались учащиеся, принимавшие участие в научных мероприятиях. Во-вторых, при желании дистанционно можно создать интернациональный проект, участниками которого будут студенты из разных стран, например при подготовке к международным олимпиадам, предусматривающим групповые задания, или к международным конкурсам проектов, бизнес-кейсов и др.

Но для осуществления любого совместного проекта необходимо создание соответствующей атмосферы сотрудничества, взаимопонимания между участниками группы, доброжелательного отношения их друг к другу, ведь в ходе работы онлайн могут возникнуть трудности технического плана, и без соответствующего настроения достигнуть положительного результата будет невозможно.

Кто и как должен создать соответствующую атмосферу, при которой учащиеся захотят работать в коллаборации, а не просто осуществлять рутинный процесс, направленный на получение оценки? Здесь на помощь может прийти опытный преподаватель-коммуникант, который должен задать позитивный психологический настрой.

К сожалению, в университетах такой важный предмет, как «Социальная психология» присутствует исключительно на психологических, социологических и педагогических направлениях подготовки, и потому общение студентов в тесном коллективе остается на уровне бытового сознания. То есть в случае возникновения конфликта никто из учащихся не сможет решить его на профессиональном уровне, поэтому им понадобится помощь преподавателя.

С чем же столкнулись преподаватели, которые придерживаются коллаборативного метода обучения в период пандемии, и как они справились с трудностями вынужденного ухода в онлайн-пространство? Прежде всего, следует отметить психологическую нестабильность образовательного процесса, когда невозможно предугадать, сможет ли группа выступить в рамках единого проекта именно в силу неясности технической

составляющей онлайн-обучения и отсутствия гарантии здоровья студентов непосредственно в день сдачи проекта (учитывая непредсказуемость выявления инфицирования вирусом и возможность внезапного заболевания). Немаловажное значение играет и принцип сохранения психологического комфорта, необходимый в период пандемии. В том случае, когда кто-либо из участников группы заболел и выпадал из учебного процесса на определенное время, осуществление совместного проекта ставилось под вопрос, что не могло не вызывать разочарование у остальных. И здесь главная роль отводилась именно преподавателю, которому предстояло убедить учащихся в том, что трудности — временные и не стоит отказываться от участия в проекте только потому, что кто-то из студентов на определенное время оказался в сложной ситуации и не может осуществлять образовательную деятельность, присутствовать на семинарском занятии или подключиться к онлайн-платформе в заранее обозначенное время. Сохранить образовавшуюся группу, дать ей уверенность, что проект в любом случае состоится, настроить учащихся на позитив, предотвратить рокировку состава участников, чтобы не допустить своеобразной «моральной измены» по отношению к временно выбывшему участнику проекта — вот с какими задачами приходилось сталкиваться преподавателям, фактически мотиваторам образовательного процесса.

Подход преподавателя к образовательному процессу в период пандемии и локдауна психологически должен отличаться от обычного. Для достижения атмосферы доброжелательности на период онлайн-занятия ему необходимо принять во внимание все трудности, с которыми сталкиваются учащиеся, поверить в их добросовестное отношение к образовательному процессу и рассмотреть возможность определенных уступок, которые были бы недопустимыми при очном формате обучения.

Так, например, регистрацию участников семинара следует осуществлять не в начале занятия, а в середине и, возможно, даже в конце. Не каждому студенту удастся вовремя подключиться к онлайн-паре в силу технических проблем. И, следовательно, отмечать опоздание на онлайн-занятие будет неправильным и только создаст дополнительную атмосферу нервозности. Еще одним фактом, с которым необходимо мириться преподавателю, является ситуация, которая может возникнуть из-за неправильной

работы портала с расписанием из-за внезапно отключения ссылок на лекции и семинары, обеспечивающих переход с одной лекции или семинара на другие.

Сфера применения коллаборативной роли преподавателя в вузе очень широка. Прежде всего, следует отметить применение коллаборативного метода при оценивании групповых интерактивных домашних заданий учащихся. Почему это важно? В первую очередь потому, что коллаборативное мышление тесно связано с критическим и может помочь в наработке опыта сотрудничества в команде. Учитывая тот факт, что домашнее задание выдается учащимся регулярно, оно представляет собой обширную платформу для коллаборативной работы в группе, причем может охватывать различные аспекты образовательного процесса.

Немаловажное значение имеет коллаборативный подход на зачетах и экзаменах, особенно для учащихся старших курсов. Но здесь необходимо учитывать, что цена ошибки учащегося может привести к серьезным последствиям, если процесс не будет тщательно контролироваться преподавателем на всех этапах. И окончательное решение по выставлению оценки в любом случае должен принимать преподаватель — во избежание неправильной трактовки ответа одного учащегося другим.

В чем основное преимущество коллаборативного подхода и почему его выбор так важен при очном обучении с применением дистанционных технологий? Сразу же стоит отметить, что для осуществления данного метода могут быть задействованы учащиеся любых курсов вуза, а также старших классов школ. Метод позволяет увлечь всех участников образовательного процесса без исключения, когда даже самые неактивные из них примут участие в увлекательном процессе, максимально приближенном к реальности. Таким образом достигается основная цель образовательного процесса — мотивация учащегося на решение совместного коллаборативного задания.

Далее приступим к рассмотрению *мотивирующей роли преподавателя* как главного гаранта качественного образовательного процесса с применением дистанционных технологий.

С чем приходится сталкиваться преподавателю, которого неожиданно переводят на временное обучение в онлайн-формате? Прежде всего, с невероятно трудной задачей — предотвратить разрушение качества образовательного про-

цесса в вверенной ему группе и гарантировать сохранение всех его нормативов, которые имели место в ходе очной работы. Сделать это возможно только при условии четких ориентиров, которые преподаватель задаст в своих группах изначально. И здесь необходимо остановиться на ряде моментов.

Именно преподаватель должен донести до учащихся информацию о личной ответственности каждого из них по отношению к соблюдению режима выхода на занятия в четко обозначенные расписанием временные рамки. Опоздания, отсутствие на занятиях по неуважительной причине, символическое присутствие на занятии (когда учащиеся откровенно имитируют свое нахождение в виртуальной аудитории, а сами в это время находятся не на рабочем месте) — вот основные сложности, с которыми приходится сталкиваться преподавателям, работающим в рамках экосистемы «Дистант».

Как донести до учащихся всю серьезность образовательного процесса с применением дистанционных технологий? Посредством личного примера: отсутствием опозданий, тщательной подготовкой к занятиям, ведением строгого учета присутствия студентов, т.е. использованием тех же организационных и контролирующих инструментов, что и во время очного формата обучения. Чтобы достичь желаемых результатов, необходимо определить все трудности, с которыми придется справляться в период дистанционного обучения, и принять их во внимание.

Далее мы остановимся на одной очень серьезной проблеме, с которой столкнулись многие преподаватели, — психоэмоционального принятия ими того факта, что, скорее всего, занятия придется вести в виртуальной аудитории, где у студентов будут отключены камеры, и в качестве аватарок преподаватель будет видеть иконки с изображением инициалов, животных, в лучшем случае — фото студентов. Многих преподавателей это откровенно раздражает, и они требуют в любом случае включать камеры, так как не готовы «работать с иконками» и испытывают психологический дискомфорт.

Еще одна сложность, с которой сталкиваются даже самые опытные преподаватели, — нежелание или невозможность некоторых студентов использовать мобильное устройство (вне зависимости от его вида) исключительно с целью инструмента для выхода на онлайн-занятие. Студенты, в своем большинстве, продолжа-

ют настаивать, что мобильный телефон — это многофункциональное устройство и может использоваться одновременно и как видеокамера, и как электронная версия учебника. Учитывая тот факт, что студенты осознают всю персональную ответственность за принятие подобного решения, преподаватель (на период дистанционного обучения) может ограничиться лишь рекомендацией об использовании печатных версий учебников — не стоит заострять внимание на данной технической проблеме, необходимо принять этот факт и понять, что спокойная психоэмоциональная атмосфера занятий благоприятно повлияет на качество образовательного процесса.

Это, пожалуй, самые распространенные препятствия с которыми приходится сталкиваться преподавателям и учителям, работающим в рамках экосистемы «Дистант». Данные явления, безусловно, могут повлиять на качество обучения, но при правильном подходе к этим явлениям можно справиться с поставленной задачей очень успешно, и мотивирующая роль преподавателя в этом плане очень эффективна.

ВЫВОДЫ

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, обширно применяемая форма очного обучения с применением дистанционных технологий может рассматриваться как особая экологически защищенная система, способствующая сохранению физического и психологического здоровья всех участников образовательного процесса. Во-вторых, главенствующая роль в процессе функционирования экосистемы «Дистант» отводится преподавателю, выполняющему одновременно две роли: коллоборативную и мотивирующую. При этом студенты и школьники становятся активными участниками образовательного процесса и готовы прислушиваться к новым требованиям со стороны преподавателя и осознавать личную ответственность в сложившихся обстоятельствах. В-третьих, для качественного функционирования экосистемы «Дистант» необходимы не только мотивация и готовность всех участников образовательного процесса приложить максимум усилий для достижения поставленных задач, но и принятие того факта, что необходимо мириться с некоторыми отрицательными сторонами онлайн-обучения и не сосредотачиваться на временных трудностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щенников С.А., Теслинов А.Г., Чернявская А.Г. Основы деятельности тьютора в системе дистанционного образования. М.: Образование Сервис; 2004. 608 с.
2. Шарипов Ф.В. Педагогические технологии дистанционного обучения. Монография. М.: Университетская книга; 2016. 304 с.
3. Климова И.И., Мельничук М.В. Е-лингводидактика: развитие информационно-образовательной среды в высшей школе в эпоху цифровизации. Монография. М.: Научные технологии; 2020. 315 с.
4. Павельева Н.В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса. *Образование. Карьера. Общество*. 2010;3(29):30–37.

REFERENCES

1. Shchennikov S.A., Teslinov A.G., Chernyavskaya A.G. Fundamentals of tutor activity in the system of distance education. Moscow: Education Service; 2004. 608 p. (In Russ.).
2. Sharipov F.V. Pedagogical technologies of distance learning. Monograph. Moscow: University book; 2016. 304 p. (In Russ.).
3. Klimova I.I., Melnichuk M.V. E-lingo-didactics: Development of information and educational environment in higher education in the era of digitalization. Monograph. Moscow: Scientific technologies; 2020. 315 p. (In Russ.).
4. Paveleva N.V. Collaborative learning as a model for the effective implementation of the educational process. *Education. Career. Society*. 2010;3(29):30–37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ванда Сергеевна Арутюнян — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Vanda S. Arutyunyan — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8785-7853>

wandaaru@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.06.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.06.2022; accepted for publication on 15.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Внедрение новой структурной модели в анализ внешней политики государств

Е.А. Кашин

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Сегодня существует множество различных подходов к изучению международных отношений и внешней политики государств, но остается открытой проблема структурного анализа внешней политики мировых лидеров. Ее исследование становится востребованным, когда происходит изменение баланса сил на международной арене. С древних времен каждое сильное государство стремилось расширить сферу своего влияния и утвердиться как гегемон. Исследование внешнеполитических проектов, которое предлагает или навязывает «крупный игрок», помогает оценить эффективность инструментов и спрогнозировать возможный итог. Россия имеет долгую историю геополитической борьбы за место среди мировых держав. Данная работа предлагает новый инструментарий по исследованию внешнеполитической активности – от идейного уровня до практической реализации. В рамках примера автором сформирована Рах-модель современного Китая и показаны Рах-модели России в разные исторические периоды.

Ключевые слова: модель; структура; внешняя политика; Рах; идейная основа

Для цитирования: Кашин Е.А. Внедрение новой структурной модели в анализ внешней политики государств. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):140-144. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-140-144

New Structure Implementation for Foreign Policy Analysis of States

E.A. Kashin

Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Nowadays, there are loads of various ways to the study of international relations and the foreign policy of states, but the problem of structural analysis of the foreign policy of world leaders remains open. This problem solution becomes in demand when there is a transformation in the balance of power in the international arena. Since ancient times, every powerful state has sought to expand its sphere of influence and establish itself as a hegemon. The study of foreign policy projects proposed or imposed by a Big Player helps to evaluate the effectiveness of the tools and predict the likely outcome. Russia has a long history of geopolitical struggle for a place among the globe powers. This work offers a new toolkit for the study of foreign policy activity – from the ideological level to practical implementation. As a part of the example, the author formed the Pax-model of modern China and showed the Pax-models of Russia during different historical periods.

Keywords: model; structure; foreign policy; Pax-model; ideological basis

For citation: Kashin E.A. New Structure Implementation for Foreign Policy Analysis of States. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):140-144. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-140-144

К началу XXI в. устойчиво сложились четыре подхода к пониманию и анализу международных отношений (а следовательно, и специфические особенности разработки внешнеполитических доктрин и проектов). Наиболее признанными стали подходы школ политического реализма (неореализма), неолиберализма, конструктивизма и неомарксизма.

Школа политического реализма базируется на анархичной природе международных отношений

и основе реализации национальных интересов. Реализм предлагает «закон джунглей», что открывает возможность использования аморальных методов во внешней политике [1]. Ключевой составляющей данной школы является «баланс сил», на основе которого строится подход к пониманию мирового порядка у реалистов.

Теория либерализма или неолиберализма предлагает совершенно другой подход. Предпосылки данной школы были заложены еще в эпоху Про-

свещения в рамках теории демократического мира И. Канта [2]. Важной составляющей либерального подхода является акцент на включенность в мировую торговлю и членство в международных организациях, так как у демократических стран нет геополитических вопросов, которые невозможно решить путем переговоров. Анализируя либеральное понимание мирового порядка, Дж. Джон Икенберри пришел к выводу, что мировому гегемону для сохранения своих позиций выгодно формировать лояльные демократические режимы и бороться с авторитарными [3].

Школа конструктивизма рассматривает международные процессы в другой плоскости. Конструктивисты объясняют мироустройство с точки зрения норм морали и идей. Они делают акцент на успешности влияния ценностей одного государства на другие, а могущество определяется размером сферы идеологического влияния.

На базе Франкфуртской школы была организована парадигма неомарксизма, которая исходила из того, что производственные отношения являются источником конфликта [4]. Наиболее известные представители такого подхода — И. Валлерстайн, А. Франк, С. Амин, которые исследовали экономическое неравенство стран по оси Север-Юг. Итогом деятельности стало создание мир-системного подхода. Согласно ему государства являются частью системы, которая делится на «ядро», «полупериферию» и «периферию». Суть системы состоит в том, что «ядро» присваивает ресурсы «полупериферии» и «периферии», увеличивая разрыв между частями системы и побуждая бедные страны проявлять агрессию в отношении развитых государств.

Названные выше подходы своеобразны и конкурируют между собой, но у них есть общие черты: наличие изначального ядра (национальные интересы, права человека, традиции, экономическое благополучие), которое определяет дальнейшую политику государства и функционирования международной системы. Подобные теории также предлагают свои инструменты: от силовой политики до «мягкой силы», международных институтов и деятельности транснациональных корпораций. Кроме того, они определяют направленность деятельности, что особенно видно в мир-системном анализе.

Данные теоретические наработки позволили сформировать универсальную модель внешней политики отдельного государства, которая подходит ко всем возможным теориям и историческим периодам. Идеологическая часть конструктивизма, экономическая часть неомарксизма, широкий спектр

инструментов неолиберализма и государствоцентризм политического реализма легли в основу новой структурной модели. Важным нововведением стала возможность рассмотрения внешнеполитической активности без привязки к определенной школе международных отношений.

Модель имеет четыре уровня (рис. 1):

1. Ядро (в виде глобальных проектов).
2. Инструменты (в виде фактической внешнеполитической деятельности).
3. Направленность (в виде геополитической сферы влияния).
4. Общий цивилизационный уровень (Рах).

Слово «рах» (от лат. — империя или нация) используется для обозначения мирного периода (или, по крайней мере, стабильности), установленного гегемоном.

Самая главная часть Рах-модели — это глобальные проекты развития, которые государство вносит в мировое сообщество. Они могут иметь материальный или метафизический характер, но всегда являются основой позиционирования уникальности страны на международной арене. Также ядро можно охарактеризовать как идеологический базис внешней политики, но это будет не полное описание феномена. К основным признакам данных проектов следует отнести наличие [5]:

- идеологической основы;
- программы конкретных действий;
- оценки положения сил в мировом порядке;
- материальных и интеллектуальных ресурсов.

Глобальные проекты могут быть как политико-экономические, так и научно-исследовательские, но последние всегда в разной степени являются инструментами для развития первых.

Для дальнейшего исследования следует определиться с базовыми понятиями. **Глобальный проект развития** — это система ценностей, созданная совокупностью культурных, исторических, социальных, государственных традиций, воплощенных в системе смыслов, и распространяемая в материальной и духовной сферах посредством экспансии [6]. Упомянув систему ценностей, мы ведем речь о государственной идеологии, которая транслируется страной во внешний мир. Также проект можно считать именно глобальным, потому что он выступает альтернативой уже существующим в мире и подразумевает изменения.

Переходя к инструментальной части, важно заметить, что в ней заключается практическая составляющая, которая рассматривается в рамках заявленного проекта. Инструменты в модели не

Рис. 1 / Fig. 1. Модель структуры внешней политики государства (Рак-модель) / Model of the state foreign policy structure (Pax-model)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

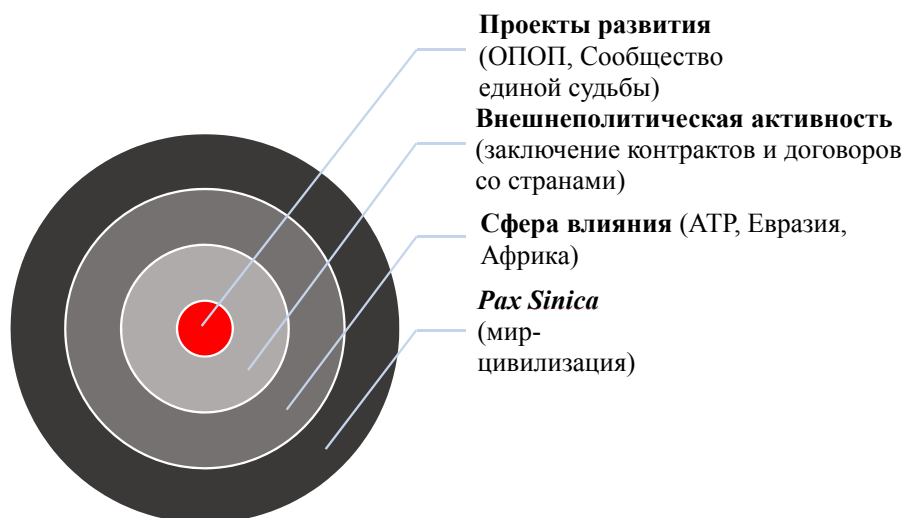

Рис. 2 / Fig. 2. Модель структуры внешней политики КНР (Рак-модель КНР) / Model of the Foreign Policy Structure of the PRC (Pax-Model of the PRC)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

имеют ограничений в видах и методах. Все осуществляется государством и имеет эмпирическое подтверждение.

Третья часть Рак-модели заключается в фиксации направлений внешней политики и определении мест ее реализации. Это позволяет выявить фактическую и желаемую сферы международного влияния отдельного государства.

Наконец, четвертая часть Рак-модели формирует весь комплекс проектов, инструментов и направлений внешней политики и обязательно учитывает эффективность ранее названных частей.

Таким образом, раскрытие общих черт структуры теоретических школ международных отношений

(наличие идейного ядра, инструментов реализации и направленность активности) позволило сформировать модель структуры внешней политики государства, которая имеет универсальный характер и поможет в дальнейшем более качественно отразить роль и значимость глобальных проектов развития во внешней политике мировых лидеров.

Например, рост национальной экономики КНР, а следовательно, и военного бюджета, позволил китайскому правительству выступать против гегемонии США в международной системе отношений. Так, с 2010-х гг. активно идет развитие сразу двух проектов: «Сообщество единой судьбы» и «Один пояс — Один путь».

Таблица / Table

Сравнительная таблица российских Рах-моделей / Comparing of Russian Raх-models

Рах	Глобальный проект развития / Global development project	Внешиполитическая деятельность / Foreign policy activity	Сфера влияния / Sphere of influence
Рах Orthodoxa	«Москва – Третий Рим», мировой духовный центр христианства	Освободительные войны, формирование коалиций, развитие торговых отношений	Территория Руси, Византии и земли проживания православных, «Великая степь»
Рах Rossica	Панславизм (защита славян и православных), «Большая азиатская программа»	Освоение новых территорий, войны, раздел сфер влияния договорами, создание концессий и инвестирование в неразвитые экономики	Территория Руси, Балканы, Восточная Европа, Центральная Азия, Китай, АТР
Рах Sovietica	Построение социализма, защита пролетариата, борьба с капитализмом	Финансирование компартий, военная поддержка лояльных сил, дипломатическое давление, материальная поддержка	Социалистические государства и страны третьего мира

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Проект «Один пояс — Один путь» носит геополитический характер, так как подразумевает строительство транснациональной инфраструктуры из Китая в Европейский союз. Естественно, данный замысел изменит геополитическую расстановку сил в пользу Китая и его союзников, поэтому можно заметить активное сопротивление коллективного Запада.

На выступлении в ООН в 2015 г. Си Цзинпин процитировал китайскую поговорку: «Величайший идеал — создать мир, который действительно разделяет все», а затем назвал пункты, над реализацией которых должно работать международное сообщество. Китай открыто предложил свой проект политического устройства мирового порядка, в первую очередь делая акцент на самоуправстве США. Так, на площадке ООН были официально озвучены принципы «Сообщества единой судьбы»¹.

Получается, что китайские глобальные проекты развития имеют заявленные ранее части:

- идеологическая: совместное развитие, невмешательство во внутренние дела, взаимное политическое сотрудничество;
- программа действий: наличие морского и сухопутного варианта реализации проектов через страны Азии;
- оценка мирового порядка: критика внешней политики США;
- ресурсы: у Китая вторая экономика в мире.

Полученная информация позволяет структурировать внешнеполитические действия современного Китая, используя Рах-модель (рис. 2). Благодаря ей можно заметить, что глобальные проекты развития, которые созданы для достижения поставленных целей, занимают центральное положение во внешней политике КНР.

Если говорить о России, то до 1991 г. она имела или пыталась создать три глобальные мир-системы, которые развивались в рамках установленных Москвой правил (см. таблицу).

С помощью Рах-модели было выделено три отдельные отечественные Рах-системы: Рах Orthodoxa, Рах Rossica, Рах Sovietica. Первая включает концепцию «Москва — Третий Рим» и период с XVI по XVIII в. В рамках второй — панславизм и защита православных христиан в период с XVIII до начала XX в. В третьей заключена марксистско-ленинская идеология по защите пролетариата во всем мире и построение коммунизма с 1917 по 1991 г.

Таким образом, исторический опыт практик реализации глобальных проектов развития обширен и имеется множество различных примеров их осуществления. Инструменты с древних времен эволюционировали из чисто военной сферы в политико-экономическую и культурную. Особо ярко это было заметно в XX в., когда на смену формальным империям пришли неформальные. Стали складываться международные институты

¹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/>

и возросло значение экономического и промышленного факторов во внешней политике.

Россия создавала свои Рах-системы, в первую очередь для защиты своих национальных интересов и обеспечения политической и экономической безопасности. У каждого глобального проекта развития была своя геополитическая цель, а в российском варианте присутствовал еще и фактор мессианства. Это качественно отличало проекты России, так как они были сформированы в лоне миссии спасения от угнетения (славян, православных и рабочих). Такое ограничение, с одной стороны, сокращает возможности конкуренции с другими глобальными проектами, а с другой — более эффективно, благодаря своей узкой направленности.

Таким образом, на протяжении всей истории человечества государства, развитые в экономическом и военном плане, формировали свои варианты мирового устройства. С усилением экономических и гуманитарных факторов внешнеполитический подход к обеспечению геополитического могущества государств изменился в сторону реализации глобальных проектов развития. Важно отметить, что ключевой акцент делается на идеологическом сопровождении и ресурсном потенциале великой державы, претендующей на мировое лидерство. Поэтому предложенная Рах-модель является новым инструментом для структурного анализа внешней политики отдельных государств, который поможет достичь поставленных исследовательских целей и задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schuman F. *International Politics: The Western State System in Transition*, 3rd edn. New York: McGraw-Hill; 1941.
2. Кант И. К вечному миру М.: Московский рабочий; 1989. 80 с.
3. Ikenberry G. J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton: Princeton University Press; 2001.
4. Олейнов А. Г. Международные отношения в объекте научного исследования. *Государственная служба*. 2011;(3):82–87.
5. Яницкий О. Н. Глобальные стратегические проекты. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2019;(14–2):147–151.
6. Павленко В. Б. Проектный подход как основа системной альтернативы западному доминированию. *Мир и политика*. 2008;(4):81–93.

REFERENCES

1. Schuman F. *International Politics: The Western State System in Transition*, 3rd ed. NY: McGraw-Hill; 1941.
2. Kant I. *To the eternal world* Moscow: Moscow worker; 1989. 80 p. (In Russ.).
3. Ikenberry G. J. *After the victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton: Princeton University Press; 2001. (In Russ.).
4. Oleinov A. G. *International relations in the object of scientific research*. *Public service*. 2011;(3):82–87. (In Russ.).
5. Yanitsky O. N. *Global strategic projects*. *Russia: Trends and development prospects*. 2019;(14–2):147–151. (In Russ.).
6. Pavlenko V. B. *Project approach as the basis of a systemic alternative to Western dominance*. *World and Politics*. 2008;(4):81–93. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Егор Алексеевич Кашин — магистрант факультета политологии, МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

Egor A. Kashin — Master's student, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7752-4628>

egork136@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.07.2022; принята к публикации 19.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.07.2022; accepted for publication on 19.08.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2022 ГОД

№ 1

II СОЛОВЬЕВСКИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

<i>Кальней М.С.</i> Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов	6
<i>Ваньчик Д.</i> Война как <i>katálysis</i> идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны.	11
<i>Счастливец Е.А., Бархолов М.А.</i> Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева	16
<i>Чистобаев А.В.</i> Проблемы преподавания истории литературы в вузах	22

ТЕМА НОМЕРА: ВЛАСТЬ: МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

<i>Беше-Головко К.</i> Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации.	27
<i>Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л.</i> Цифровой менеджмент политических акторов и медийных агентов в ходе событий в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: дискурсивное поле и механизмы распространения	37
<i>Лукьяненко К.Т.</i> Сетевой мониторинг как перспективное направление совершенствования системы профилактики этнополитических конфликтов в Российской Федерации	50
<i>Баженова М.В.</i> Демократизация политических процессов и развитие гражданского общества: основания для поправок в Конституцию Республики Беларусь.	55
<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Идеологическое измерение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов.	60

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Никипорец-Такигава Г.Ю., Бучнев Е.В.</i> Методологические проблемы формирования концепции национальной кибербезопасности Российской Федерации.	70
<i>Музашвили Д.З.</i> Доверие как политико-психологический феномен	75
<i>Большунова С.А., Тюрников А.Г.</i> Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия	80
<i>Межва З.Э.</i> Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста	90
<i>Зубов В.В.</i> Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики	100
<i>Сергиенко Н.С., Велиханов М.Т., Фатиева С.А.</i> Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации	108
<i>Сперкач А.И.</i> «Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин» (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США)	116

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Андрианов В.В.</i> Хеджирование нефтяных цен как инструмент международной энергетической политики	124
<i>Жукова Л.В.</i> Стратегия энергетической политики США как инструмент борьбы Республиканцев и Демократов в предвыборной гонке	133
<i>Швецов А.В., Фомин Ю.А.</i> Профессионализм и любительство в современном олимпийском спорте	139
<i>Кулакова Н.Н.</i> Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты	145
<i>Владимиров И.А.</i> Социальный механизм функционирования института аспирантуры в современной России.	153

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Багдасарова Р.А., Силенко В.А.</i> Комьюнити-блоггерство: архетипы и бренды	161
--	-----

ТЕМА НОМЕРА: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

<i>Лебедев С.В.</i> Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке	6
<i>Кочетков Е.Е., Томич В., Бестаева Е.В.</i> Этнофедерализм и политическая модернизация в Малайзии.	11
<i>Денисов Д.О.</i> К вопросу о Женевском формате урегулирования конфликта на Украине	22
<i>Мельникова Ю.Ю.</i> Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР.	31
<i>Хагбин М.</i> Стратегия Ирана в борьбе региональных и трансрегиональных держав за лидерство в регионах Каспийского моря и Персидского залива	38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Расторгуев С.В.</i> Ресурсно-акторный анализ в политических исследованиях	45
<i>Парма Р.В.</i> Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности.	53
<i>Панов Е.Г.</i> Проблема фундаментальных социальных констант в гуманитарном знании	61
<i>Юдина В.А., Бондаренко В.В., Танина М.А.</i> Развитие методологии формирования международных рейтингов в условиях глобализации мирового образовательного пространства	67
<i>Бужор Е.С., Шевченко О.В.</i> О мотивах ада, чистилища ирая в творчестве Ф.М. Достоевского	75

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Евгеньева Т.В.</i> Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах.	84
<i>Каминская Т.Л.</i> Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта	91
<i>Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л.</i> Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения.	97
<i>Немцев А.В.</i> Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности.	109
<i>Дорожкин Ю.Н., Гаецкулов Э.Н.</i> Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России.	115
<i>Луговая А.А.</i> Межкультурная коммуникация как один из ключевых аспектов успешных деловых отношений молодых специалистов	122
<i>Захцер Е.М.</i> Диалог в публичной речи как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время.	131
<i>Смутькина Н.В., Рогач Н.Н.</i> Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ	138
<i>Калитько И.И.</i> Фанатские сообщества – бороться или возглавить? Политический потенциал современной фанатской культуры	148

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ковригин Д.Э.</i> Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации.	153
<i>Волхонская З.И.</i> Библиометрический анализ публикаций в базе данных Scopus по теме российско-американских отношений в период с 2016 по 2021 год.	159

ТЕМА НОМЕРА:

АНАЛИТИЧЕСКОЕ И PR-СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ И БИЗНЕСА

<i>Деникин А.В., Деникина З.Д.</i> Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании.	6
<i>Шатилов А.Б.</i> Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа	16
<i>Курбанова К.М.</i> Типология позиционирования и управленческого стиля «новых губернаторов» в РФ в 2017–2022 гг.	22
<i>Горшкова Е.Д.</i> Особенности рекламной коммуникации на рынке биологически активных добавок.	26
<i>Кармова М.Р., Максимова О.И.</i> Межкультурная коммуникация: путь к солидарности между этническими сообществами	30

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Рафикова К.Ф.</i> Социологические исследования в цифровую эпоху: формирование базы знаний вычислительной социологии	36
<i>Теплякова М.Ю., Хабиб М.Д., Ларионова Е.И.</i> Статистическая оценка состояния кадрового потенциала в российской науке	41
<i>Каримов Ш.И., Кисляков А.С.</i> Геополитическое взаимодействие России со странами Закавказья на рубеже XX–XXI веков	52
<i>Зубец А.Н., Хоконов А.А.</i> Качество жизни, протестная активность населения и проблемы обеспечения национальной безопасности России	57
<i>Крутаков Л.В.</i> О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 2008 года)	65
<i>Короткова М.Н.</i> Социальная политика государства в системе здравоохранения: возрождение модели Семашко	74

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Чепель С.Л.</i> Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)	81
<i>Рябчикова Л.Н.</i> К вопросу о значении советского концессионного опыта для современной России.	89
<i>Пилипенко А.Д.</i> Роль СО НКО в формировании основ новой гражданственности в России.	95

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Шапкин И.Н.</i> От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения	102
<i>Ганина Е.В., Полякова Р.И., Матвеев В.Э.</i> Обучение китайских студентов русской политической речи ...	110
<i>Махаматов Т.Т.</i> Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект ...	117
<i>Пономарева А.В., Яковлева Е.Н.</i> Особенности обучения английскому языку студентов поколения Z в неязыковом вузе (на примере студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью»)	123
<i>Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н., Староверова Н.П.</i> Особенности индивидуализации обучения иностранному языку в неязыковом вузе	130

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ульянов Д.В.</i> Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы	137
<i>Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А.</i> Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение	142

№ 4

ТЕМА НОМЕРА: ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Мамаева Ю.А.</i> Фандрайзинг в контексте деятельности российских парламентских партий: актуальное состояние, проблемы и перспективы	6
<i>Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С.</i> Правовой статус политических партий в современной России ...	13
<i>Зубов В.В.</i> Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холодной войны)	20
<i>Кисляков А.С., Кашин Е.А., Кучиева А.И.</i> Особенности партийного строительства в Российской империи в конце XIX – начале XX века	27
<i>Селезнев П.С., Крамер А.Д.</i> Философские концепции Айн Рэнд как основа дискурса радикальной оппозиции в Российской Федерации	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Замараева Е.И.</i> Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации	45
<i>Омарова Л.Б.</i> Традиции как фундамент устойчивости общества	51
<i>Мохаммед Х.А.М.</i> Факторы этнической идентичности как причины современных этнополитических конфликтов	59
<i>Пряжников Н.С., Камнева Е.В.</i> Модели профпригодности в управлении персоналом, профориентации и самоменеджменте.	64

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Шатилов А.Б.</i> Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа	71
<i>Лукьяненко К.Т.</i> Перспективы развития политико-экономических аспектов экологической повестки в условиях антироссийских санкций	77
<i>Прохорова И.Г., Разов П.В., Вольф К.В., Гамза В.А., Кривошеин Н.В.</i> Многосторонняя цифровая инвестиционная платформа – новый институт развития инфраструктуры отечественного бизнеса.	82
<i>Расторгуев С.В.</i> Современные исследования политической идентичности российской молодежи.	89
<i>Осинина Д.Д.</i> Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации	97
<i>Бочкаев А.Р.</i> Основные подходы к политической социализации молодежи	104
<i>Семенцова К.Р.</i> Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности	109
<i>Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В.</i> Сотрудничество компаний в сети Интернет для расширения аудитории и увеличения прибыли (на примере журнала о культуре кофе «Café Soci�t� Magazine»).	114
<i>Глебова Т.А.</i> Развитие социокультурной компетенции инофонов при обучении профессионально ориентированному языку с применением информационно-коммуникационных технологий	118

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Билуха К.С., Данилова М.Р.</i> Удовлетворенность качеством образования студентов российских вузов в условиях пандемии (на примере Финансового университета).	123
<i>Вокуева Т.С.</i> Образ современного российского университета в зеркале мнений преподавателей и студентов (на примере Финансового университета).	128

№ 5

**ТЕМА НОМЕРА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

<i>Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А.</i> Проблемы преемственности духовного опыта поколений и анализ их исторически сложившихся моделей в современной российской историографии	6
<i>Зверев А.Л., Матюсова А.И.</i> Личности глав российских регионов: сравнительный политико-психологический анализ	14
<i>Белоконов С.Ю., Косарева А.А.</i> Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор	23
<i>Соболева Е.О.</i> Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации.	31
<i>Юрасов И.А., Зябликова О.А.</i> Социо семиотическая специфика православного анекдота и его влияние на религиозную идентичность.	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Родачин В.М.</i> Политический процесс: сущность, признаки, классификация.	42
--	----

<i>Трошин А.А.</i> Постоптимальные объекты в социальном дизайне: опыт поиска в исторической ретроспективе	50
<i>Митрахович С.П.</i> Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе	57
<i>Клементьева М.В.</i> Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека	63
<i>Власова А.В., Тюриков А.Г., Дронова А.С., Кунижева Д.А., Гукова А.Ю.</i> Феномен доверия в отечественном научном дискурсе	70

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кожаринов А.В., Кисляков А.С., Ростовцева П.П.</i> Современные методы и технологии внеаудиторной работы в поликультурных сообществах университетов России	79
<i>Брега А.В., Осинина Д.Д.</i> Анализ условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства	88
<i>Кузнецов А.В., Касаткина Е.В.</i> Перспективы создания международного рейтингового агентства с участием России	97
<i>Азаров А.А., Лукушин В.А., Давыдова М.А.</i> Профилизация пользователей цифровых сетей социального недовольства в субъектах Российской Федерации	105
<i>Точин А.В., Пыжиков Н.С., Чимириц Е.С., Качуровский К.Е., Живалов В.Н.</i> Оценка влияния торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, странами ЕАЭС и третьими странами на развитие интеграционных процессов ЕАЭС	114
<i>Лисенкова А.Д.</i> Основные особенности климатической повестки Партии европейских социалистов	127
<i>Ежов Д.А., Сироткин М.С.</i> Политическая элита Калужской области: анализ структуры	136
<i>Копусь Т.Л.</i> Традиционный и массовый открытый онлайн-курс «Деловая коммуникация»: перспективы для системы высшего образования	143
<i>Третьякова Г.В.</i> Использование художественных произведений в курсе обучения студентов дисциплине «Иностранный язык (специальный)»	150
<i>Малека Ю.Н., Мельков С.А., Микрюков В.О.</i> Зачем политологам исследовать государственное управление (уточнение авторской позиции в связи с введением в действие новой специальности высшей научной квалификации 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики»).	155
<i>Мамедов Р.Ш.</i> Последствия снятия санкций ООН и США с Ирака после 2003 года	164

№ 6

ТЕМА НОМЕРА: В ПОИСКАХ ДНК РОССИИ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЦЕННОСТИ

<i>Шатилов А.Б.</i> Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI вв. (к вопросу о ДНК России)	6
<i>Джанджгава Л.Т., Ореховская Н.А.</i> Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе	12
<i>Каримов Ш.И., Оборский А.Ю.</i> Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями	19
<i>Абрадова Е.С.</i> Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов	25
<i>Сперкач А.И.</i> Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения?	33
<i>Попова Е.А.</i> «Культура отмены» как проявление западной русофобии	40

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Махаматов Т.М., Пулатова Д.А.</i> Основания образования экзистенции и способы ее преодоления	46
<i>Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С.</i> Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях	53

<i>Мельничук М.В., Стародубцева Е.А.</i> Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран)	63
<i>Крупченко А.К., Кузнецов А.Н.</i> Лингводидактические основы лингвистического обеспечения информационной безопасности организации.	72
<i>Субцельная Т.А., Негрий В.А.</i> Влияние внутриличностного конфликта на потребительское поведение у женщин	81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Пляйс Я.А.</i> Афганистан: талибы снова у власти	88
<i>Крылов Д.С.</i> Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США	97
<i>Лебедев С.В.</i> Устойчивость монархий Большого Ближнего Востока: эффект громоотвода, подавление протеста и патримониальные связи	103
<i>Ачыкгёз М.</i> Деятельность консульства Турции в г. Казани в области гуманитарной помощи в период распространения COVID-19	109
<i>Ковригина А.И., Горячева И.Н.</i> Перспективы использования методики предметно-языкового интегрированного обучения в программах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика» ...	113
<i>Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е.</i> Развитие творческой активности студентов в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе	122
<i>Арутюнян В.С.</i> Экосистема «Дистант» сквозь призму диады преподаватель-студент	134

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Кашин Е.А.</i> Внедрение новой структурной модели в анализ внешней политики государств	140
Содержание журнала за 2022 год	145